

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ХАССКИХ ДОМОВ

ЛАЙЛА ДАЛО

ВРАГ МОЙ,
ЛЮБОВЬ МОЯ

Цикл: Новейшая История Хаотических Домов

Книга четвертая цикла

Не доверяйте незнакомцам, не шагайте в другой мир сквозь зеркала, не заводите сомнительных друзей. Впрочем, все эти правила можно смело нарушить, если вы готовы к последствиям. Мне показалось, что я готова ко всему, но Игра Хаоса обернулась чем-то совершенно иным. В спину дышит враг-любовь-всей-жизни, рядом Проводник, ненавидящий до корней пепельных волос, вокруг одни «доброжелатели», черепашки с перламутровыми крылышками и замки в облаках. Впрочем, потеряться на Девяти Кругах Первозданного я не боюсь, не пугают меня и интриги Хаотических Домов. Гораздо страшнее встретить настоящую себя в конце Пути

- [Дало Лайа. Враг мой, любовь моя](#)
- [ПРОЛОГ. Междумирье. Двое в капюшонах и Тень за спиной](#)
- [ЧАСТЬ 1. Шаг по ту сторону зеркала ГЛАВА 1. Гости Междумирья. Настя](#)
- [ГЛАВА 2. О пользе и других эфемерных понятиях. Лаит](#)
- [ГЛАВА 3. Вводная лекция. Настя](#)
- [ГЛАВА 4. Шарады. Настя](#)
- [ГЛАВА 5. В ожидании. Настя](#)
- [ГЛАВА 6. Едем на БАЛ! Лаит](#)
- [ГЛАВА 7. Темная угроза. Настя-Аэль](#)
- [ГЛАВА 8. Маски. Настя-Аэль](#)
- [ГЛАВА 9. Союзники. Лаит](#)
- [ГЛАВА 10. Вещие сны. Настя](#)
- [ГЛАВА 11. Библиотека. Аэль](#)
- [ГЛАВА 12. Кубик-рубик. Аэль](#)
- [ГЛАВА 13. Воспоминания. Кхай, Тот-что-предал](#)
- [ГЛАВА 14. Дороги и путники. Лаит](#)
- [ГЛАВА 15. Буря. Лаит](#)
- [ГЛАВА 16. Мечь и мстящие. Лаит](#)
- [ЧАСТЬ 2. Искусство правдивой лжи Глава 17. Три цвета ночи. Аэль](#)
- [Глава 18. Послание. Лаит. Аэль](#)
- [Глава 19. Украсть у вора. Аэль](#)
- [Глава 20. Перекрестки. Кхай. Аэль.](#)
- [Глава 21. Ежики в тумане. Аэль](#)
- [Глава 22. Гордость рода. Аэль](#)
- [Глава 23. Другая сторона зеркала. Аэль](#)
- [Глава 24. Корень всех зол. Лаит](#)
- [Глава 25. Арена. Лаит](#)
- [Глава 26. Во славу. Аэль](#)
- [ЧАСТЬ 3. Обратная сторона любви Глава 27 Плен и тлен. Аэль](#)
- [Глава 28. Пособие по единению. Аэль](#)
- [Глава 29. Розовое и абсурдное. Аэль](#)

- [Глава 30. В гостях хорошо, а дома... да ну его в Бездну этот Дом! Аэль](#)
 - [Глава 31. Один на один. Лаит](#)
 - [Глава 32. Кто ходит в гости по утрам... тот Ваэль](#)
 - [Глава 33. Встречи на перепутье. Кхай](#)
 - [Глава 34. Бывших Цаде не бывает. Кхай](#)
 - [Глава 35. Все не то, чем кажется. Ваэль](#)
 - [Глава 36. Танцы в тумане. Аэль](#)
 - [Глава 37. Ненависть к Врагу. Кхай](#)
 - [Глава 38. Храмовые беседы. Взгляд со стороны](#)
 - [Глава 39. Сказ о Враге. Взгляд со стороны](#)
 - [Перезапилот, недопролог. Пожиратель Душ](#)
-

Дало Лайа. Враг мой, любовь моя

Цикл: Новейшая История Хаоских Домов

Книга четвертая цикла

Не доверяйте незнакомцам, не шагайте в другой мир сквозь зеркала, не заводите сомнительных друзей. Впрочем, все эти правила можно смело нарушить, если вы готовы к последствиям. Мне показалось, что я готова ко всему, но Игра Хаоса обернулась чем-то совершенно иным. В спину дышит враг-любовь-всей-жизни, рядом Проводник, ненавидящий до корней пепельных волос, вокруг одни «доброжелатели», черепашки с перламутровыми крылышками и замки в облаках. Впрочем, потеряться на Девяти Кругах Первозданного я не боюсь, не пугают меня и интриги Хаоских Домов. Гораздо страшнее встретить настоящую себя в конце Пути.

ПРОЛОГ. Междумирье. Двое в капюшонах и Тень за спиной

Тот Путь, что может быть пройден,
То не Истинный Путь.
То Имя, что может быть названо,
То не Вечное Имя.
Книги Хаоса, Генезис, Эпоха Новой Звезды

Некоторое время назад

Двое стояли на скале над Лесом, частично скрытые серым маревом. Щупальца липкого тумана пытались пробраться сквозь плотные плащи, заглянуть под капюшоны, но каждый раз отступали, напуганные тем, что скрывалось в густой тени.

— Учитель, потоки нестабильны.

Старший провел по призрачному отростку рукой, затянутой в черную кожаную перчатку. Сгусток аномальной силы дернулся, съежился, словно боясь колыхнуться лишней раз. Учитель покачал головой:

— Я уже и не помню времени, когда они были иными.

— На этот раз все иначе, возмущения локальны, — возразил Младший.

— Да, я вижу. Знаки... Да, Семя проснулось.

— Часть нитей обрывается.

— Закрытый Мир.

— Да, но вторая часть... Видите? Потоки будто пропадают, растворяются в том странном месте, но все же их можно отследить, едва-едва, но...

— Но они видны, а значит сильный Мейн сможет пройти. Ты считаешь, что готов?

Младший промолчал. Он был лучшим Учеником, самым сильным и талантливым, но то, что предстояло сделать... Как подготовиться к смерти? А ведь Переход в ту Вселенную будет именно Смертью. С большой буквы.

— Учитель... Я знаю, зачем все это. Нашему Дому нужна Карта, и я добуду ее. Чего бы мне это не стоило.

Старший одобрительно кивнул:

— Добудешь. Начат новый Круг, и одному Хаосу ведом весь расклад.

Учитель плеснул немного силы в пространство вокруг них и щупальца тут же взвились, оскалились клыкастыми пастями, жадно сожрали угощение и уже более настойчиво потянулись к двум представителям Дома Мейн.

— Учитель...

— Не беспокойся. Они еще слабы, слишком слабы, — Старший едва слышно усмехнулся — Как и ты, но особого выбора у нас нет... Отныне ты Проводник.

Младший послушно склонился, принимая возложенную на него миссию, а потом выпрямился, подошел к краю скалы и сделал шаг в пустоту.

— Показушник, — пробормотал старый Учитель — Молодость... Эх, где ты моя молодость...

Старший расправил плечи, огляделся, будто бы в поисках чего-то, и, найдя искомое, вдруг сжал в кулаке одно из щупалец, дернул на себя и вмиг расплылся зеленой, ядовитой

кляксой. Марево в ужасе отпрянуло, но было поздно — жуткая субстанция стремительно разрасталась, пока не поглотила еще несколько соседних отростков, а потом столь же внезапно исчезла, не оставив после себя ничего.

Тот, кто прятался до этого в тумане, хмыкнул:

— И кто после этого показушник?

Крылатый вышел на вершину скалы, точно так же, как и те двое, взгляделся вдаль и уверенно промолвил:

— Да, Семя проснулось. Сильное Семя. И не одно. Раз-два-три-четыре-пять, я иду искать...

ЧАСТЬ 1. Шаг по ту сторону зеркала ГЛАВА 1.

Гости Междумирья. Настя

Ворон уселся на розоватую ветку дубо-вишни, потоптался, а потом вспорхнул вниз, к самым корням. Встряхнул крыльями и тень дерева как-то заметно съежилась, а потом наоборот набухла, выстреливая темными протуберанцами. Миг, и на месте мрачной черной птицы оказался мужчина, в странной то ли юбке, то ли широких штанах. Черные, растрепанные волосы лежали неопрятными прядями, будто давно не знали расчески. Сам мужчина был болезненно худ, хотя под тонкой, сероватой, пергаментной кожей и просматривались мышцы. Наверное, когда-то вся его фигура дышала мощью, сейчас же казалась какой-то... сдувшейся.

Примерно также ощущал себя и сам Крылатый. Переход в Междумирье дался не так просто, если бы не старый, добрый образ ворона, то биться ему об закрытую Грань до скончания веков. Но Вестник Хель, как его когда-то звали в одном затхлом мирке, умел прошивать пространство и время. Или он был вестником Одина? Уже и забыл, а может быть глупые барды все напутали. Почему-то вспомнилась старая песенка:

Плач небо, плач, ибо пали стены Асгарда,
Биврёст разобран, пьян вдрызг Хеймдалль.
Плачьте войны, плачьте, не пряча глаза,
Сломаны крылья коней и ослабли валькирии.
Плачьте вороны, плачьте, Древо Мира пошло на дрова,
Один ослеп, и Локи встал у руля.
Плачьте волки, плачьте, Хати Луна обожгла,
Сколь наплевал на погоню за Солнцем.
Плачьте бессмертные, плачьте, не спит больше Тьма,
Не кишат душами равнины Хельхейма.
Плачьте смертные, плачьте, ибо открыты Врата,
Кровью Мидгард затопило и страхом.
Плач Время, плач, не грядет Рагнарок, не будет конца,
Некому встать во главе последнего войска.
Плачьте все, плачьте, ибо Хель мертва...

Не исключено, что он сам ее и придумал тысячелетия назад, когда в пьяном бреду пронзал мир за миром, сея... нет, не доброе и не вечное, а очень злое, разрушительное, под стать настроению. Осколки его разума тогда раскаленными иглами прошили мироздание, внося Хаос туда, где его не должно было быть.

На радость Отцу.

Тот-что-был-Богом покачал головой. Реку времени вспять не повернуть, даже Нун, Темпоральные Драконы этого не умели, что уж говорить о нем, почти лишенном силы? Впрочем, это даже к лучшему. Прошлое пусть останется в прошлом, а впереди новый виток, да такой, что его нечестивое шествие по Упорядоченному покажется милой шалостью. Крылатый жестко усмехнулся — да, он виноват перед Ней, но вина всех прочих... О! Их ждет нечто совершенно особенное, уж он постарается напомнить Ей, если вдруг ее вновь обуюет любовь к ближнему! Он помнит уговор с Отцом, вспомнит и Она, и тогда... Еще одна

неприятная ухмылка перечеркнула некогда невозможно прекрасное лицо.

Падший, Тот-что-был-Богом не собирался повторять свои ошибки. На этот раз все будет иначе. Спешить незачем, а значит можно дождаться идеального момента.

Когда раздались приглушенные траво-кирпичами шаги, Крылатый дернулся, вжался в кору дубо-вишни, прячась в густой тени, чутко прислушиваясь к словам.

Момент приближался.

— Я так понимаю, оборачиваться ты не собираешься?

— Мурр, — ответила я.

Ага, именно «я», и именно «мур». Как-то не так я себе представляла приличное попаданство. Честно говоря, вообще никак не представляла. Почитывала фантастику и фэнтези, так, когда хотелось отправить мозг на заслуженный отдых, но оказаться на месте очередной мэррисьюшной героини?! Хотя, не могу сказать, что чувствую какую-то особенную избранность и силу в теле кошки-переростка, а также неземную любовь всех встречных принцев. Лаит, мой язвительный Проводник так точно добрыми чувствами не пылал. Скорее уж от него веяло раздражением, призрением и еще чем-то столь же «нежным», но никаких светлых и возвышенных сантиментов.

— Слышишь меня? — еще громче повторил чернявый.

Кстати, он как-то изменился, проведя меня через... а хрен его знает, как мы сюда попали. Долгий, сложный, странный разговор помню. Холод помню, кажется, черные перья... Не, не помню. Знаю, что сама приняла это решение, вверила свою судьбу Проводнику, а дальше... Просто БАЦ и открыла глаза в этом диком месте. Диком не в смысле нетронутой природы, а как раз ТРОНУТОЙ и на всю голову. Черепашек с перламутровыми крылышками видали? А я да.

Уже да.

И розового зайца с такими клыками, что саблезубые тигры воскреснут и вымрут заново. От стыда и зависти.

И... нет, всего не перечислить. Спина этого Сусанина недоделанного несколько мешала обзору, но забегать вперед я справедливо опасалась. Мало ли какие мыши тут водятся? А вдруг их рацион состоит как раз из вот таких как я кисок — черных и ласковых?! Междумирье оно такое, с приветом — это я осознала быстро.

— Понятно. Все же Зверь.

Что хотел сказать Лаит я почему-то просекла сразу, но ничуть не обиделась. Ощущать себя Зверем было... прикольно. Никакого страха, глупых метаний, просто идешь себе и наслаждаешься жизнью. Давно я себя так здорово не чувствовала. Свобода. Да, это слово подходило лучше всего. Впервые за очень долгое время я чувствовала себя СВОБОДНОЙ и это было невообразимо прекрасно. Поэтому думать о возврате в суетного человека не хотелось. Пусть лучше считает безмозглым животным, мне не жалко.

— Плохо, тебе не выжить.

А вот это уже серьезно. Тормознула сразу, а потом аккуратно прихватила за кончик плаща... Тяжелого такого, черного как та задница, в которую он меня, судя по всему, втравит. Красивый зараза... Нет, не плащ, Проводник мой недоделанный. Высокий, волосы черные, блестящие, слегка волнистые, несколько непослушных прядок выбились из длинного хвоста и соблазнительно завились возле ушей. Так и хочется потянуть за одну! Кожа белая-белая, глаза фиалковые и губы такие розовые, пухлые, как у девицы какой, но

миловидным его назвать язык не поворачивался, скорее уж «непреступным отморозком». Отморозком в плаще и кожаных штанах, ну то есть вообще классическим.

— Что, заинтересовалась? — ехидно усмехнулся Лаит. — Сдохнуть не желаешь? Обернешься, поговорим. Нет? Тогда идем так.

Легко ему ставить ультиматумы, а может я не знаю, как вернуться обратно? Ну не запомнила процесс превращения! Я вообще мало что запомнила... Непреступный Отморозок, он же Лаит нашел меня в моем мире, вылил ушат новостей обо мне любимой и о моих предполагаемых родственниках, а потом без лишних церемоний приказал-пригласил проследовать за ним. Самое интересное то, что я, собственно, особо не сопротивлялась. К тому моменту моя психика выделявала такие кульбиты, что альтернативой был сумасшедший дом. События и люди вокруг казались какими-то картонными, постоянно хотелось крикнуть «НЕ ВЕРЮ!» и остановить театр абсурда. На самом пике съезда крыши появился Отморозок, и на фоне всего остального... Короче, он был реальнее, чем вся моя предыдущая жизнь.

Лаит не стал ждать окончания моего мыслительно процесса, прислушался к чему-то, кивнул сам себе и щелкнул пальцами.

— Да, хорошее место. Ткань Упорядоченного тоньше, можно перейти. Готова?

«К чему?!» было написано крупными буквами на моей морде, но, похоже, Лаит читать не умел. Как настоящий волшебник, он просто провел указательным пальцем в воздухе, нарисовав дверь. Откуда я знаю, что именно дверь? Так она засверкала контуром, а потом налилась светом, ярким, нестерпимым. Где-то в груди неудачно кольнуло, так что аж хвост между лап запутался, а этот муд*** не дождавшись от меня реакции на свои выкрутасы просто схватил за загривок и впихнул в гребанный портал! Еще бы пинок под зад прописал, садист!

Рухнула я аккурат на пороге какого-то дома. Ну как «дома», я бы даже сказала небольшого дворца. Колонны, барельефы, статуи и фонтан во дворе. Антуражненько. Когда здоровенная входная дверь бесшумно отворилась, я была почти уверена, что за ней будет стоять классический дворецкий, в ливрее и с постным выражением на холенном лице. Примерно, как у самого Лаита.

Кстати, может он потомственный дворецкий?

Однако, меня ждало разочарование. За дверью никого не было, вот совсем. Очевидно, что сей факт удивил только меня, так как Лаит вполне спокойно прошел внутрь, обернулся и с такой же кривой рожей протянул:

— Нууу?

Пришлось повиноваться.

— Добро пожаловать в Дом Хранителя Третьего Круга! — невидимка проорал прямо на ухо, так что я подпрыгнула на всех четырех лапах. — Дом Тхеф приветствует путников!

Твою мать! Зачем так пугать?! Аж шерсть на загривке дыбом. Смешок Лаита спокойствия и благодушия не добавила, до одури хотелось садануть ему когтистой лапой. Попортить штаны на заднице.

«Мог бы и предупредить» — сказал ему мой взгляд, но чернявый отвернулся неудосужив меня и словом.

— Лаит, я ждал тебя.

Вот же! Зачем подкрадываться! Второй за минуту прыжок был чуть ниже, чуть менее истеричным, но смешок у нового персонажа этой дурной комедии был не менее мерзкий,

чем у моего провожатого. Или мне так показалось?

— Кто это с тобой? — спросил блондин и, судя по всему, хозяин дома, самолично исполняющий обязанности дворецкого.

— Карта Мейн, — скупно буркнул Лаит, явно чего-то стесняясь.

— Вот как? — удивился блондинчик. — Хотяааа, что-то такое я и предполагал.

— Ммм? — глубокомысленно уточнил чернявый, скидывая плащ прямо на пол.

Ан нет, не на пол. Не успела тяжелая ткань коснуться мрамора, как что-то... или кто-то подхватил ее и аккуратно повесил на вешалку у входа. Невидимый дворецкий! Как интереснооо... На чистых инстинктах принялась, но, к сожалению, ничего не уловила, кроме запаха свежей выпечки.

Еда! Моему желудку хватило и такого слабого намека, чтобы очень призывно заурчать.

— Кажется, Карта голодна, — хозяин дома говорил с пустотой, но меня это уже не удивляло. — Проводите ее в гостевые покои, пусть приведет себя в порядок. За стол предпочитаю садиться с Созданиями. Лаит, тебе тоже стоит освежиться, от тебя несет чем-то гадким.

— Техногенный мир, — скривился чернявый.

— Фу, тогда понятно.

Сноб и еще один сноб. Желание показать когти стало острее, но тут какое-то движение отвлекло меня. Пустота оказалась не такой уж и пустотой. Едва различимый силуэт замаячил перед носом, а потом засветился болотными огоньками. Ассоциация была так себе, но страх мне-кошке был неведом. Компания двух зануд была не очень-то приятной, а огоньки вдруг показались интересными. Почему бы не поиграть?! Погоня за огоньками завела меня в довольно большую, светлую комнату. Окна в пол, вид на чудесный сад, бледно-розовые тона и белая резная мебель. Ну прямо будуар юной леди самых что ни на есть благородных кровей.

Моя черная задница в этом великолепии смотрелась несколько неуместно. Фыркнув, я совершенно неожиданно для себя, без всяких проблем перекинулась обратно в человека, или Создание, как тут принято было говорить.

— Леди, для вас уже приготовлена ванная, — раздалось над левым ухом.

На этот раз я не подпрыгнула, ай да я! Только недовольно поморщилась и обернулась к говорившему.

«Спокойствие, только спокойствие» завещал Карлсон. Пришлось себе еще раз напомнить завет «Мужчины в самом расцвете сил» и не заорать дурным голосом при виде неожиданного соседства. В общем «огонек» оказался крохотным старичком с добрыми глазами, белой бородкой и в потешном костюмчике. Ага, почти как у Карлсона в том мультике. Правда, на уровне моего плеча он парил без всякого пропеллера, видимо силой магии, чтоб ее!

— Ты кто? — признаюсь, невежливо, но в шоке я и не так могу.

— Домовой, — на автомате ответил старичок, — а вы... вы что видите меня, Леди?

— Ну как бы да...

— А... — старичок забавно округлил рот, потом покивал сам себе, чуть не роняя колпак, — будет весело.

Последнюю фразу он проговорил с очень таким злорадным смешком, так что я сразу насторожилась:

— Кому?

— Всем, Леди, всем поголовно, — потер маленькие ручки домовой. — Раз вы меня видите, то Крямслявркак к вашим услугам.

Не успела я сморгнуть, как на месте фейкостарика образовался фейкодворецкий. Самый настоящий! В ливреи, с чопорным выражением малюсенького личика, резко помолодевший, с порыжевшей бородкой. Вылитый Бэрримор[1], вот с места не сойти!

— Крямсл... — запнулась я на непроизносимом наборе букв.

— Крямс, если Леди будет угодно, — манера речи у него тоже резко изменилась, стала тягучей и вычурной, как и положено потомственному служителю благородного дома. — Позвольте предложить вам халат.

Твою ж мать! Стою тут, беседы веду, а сама голая, как в первый день рождения! Хотя... можно сказать, что сегодня у меня тоже день рождения — в новом мире, в новом статусе.

— Да, будьте добры, — невольно и сама переняла манеры Крямса, уж очень они оказались заразными, да и такая аристократическая холодность больше подходила интерьеру, чем панические завывания и беготня по кругу.

— Леди желает принять ванную?

Леди желала объяснений, проснуться, бокал виски и убиться об стену, но вслух пришлось произнести лаконичное:

— Да, пожалуй.

Ванная комната оказалась под стать выделенным покоем — в золотисто-бежевых тонах, с огромным латунным чудовищем на резных, львиных лапах. От воды шел пар, а пена клубилась выше края. Мечта, а не ванная! Стесняться было поздно, да и не по статусу, так что я скинула халат и спокойно погрузилась в горячую воду. Очень горячую воду! В другой жизни я бы, наверное, ошпарилась, но тут... Это было невероятно приятно, жар воды проникал в поры, вымывал из них грязь, пыль, попутно очищая и мысли. Образ кошки обуславливал простоту мысли, а перекинувшись в Создание я огребла сомнения и страх полной лопатой.

Я попала. Классически так, с оттяжкой. Ключнула на уговоры маньячного отморозка, по которому плакали Белые столбы[2], поверила в свою избранность, заработав на соседнюю палату, и... Святые небеса! Пошла с незнакомцем туда, не знаю куда.

Клиника. Уже не малая, а большая психиатрия. Точно Столбы. Может я сейчас там? В «уютной» палате с железной кроватью без матраса и брежу? Оглядела ванную, бокал виски, появившийся на небольшом столике у бортика, и поняла, что лучше я буду бредить и верить, чем отрицать видимое и искать подвох. Это моя новая реальность, точка, тема закрыта. Будем считать принятие водных процедур своеобразным крещением — в воду зашла одна я, из воды выйду другая.

Смелая, решительная, сильная, такая, какой я когда-то была. Пока мой мир не решил свести меня с ума...

Хватит! Последний глоток виски и я запретила себе думать о прошлом. Меня ждет настоящее и для копаний в себе не время и не место. Что-то мне подсказывает, что «весело» Крямса для меня обернется большими такими проблемами, вселенского масштаба.

[1] Джон Бэрримор — дворецкий Баскервилей, персонаж детективной повести Артура Конан Дойля.

[2] Психиатрическая больница «Белые столбы» — печально известное лечебно-психиатрическое заведение возле станции Столбовая Чеховского района. Психиатрическая

больница мистифицирована Александром Галичем, про нее было написано «там алкоголики пишут нолики, а шизофреники вяжут веники».

ГЛАВА 2. О пользе и других эфемерных понятиях.

Лаит

Друг мой, конечно же, уже сидел в кресле и потягивал что-то золотистое из пузатого бокала. Приглашающе махнул рукой, и я поспешил расположиться в соседнем «чудовище», примеряясь к бутылке с одуванчиковым вином, которое так уважал Хранитель Третьего Круга.

— Меня предупредили о твоём прибытии, — оповестил Саден, наливая во второй бокал изрядную порцию вина.

— Да? Учитель постарался?

— Учитель, да не твой. Письмо от Девятого Хранителя.

Вот так новость! Ну, тот факт, что Хранитель знал о возможности моего прихода как раз не столь удивителен, как то, что моя миссия не просто заинтересовала его, а заставила выйти из вечной тени.

— Из того, что я знаю, письмо от Девятого Хранителя — это такая же редкость, как и чешуя аркх'сиет[1].

— И не говори. Повесил бы на стену в рамочку, если бы в самом письме не содержался приказ об его немедленном уничтожении. Сразу после прочтения.

Не сомневаюсь. Хранители еще те параноики, но у них на то есть весомые причины.

— Я так понимаю, письмо касалось меня?

— Не только и не столько. Скорее твоей спутницы. Метаморф, как я понимаю?

— Да. И боюсь, все это время было потрачено впустую — Храм сдал нам на руки самую бесполезную из Карт, вообще без номинала.

— Без номинала говоришь? Забавно, что ты выразился именно так...

Саден задумчиво покрутил стакан в руках.

— Твое пренебрежение спутницей... На этот раз ты не прав.

— О чем ты?

— Тебя зачем послали в тот Закрытый Мир? Помочь пробуждению Измененной и вывести ее на Путь Обретения. Нам нужна Карта, ты это знаешь лучше меня. Храм дал нам шанс, профукать его мы не имеем права.

Признаться, нотации друга задели за живое. В чем-то он был прав, но:

— Партия и так считай, проиграна, мы надеялись на появление Созидающего или Мага, а получили никчемного Метаморфа!

— «Никчемного»? Настолько никчемная, что ею заинтересовался Девятый Хранитель?

Саден порывисто встал, видимо действительно разозлился, начертил перед собой символ Дома, что-то там пробормотал и на фоне каминного огня начали проявляться темные руны тайного письма:

«Юный Мейн с вновь Возрожденной появятся на пороге твоего дома. Укажи им Путь к Первой Ступени Храма. Регалии Реш должны вернуться к их законной владельнице. У Звезды Равновесия девять лучей.

Напомни Изгнанному, что карта без номинала в колоде всего одна, и это Джокер».

Вот за что не люблю Хранителей, так это за пристрастие к театральным жестам и

фразам. Девятый Хранитель явно страдал пороком всех «мудрейших» — напустил таинственности, которой хватило бы на целый сборник пророчеств, толком ничего не сказал, но нужную атмосферу создал.

— В Бездну. Как это понять?

Ну Мейн — это я, представителей моего Дома не так уж и много, за «юного» отдельное спасибо, хотя по меркам Первозданного... Ладно, а дальше? Первая Ступень Храма? Что именно имеется в виду, я догадываюсь, но Регалии Реш? Это еще что за прелесть? Да и еще «законная владетельница»? Это на что намекает Хранитель?! И что за бездна Звезда Равновесия?!

Саден вернулся в кресло, вновь взял в руки пузатый бокал и сделал еще один маленький глоток, а потом произнес с ехидцей:

— По нехарактерной округности глаз вижу, что ты в некотором затруднении. На самом деле, все не так сложно. Попробуешь?

Подначки старого друга всегда действовали мотивирующим образом.

— Ну хорошо, — сдался я, откладывая недопитый бокал. — Что такое Первая Ступень Храма я знаю, так называют ваш Дом, вернее его физической воплощение в Первом Круге.

— Именно, — подтвердил Саден. — Библиотека Школы.

Да уж, Библиотека Школы... Впрочем, какая школа, такая и библиотека — если в заведении учатся хаоситы, и они же там преподают, то ожидать порядка по меньшей мере глупо.

— Но зачем тебе что-то мне «указывать»? Верховный не мог не знать, что у меня открыта точка Пути возле Школы, это же очевидно.

— Ты действительно воспринимаешь все так буквально? «Указать Путь» в данном случае не значит дать тебе ориентиры и координаты места, а объяснить, что именно ты должен поискать в Библиотеке.

— Да и так понятно, что всю возможную информацию по Дому Метаморфов...

— И сделав такой запрос ты бы ничего не нашел, — прервал меня друг. — Вернее, нашел бы все то же, что нам преподавали в Школе — бесполезны, признаны недостойными существовать и уничтожены. Толку тебе от этого?

— А книг от самих Метаморфов не осталось?

— Они их никогда и не писали.

— Да, глупо было спрашивать, они же...

— Животные?

Голос раздался из-за высоких спин наших кресел и принадлежал одной моей знакомой. Неужели она соизволила перекинуться? А Первозданный повлиял на нее, впрочем, чего еще стоило ожидать? Хаос меняет всех и вся, сдергивая наносное и оставляя только суть. В ее случае, очень... необычную суть. Даже для Хаоса.

Та, что звалась Анастасией была красива. Какой-то дикой, непонятной красотой, совсем не той, что воспевается в наших поэмах, что смотрит на нас с картин классических мастеров. Никакой нарочитой мягкости, жеманности, нежности и полных форм. Она стояла в проеме двери, воплощая в себе неистовую, голую... Силу. Даже в форме хаосита, она походила скорее на Зверя, чем на Создание. Высокая, тонкая и гибкая, она больше не казалась хрупкой, мышцы проступали под золотистой кожей, ставшей намного смуглее после Оборота. Хищная грация сквозила в каждом жесте, в повороте головы, в той уверенности, с которой она стояла перед нами — незнакомцами с неясными намереньями.

И платье. Что-то в нем было такое... Из серебристой ткани, вроде бы обычная туника в пол в стиле Тхеф, но одновременно с этим в нем было нечто иное, словно оно лишь маскировалось под традиционный наряд.

— Очень интересная туника, — странность отметил и Саден.

— Это домовый меня одел.

— Домовой? — непонятливо переспросил Саден.

Девушка нахмурилась, досадливо поморщилась, видимо поняла, что сболтнула что-то не то, но все ответила:

— Крохотный мужичек, кхм, — Настя закусил губы, скрывая смешок, — прошу прощения, солидный мужчина компактных размеров.

— Ты его видишь? — вырвалось у меня.

— А не должна? — вскинула бровь Возрожденная.

— Ну мы с Лаитом их не видим... — сдал нас потрохами мой мудрый друг.

Неприятная догадка клюнула по темечку, но Саден и сам пришел к тем же выводам. Глянул на меня так, как только он умеет — тяжело, пронзительно, недовольно цыкнул и совсем неласково спросил:

— Все еще считаешь, что она бесполезна?

— Он не думает, что я бесполезна. Он просто считает меня чем-то убогим... ммм, животным, — нашла верное определение Настя. — А бесполезным... использовать можно все что угодно, главное знать, как.

С этими словами нахалка, посмеивая говорить от моего имени, посмотрела мне в глаза, и я захлебнулся отповедью, утонув в их фиолетовом огне.

[1] Угольная ящерица (хаоский).

ГЛАВА 3. Вводная лекция. Настя

Когда сидишь у горящего камина в удобном кресле и потягиваешь из бокала цветочное вино, жизнь кажется более чем прекрасной. Даже несмотря на надоедливый взгляд моего так называемого Проводника и не менее настойчивый от его друга, представившегося как Тхеф'Саден. Стеснение я потеряла где-то по дороге между мирами, как и большую часть чувства самосохранения, поэтому глянула на хозяина поместья также «ласково». Ну а что? Я блондинка, он блондин, должен быть солидарен, вместо того чтобы зыркать недовольно. Знаю же, откуда-то точно знаю, что злится он вовсе не на меня.

Да-да, весь фонтан отрицательных эмоций должен быть направлен на Проводника, но тот и сам кого хочешь утопит в доброжелательности, вот и отрываются оба на мне.

— Зачем ты здесь, Анастасия? — наконец отмер Саден.

Вопрос, что называется, по лбу. Пожать плечами и ответить, как есть? Неудачный вариант, тут и так обо мне не самого высокого мнения, если еще и в этом сознаюсь, то совсем печально будет. Порывшись в памяти, я откопала нечто такое, что вполне могло сойти за правильный ответ:

— Игра Домов.

Опа! Судя по приятному удивлению, промелькнувшему в глазах блондина, я угадала. Молодец мне! Могли бы и пирожок дать... Желудок подтверждающе буркнул что-то, но все сделали вид, что ничего такого не услышали.

— Что ты знаешь об Игре?

— Немного, — призналась я. — Лаит не успел мне всего рассказать, ммм, мы, вроде как, спешили.

— Спешили? — задрал золотистую бровь Саден, оборачиваясь к Проводнику.

— Там был кто-то еще, — сквозь зубы выдал чернявый.

Вот этой новости Саден был совсем не рад:

— Кто? Кто мог пробраться в закрытый мир, кроме Проводника?

— Никто. Теоретически, — хмыкнул Лаит, — но, сам знаешь, кто-то из Древних вполне мог разорвать ткань мироздания...

— Риска вызвать несколько катаклизмов среднего масштаба? — съехидничал блондин. — Не думаю. Скорее поверю в то, что кто-то из Мейн играет на стороне Созидающих.

— Да как ты...! — чернявый с таким рвением вскочил с кресла, что чуть не перевернул его к чертям собачим.

— Сидеть! — рявкнул блондин как-то совсем не дружески. — Слишком много гонора! Думай, прежде чем так остро реагировать!

— Остро реагировать?! Ты мой Дом в предательстве обвиняешь!

— Предательстве? Кого? Вы клялись кому-то в верности? Всем Домом?! Может я чего-то не знаю?

Убойный сарказм. О, нет, следующая фраза била наповал, до этого были только цветочки.

— Вы наемники, — жестко отрезал Хранитель. — Наемники, а значит любой мог подписать Контракт.

— Никто из наших не станет действовать во вред интересам Дома Мейн, — более

спокойно возразил Лаит, садясь обратно. — Могли нанять, факт, но отбирать отмеченную Карту Дома не стали бы.

— Может быть, но я не стал бы сбрасывать со счетов эту версию.

— Думай, как знаешь, я же считаю, что это был кто-то из Древних. Очень специфический шлейф Силы.

Саден прикрыл глаза, мотнул головой:

— Это даже хуже. Уж лучше интриги внутри Дома, чем вмешательство кого-то из них. — Блондин помолчал, а потом встряхнулся и вновь поддался вперед, — этот некто последовал за вами в Междумирье?

— Да, я ощутил его и там.

От этих слов холодная волна прошла по спине, не может этого быть! Он же обещал! Проводник прочитал меня, как открытую книгу, криво ухмыльнулся и выдал:

— А ты не заметила перо ворона на тропе?

Ворон! Дьявольская птица, старательно сводящая меня с ума в последние несколько месяцев. Где он мне только не мерещился... И на рабочем столе, в ворохе документов. И на подоконнике, что характерно, внутри квартиры. И в отражении в зеркале, да-да, точно за спиной. А это «каррр»?! Совсем не птичье, слишком рычащее, слишком грозное. Из-за этой твари у меня такие кошмары были, что даже рассказывать страшно. По сути, именно гребанный ворон заставил меня согласиться на переход в мир иной. Звучит мрачновато и двусмысленно, но кто сказал, что далеко от правды? По крайней мере в этом их Первозданном пока не особо уютно, если не считать Крямся и его трогательную заботу, но и там мне чудится какой-то подвох.

— Конечно, нет, ты же была всего лишь Зверем.

Ну вот, опять — презрение, презрение и еще раз презрение. Зачем звал тогда?

— Зачем позвал за собой? — этот вопрос я решила задать вслух.

— А у него особого выбора не было, — Саден явно наслаждался злостью друга, милые у них тут нравы. — Хаос сдал тебя в качестве Карты Дома Мейн, а значит ты теперь его головная боль. Что, кстати, возвращает нас к первоначальной теме. Раз уж Лаит так поспешно умыкнул тебя из твоей реальности, то, я так понимаю, почетную миссию по вводу в курс дела он решил поручить мне?

Вопросительный взгляд в сторону Проводника разбился об ледяную маску, что вновь нацепил этот чернявый отморозок. Саден тяжело вздохнул, но все же начал свою вводную лекцию:

— Как ты уже поняла твой мир, вернее тот мир, в котором ты жила до недавнего времени, является не единственным существующим. По сути миров огромное множество и все они Созданы. Есть только один мир, который никогда не Создавался, но был всегда, это Первозданный Хаос. Да-да, это мир, в котором мы сейчас находимся. Первозданный Хаос разделен в свою очередь на девять Кругов. Это трудно объяснить, так как наш мир отличается по своей структуре от Упорядоченных Миров. Как бы это описать... — блондин вскочил на ноги, закружил по комнате, видимо, в поисках вдохновения, а потом обрадованно вскинулся, — Вот смотри, ваш мир устроен так — есть Вселенная, в ней — скопления галактик, которые дальше делятся на галактики, звездные системы, планетарные системы, планеты, континенты и, наконец, страны и города. С Первозданным Хаосом все не так. Тут нет такого дробления, весь Первозданный это и Вселенная, и галактики, и звездные системы, и континенты. Проще всего это представить в виде огромного плато,

изрисованного концентрическими кругами, вот только круги эти, чем ближе к центру, тем, так скажем, более чудные. Чем дальше от края плато, тем меньшую власть имеют законы Порядка, так что если Первый Круг кажется неотличимым от Упорядоченных миров, то Девятый Круг... В общем это уже почти абсолютный Хаос и поэтому не имеет описания и определения.

Саден ненадолго прервался, но только для того, чтобы промочить горло очередным глотком.

— Ключевое слово во всем этом — «кажется». Так как даже на Первом Круге, то небо что ты увидишь над собой, это не небо Первого Круга, это своевольные проделки Девятого Круга, поэтому созвездия меняются регулярно, а луны, то нет вообще, то их штуки четыре и все разных цветов.

— Это все познавательно, но ты отклоняешься от сути вопроса. Книгу Гenezиса я успею рассказать ей и по дороге, — прервал его Лаит.

— Да, друг мой, ты прав.

А вот мне так не кажется. Возможно, Лаит и знает какую-то там Книгу Гenezиса дословно, но я сильно сомневаюсь, что он может так доходчиво, и главное интересно рассказывать о, похоже, довольно сложных вещах. Впрочем, кто спрашивал моего мнения?

— Так, вот, об Игре. Кругов Девять и Домов тоже девять, по крайней мере раньше было — на каждом круге по Дому в следующем порядке: Дом Тхеф, Самех, Шин, Дзайн, Тхау, Коф, Цаде, Мейн и, наконец, твой Дом — Дом Реш. Это названия на изначальном языке, сейчас они именуется Дом Хранителей, Воров, Лицедеев, Воинов, Судий, Созидающих, Плетущих или Магов, Проводников и Метаморфов соответственно.

Тааак, что-то тут явно не вяжется... Я поспешила задать напрашивающийся вопрос:

— Постой, если я правильно поняла суть вашего «правила девяти», то, чем «дальше в лес», тем больше силы, то есть, чем глубже к центру Первозданного, тем больше... ну не знаю, возможностей что ли?

— Это типичная ошибка всех изучающих историю Домов.

Лаит решил принять участие в нашей беседе, но в отличие от увлекшегося лекцией Садена остался сидеть и смотреть на почти потухший огонь в камине.

— Дело в том, что близость к центру, как ты выразилась, Хаоса, имеет двойственное влияние — да, может быть Силы и больше, но управлять ею после определенной черты все труднее — пик обладания приходится на Шестой Круг, а Дом — на Созидающих. Отпущенная им Сила соответствует их способности ее контролировать, поэтому их возможности почти безграничны. Плетущие обладают большей Силой, но и меньшим контролем, от того не могут похвастаться столь впечатляющими результатами. Дальше все еще хуже, мой Дом, Дом Проводников, теоретически должен обладать еще большим потенциалом, но близость к Хаосу затуманивает мозг, подавляет способности к любым заклинаниям и поэтому мы оказались почти лишенными Силы. Мы ею обладаем, и кто-то даже по недомыслию завидует нашим способностям, но это совсем не то, что возможности Плетущих и тем более Созидающих. Мы — Проводники не умеем творить миры, живых существ, дождь или даже простейшие заклинания личины. Все наши способности как бы врожденные. Мое изменение внешности не более чем свойство моего тела приспособляться к условиям мира, в котором я нахожусь. Умение находить Путь — это как пресловутый «внутренний компас», я не знаю как, я просто чувствую...

Беру свои слова обратно, при всех своих недостатках, рассказывать он умеет отлично. С

чувством, так сказать. Похоже, начинает приподниматься занавес, скрывающий тайну его неприязни ко мне. Возможно, мне кажется, но он ненавидит и призирает не столько меня, сколько себя и еще, судя по тону, дико завидует этим самым Созидающим. Печально.

Лаит настолько ушел в себя в конце своего небольшого монолога, что совсем не обратил внимания на выражение лица друга. На нем сквозило... сочувствие? Да, но еще и изрядная доля насмешки, как будто Саден знал что-то такое, и это что-то, по меньшей мере, не совсем соответствовало изложенному Лаитом.

Тайны на тайнах и тайнами погоняют... Ничего, со всем разберемся, и с этим тоже.

— Лаит хотел сказать, что согласно отмеченной тенденции, представители Дома Метаморфов полностью лишены какой-либо Силы, кроме одной единственной способности — умение оборачиваться в любого Зверя Хаоса, при этом ограничением является лишь степень посвящения.

— Что такое Зверь Хаоса? — спросила я.

Саден на миг остановился, одобрительно кивнул, возвел палец и молвил:

— Вот! Вот он главный вопрос! — а потом хмыкнул и продолжил, — на который я не могу ответить с полной уверенностью.

Как мило, и это Хранитель, как я поняла, знаний? Непыльная работенка, если учитывать малый объем хранимого, но, похоже, мое ехидство было преждевременным. Саден вновь закружил по гостиной, возвращаясь к прерванной лекции:

— Все, что есть в Первозданном делится на две большие категории — Сущности и Создания. Чтобы понять их отличия нужно обратиться к...

— О Отец, да ты так никогда не закончишь, — закатил глаза Лаит, а потом наконец посмотрел на меня и кривляясь пропел, — Вначале было Нечто, Бездна, которая породила искру Сознания, и искрой той был Отец Всемогущий, Хаос Вечный и Нетленный. Долго одинокая искра скиталась по бескрайнему морю пустоты, пока Бездна не выплеснула еще одно Сознание — Мать Всеблагую, Тьму Предвечную. Две искры теперь освещали пространство, которого не существовало... Бла-бла, и так далее часа на два. Деление клеток, воспетое в саге о сотворении мира.

Саден недовольно покачал головой:

— А это уже граничит с богохульством...

— Отстань, не корчь из себя святошу, оставь проповеди блаженным Созидающим, правду никто толком не знает, — прервал друга Лаит. — Как, что и почему произошло уже не так чтобы важно, уяснить нужно другое — есть Сущности, осколки Хаоса, или как мы их называем — Звери, сырая Сила, по какой-то причине принявшая облик животных. Некоторые обладают зачатком разума, в некоторых случаях разум коллективный, как у насекомых. Создания же — это упорядоченная Сила и Материя, это то, что имеет стабильную структуру, функции и назначение. Высшая форма Созданий — хаоситы, те, кто умеют управлять нитями и токами Силы как в своем теле, так и во вне.

— А Реш? — спросила я.

Лаит скривился:

— Метаморфы — это промежуточное звено между Сущностями и Созданиями, вроде как хаоситы, но их Осознание сильно отличается от нормального.

— А за «норму» принято что? — продолжила я просвещаться.

— Ты невнимательно слушала? Коф, Созидающие — вот эталон, идеальный баланс силы и контроля.

— Хорошо, я уяснила, мой Дом — это сборище неконтролируемых Зверей. Какое все это имеет отношение к Игре?

Саден рассмеялся и ответил:

— Забавно, что ты выразилась именно так — «неконтролируемых». Впрочем, я уже заметил, что у тебе присуща удивительная способность выбирать абсолютно точные определения. Если ты еще научишься находить все связи... Пожалуй я не позавидую тем, кто посмеет встать на твоём Пути... Но вернемся к Игре. Конечно же, это Игра между Домами за право властвовать, диктовать свои законы и принуждать к исполнению своих решений. Видишь ли, даже несмотря на «правило девяти» со всеми его отклонениями, между Домами нет четкой и явной иерархии, более того, говорят, что в те времена, когда Домов было девять, они все были равны по своему статусу и их взаимоотношения регулировалось как раз той самой «Звездой Равновесия». Но Дома Метаморфов не стало, да и после той смуты была необходимость в твердой руке и уверенном управлении. Вопрос был только в том, кто станет этим самым управляющим. Каждый Дом, конечно же, мнил себя лучшим кандидатом и обязательно началась бы война за власть, а с учетом нашей истории, этого нужно было избежать любой ценой...

Саден опять остановился, его лицо осунулось, будто он был свидетелем тех давних событий, о которых хотел бы, да не мог забыть. Почему-то привиделись бесконечные поля, сплошь покрытые трупами, отвратительная вонь от разлагающихся тел, расплзающиеся по земле трещины, словно язвы на теле больного... Это все когда-то было? Или у меня слишком живое воображение?

Хранитель передернул плечами, вскинул голову и более живым голосом продолжил:

— Ввиду грозящей опасности, тогдашний Девятый Хранитель предложил Игру, бескровную, относительно, конечно, замену вооруженному противостоянию. Суть Игры — каждая из сторон, должна вытянуть свою Карту из Колоды, с помощью которой попытается достигнуть цели — Храма. Сокращая историю, Карты — это хаоситы, представители Домов, вот только не рожденные в Первозданном, как я или Лаит, а такие как ты — Измененные — бывшие разумные из Упорядоченных Миров, которых отметил Хаос. Дом Проводников вытащил из Колоды тебя — Метаморфа, хотя присутствующий тут Проводник явно надеялся на Созидающего или по крайней мере на Плетущего.

Хм, все меньше тумана. Похоже, моя суть Метаморфа не просто лично не устраивает Лаита, она еще и ставит под угрозу возможность выигрыша в этой их Игре. Кое-что еще дернуло меня.

— А почему Мейн не вытягивают Мейн, а Созидающие Созидающих?

— Мейн никогда не вытягивают Мейн, а Созидающие Созидающих, — усмехнулся Хранитель многозначительно.

— Почему?

Наверное, выглядела я в этот момент до невозможности глупо, иначе как объяснить сдавленные смешки моих собеседников? Как ни странно, но до некоего подобия ответа снизошел Лаит:

— Было бы слишком скучно, — выдал этот юморист, а потом и вовсе подмигнул: — Хаос любит парадоксы.

Даже не знаю от чего сердце пропустило удар, то ли от совершенно несвойственной отмороженному улыбке, то ли от самой фразы. «Хаос любит парадоксы» — от этих слов тянуло той самой ноткой безумия, что напрочь пропитала мою прошлую жизнь. Кажется, я

зря поверила Проводнику.

ГЛАВА 4. Шарады. Настя

— Не пугай зря Карту, — покачал головой Саден. — Это просто еще одно правило Игры, ни больше, ни меньше. Дома никогда не вытягивают своих собственных представителей, якобы, это должно стать еще одним залогом мира, мол, так недобраги учатся уважать друг друга. На деле все не так радужно...

Вот! Что-то такое я предполагала.

— Сколько Карт обычно участвуют?

— Пять, — предвосхищая мой вопрос, Саден дополнил: — Лицедеи, Судьи и Хранители не участвуют в Игре.

Интересно.

— Сколько выживают?

Секундная пауза и холодное:

— Одна.

Лаит просто душка, зато честная.

— Замечательно! И когда ты мне планировал об этом сказать? — нет, это была пока не истерика, нечто подобное я уже начала подозревать.

— Сейчас, — пожал плечами отмороженный Проводник.

Матюгнуться бы, кинуть чем-нибудь тяжелым, двинуть по высокомерной морде, но, похоже, он только этого и ждет. Отлично, не буду радовать его предсказуемостью.

— Понятно, — произнесла спокойно, даже не дернулась. — Думал, что не справлюсь? Зря. Я не ребенок, сразу стало ясно, что меня не на прогулку позвали.

Самое интересное, что я почти не лукавила. Юной меня не назвать, почти тридцать лет. Нервные клетки у меня скорее всего восстанавливаются, иначе я давно была бы уже в психушке, а так почти нормальная. Даже работу умудрилась сохранить в том мире... «В том мире», да, уже в «том». И нафига мне нужна была та работа?

— Это хорошо, это правильно, — покивал Хранитель, возвращаясь на свое место. — Осознание серьезности происходящего — уже половина успеха.

— А вторая половина?

Блондин одобрительно покивал, а со стороны Лаита раздались жидкие аплодисменты:

— Соглашусь, мой друг, вопросы она задавать умеет.

— Вторая половина, уважаемая Карта — это знания. Причина, по которой твой Проводник отправился в первую очередь ко мне.

Хм, с учетом «правила девяти» Хранитель Третьего Круга не бог весть какой источник знаний, но... Но!

— Послание Девятого Хранителя! — и тут кое-что еще меня насторожило, — разве он не должен соблюдать нейтралитет, раз все это затеял?

— А кто тебе сказал, что и другие Игроки не получили нечто подобное?

— Но ты сам сказал...

— Подслушивала, — констатировал Лаит, — почти с самого начала.

Не совсем я, и не совсем с самого начала, но что-то мне подсказывало, что тайну Крямса выдавать не стоит, ведь это именно он донес мне о чрезвычайно любопытном разговоре, заставившем скоро завершит водные процедуры. Не все так просто с дворецко-домовым, лучше придержать его, авось сойдет за козырь. Поэтому я лишь покаянно склонила

голову.

Не уверена, что мой спектакль был достаточно убедительным, но Лаит не стал развивать тему, спасибо ему за это. Редко, ценное спасибо. Саден вновь взял слово:

— Настя, ты права и нет. Девятый, действительно, редко вмешивается в Расклад, но это не означает, что правила не могут измениться. Первозданный не любит постоянства, все течет, все меняется, готовым нужно быть ко всему. Если Хранитель дал нам подсказки, то, скорее всего, такие же крючки раскинул и по другим Домам. Не спрашивай зачем, трактовать его действия занятие бесперспективное. Можем только надеяться, что рано или поздно замысел станет понятным.

Замечательно! Доверяем самому большому интригану, судя по их же словам. Ведет меня Проводник, явно не очень довольный своей миссией. В качестве информатора... библиотекарь. Вот кого мне больше всего напоминал Саден. Он не был стар, немощен, наоборот — вполне себе привлекательный мужчина, ухоженный, ладный, аккуратный. Вот эти его качества и выдавали некую... теоретичность его знаний. Могу поспорить, Саден прочитал множество книг, но этим его опыт и ограничен. Насчет Лаита... мой Проводник был несколько иным. Маска высокомерного придурка иногда сползала и это выдавало его молодость, но на этом, пожалуй, и все. А ведь мое чутье на людей называли... звериным. Именно звериным. Необычайно сильная интуиция, наблюдательность, умение делать выводы. Нет, я не воздаю себе хвалу, я просто цитирую отзывы топ-рекрутеров. Вот только толку со всего этого, если планомерно сходишь с ума? Если, просыпаясь каждое утро еще долго не можешь понять, реальность это или затянувшийся кошмар? А от любой черной птицы вздрагиваешь, как от самого страшного монстра?

Мой мир выталкивал меня, да, так мне сказал Лаит, но, может быть, дело было не только в этом?

— Редкость или нет, но предлагаю все же вернуться к посланию, раз уж мы дошли до самого важного.

С этими словами Саден, что-то там начертил, и пропавшие было темные строчки, вновь обосновались на фоне горящего огня. Наверное, мне стоило бы удивиться очередному проявлению магии, или Силы, как они ее тут называли, но как-то все это не удивляло, все было, если уж не привычным, то, по крайней мере, точно не странным.

— Итак, со второй фразой мы почти разобрались. Хранитель приказывает помочь вам определиться с объектом поисков в Библиотеке. Думаю, уже очевидно, что это те самые Регалии Реш.

— Какие, в Бездну, регалии у Дома, который никогда не Правил? — фыркнул Лаит.

— Ну, во-первых, мы этого не знаем наверняка, ни моего доступа, ни твоего не хватает, чтобы узнать все подробности о былых Правлениях, — обстоятельно ответил ему Хранитель. — Впрочем, суть даже не в этом, а в том, что Регалии — это не символы власти. Помнишь, ты спрашивал о записях самих Метаморфов? Ну, так вот — в некотором роде это они есть.

— В смысле? Ты знаешь, что такое эти самые Регалии Реш? — ошарашенно спросил Проводник.

— Только общие данные, доступные мне с невысокого полета на Третьем Круге. Видишь ли, Метаморфы действительно не вели летопись Дома в общепринятом смысле, не записывали все в бесконечные книги, свитки и прочее. Чаще всего информация передавалась устно от Наставника к Ученику. И, прежде чем ты вновьставишь свой комментарий про

примитивность или что-то там еще, хочу сказать, что в случае Метаморфов это действительно самый разумный ход. В Доме Метаморфов не было заведомо установленных практик, списков заклинаний должных к изучению, каких-то универсальных шаблонов годных для многократного применения. Каждый Метаморф был абсолютно уникален, обладал своим набором навыков, и главной задачей Наставника было не обучить, а помочь самому раскрыть свои таланты. Поэтому они и не назывались Учителями как в других Домах, а Ведущими по Пути. Ничего не напоминает?

Хранитель намекает на то, что именно в этом функция Лаита, помочь мне раскрыть мои способности? Очешуеть, как удачненько-то!

— Ну, хорошо, — кивнул Проводник, пропуская толстый намек мимо ушей. — Допустим практическую часть обучения нельзя было зафиксировать, но как же история Дома?

— Вот тут как раз и вступают в игру Регалии. Регалии — это некие объекты, в которые были заключены все передаваемые знания Дома — их версия истории мира в целом и Дома в частности.

А вот сейчас Саден больше всего напоминал учителя, увлекшегося объяснением любимой темы — он расхаживал вокруг кресел, заложив одну руку за спину и периодически потирал нос. Неужели он когда-то носил очки?

— И ты знаешь, где они? — спросил мой личный гад, простите, гид.

Мне показалось, или в глазах Лаита мелькнула затаенная надежда? Похоже, ему очень хотелось от меня избавиться, да побыстрее. Ну что же, желание вполне взаимное.

— Нет, друг мой, боюсь, что я рассказал вам все известное о Регалиях, — с сожалением констатировал Саден. — Упоминания о них нашлось только в одной книге, которая ссылалась в свою очередь на «Звезду Равновесия». Опережая вопрос — «Звезда Равновесия» это нечто вроде первого свода законов о взаимодействии между Домами. Что за законы, где книга, существует ли она еще, я не имею ни малейшего понятия. Но думаю, что Хранитель этой фразой хотел сказать, что, как и все в Первозданном Хаосе, Дома должны подчиняться «правилу девяти». Что невозможно, если их восемь.

О, мальчики решили поиграть в гляделки? Мило. Похоже, Саден пытается заставить Лаита изменить мнение обо мне и моей роли во всем этом. Кстати, разобраться бы еще, что происходит... Нет, содержание письма более или менее понятно, этот их Девятый Хранитель очень заинтересован в том, чтобы мой Дом, как я понимаю, уничтоженный, вновь появился на политической, географической и какой еще карте их мира. Кажется, тут дело даже не в Игре, она скорее прикрытие... вот для чего?

Хм, странные у меня мысли, однако. Как Дом, так сразу «мой», а как мир, то «их». Почему в моем сознании они разделены? Факт принадлежности к Дому Реш, или Дому Метаморфов был принят мной без всяких сомнений, хотя я даже толком не знаю, что это значит, а вот мир, в котором он, вроде бы как, должен находиться, никак не ощущается родным... Моя хваленная интуиция вопила о том, что это тоже очень важно.

— Регалии должны мне помочь добраться до Храма, верно?

Вопрос на сто баллов! Это стало ясно, еще до того, как отзвучало мое «верно». Ответ мне был не нужен. В этом вся суть — Карта должна попасть в центр Первозданного, в Храм на Девятом Круге и...

— Что произойдет после того, как я достигну Храма?

— Твое самое заветное желание исполнится, — почти не пафосно ответил Саден.

Почти, но все же какая-то фальшь была.

— И что обычно загадывали Карты, победившие в Игре?

Мальчишки опять переглянулись и мне как-то совсем поплохело, куда я попала? Пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю, что и получи хрен с маслом?

— Какая разница? — уклончиво ответил Хранитель, — сперва нужно победить.

Он вообще о мотивации слышал? О, оказывается Лаит слышал, так как поспешил вмешаться:

— Можешь загадать хоть счастья для всех даром, для начала доживи до Храма. Ты сейчас самая слабая Карта из всех, практически без команды и без прикрытия.

Это я и так поняла, мог не разжевывать.

— Резюмирую. Вытянул ты меня из моего мира в надежде на сильное подспорье для твоего Дома в игре за власть. Однако, шанс оказался с браком — так себе Карта, поэтому никто особо жопу рвать ради меня не будет, и так ясно, что вероятность победы стремится к нулю. Если бы не вмешался Девятый Хранитель, ты особо бы не заморачивался, но он явно подбросил дровишек в костер и намекнул, что все еще не так однозначно...

Сказала, и только потом осознала, что именно. Игра в Игре! Готова заложить... хм, а закладывать особо и нечего, Лаит не дал ничего забрать с собой... Н-да... Неважно. Игра в Игре! Вот, чего хочет Хранитель! Формально, цель та же — добраться до Храма, по факту... Впрочем, не буду спешить и делиться своими догадками, но свою мотивацию я получила, и это вовсе не то, что думает Лаит.

— Примерно так, — милостиво кивнул обозначенный гад. — Послание Хранителя наводит на мысль, ты права. Что-то он в тебе увидел, да и мой Дом не снял с меня обязанностей, так что по Пути Обретения я тебя проведу. Пожалуй, и последняя фраза стала понятней.

Хоть в чем-то мы сошлись.

В колоде у каждой карты есть свой номинал от двойки до туза. У каждой карты, кроме одной — джокера. У джокера номинала нет, то есть он хуже, чем даже двойка, он просто ничто. Но вот в чем прелесть — что-то я не видела картежников, жалующихся на то, что им выпал джокер. А все почему? Джокер может стать любой картой, от двойки — до туза и все зависит лишь от ситуации и необходимости. Назвав меня Джокером, Девятый Хранитель сделал мне огромный комплимент, надеюсь, заслуженный, а Проводнику не меньший намек — он ждал туза, но вместо него ему сдали Джокера. Другой вопрос — сможем ли мы разыграть партию правильно?

ГЛАВА 5. В ожидании. Настя

Сославшись на свои рабочие обязанности, знать бы еще какие, Саден оставил нас, сказав, что через пару часов будет ужин. Через пару часов?! Да он издевается... Коротать время в выделенной комнате не хотелось, поэтому я отправилась туда, где мне всегда хорошо думалось. В библиотеку. Запах книг, тишина, уединение и мягкие кресла могли помочь разложить нелегкий разговор по полочкам.

Бежала от безумия, чтобы обрести спокойствие? О каком спокойствии может идти речь, если вокруг одни непонятки и потенциальные враги? Именно так я поняла расклад этой их Игры — Созидающие в фаворе, остальные постоянно пытаются скинуть их и попутно грызутся меж собой, и именно по этой причине Созидающие остаются у власти. Чтобы там себе не думал Лаит, их политические игры ничем не отличаются от земных, и нет в них ничего замудренного.

Я, мать его, в другом мире! Да не просто в другом, в самом что ни на есть первом, величественном и прекрасном! Это если, опять-таки, верить Лаиту. Я же пока видела только Междумирье, да дом Садена. Междумирье, конечно, впечатляло... Полной своей абсурдностью. В образе кошки, или саашат, странности отмечались в фоновом режиме, как нечто интересное, но не слишком важное, но стоило вновь обрести человеческую форму, как наружу, наконец, пробилось удивление. Пальмо-сосны? Это что за бред наркотического дурмана? Как вообще такое может существовать? А маленькие черепашки с перламутровыми крылышками, собирающие пыльцу с распустившихся на дубо-вишне роз? Кстати, возможно мне показалось, но когда мы проходили мимо, то мельком увидела целый рой крылатых черепашек, атаковавший громко орущий и убегающий от них куст.

— О чем думаешь?

Тихий голос раздался из кресла, расположенного у огромного витражного окна. Давно он тут сидит? Могу поклясться, что его не было когда я вошла.

— О клыках и черепашках, — честно ответила я.

— А, пытаешься понять законы Междумирья? — кивнул Лаит. — Не напрягайся зря, это бесполезно.

— Потому что там нет законов?

— Почти. Их не то, что совсем нет, просто они непривычные, не такие как везде.

Молчание вновь повисло, между нами, и вовсе не потому, что нам не о чем было говорить. Тем — миллион, вопросов — ворох, но вот его отношение ко мне... Очень не хотелось опять нарваться на грубость или жесткую отповедь. И как нам при этом достигнуть цели? Н-да, Настенька, это-таки попадалово.

Тягостную паузу нарушил скрип двери и недоуменный вопрос:

— А почему вы здесь? Разве вам не показали ваши комнаты?

Лаит просто проигнорировал друга, а я неопределенно пожала плечами. Саден, не дождавшись вразумительных ответов, глубоко вздохнул и возвестил:

— Идемте ужинать, у меня для вас новости, расскажу за столом.

Даже не знаю, что заманчивее — ужин или очередные новости?

За огромным столом нас было только трое — Саден во главе, и мы с Лаитом по правую и левую его руку. Какое-то время мы ели молча, пока я не решила разбавить еду «легкой застольной беседой»:

— Ты живешь здесь один? — спросила я.

Саден кивнул:

— Один.

— Так что у тебя за новости, — бесцеремонно вклинился Лаит, явно не настроенный разводить политесы.

Хозяин дома отложил приборы, прокашлялся и торжественно объявил:

— Мы едем на бал!

Как-то сразу захотелось обмахнуться веером и пискляво воскликнуть «чудно, чудно!», демонстрируя всю гамму «энтузиазма». Удержалась.

Саден перевел взгляд на Лаита, наткнулся на крайне скептическое выражение лица и попробовал второй заход:

— Бал-маскарад.

Мне было по-прежнему слегка фиолетово, а вот Лаит все же среагировал:

— Ежегодный маскарад в Доме Шин? Что мы там забыли?

— Повеселиться, — недовольно буркнул Саден.

— Как бы не до веселья, — внесла я свою лепту.

— Поддерживаю, — отсалютовал мне бокалом синеглазка. — Саден, ты говорил, что нам надо спешить, а теперь настаиваешь на посещении ежегодного маскарада в Доме Шин. В чем дело?

— Это не просто маскарад, это ТОТ САМЫЙ бал-маскарад... — загадочно молвил блондин.

— Сегодня ты особенно таинственный, — скептически осмотрел друга Лаит. — Что происходит?

Саден выдержал еще одну театральную паузу, на этот раз более удачную и возвестил:

— Партия началась. Все Карты были сданы.

Настала пора отмороженному удивленно таращиться на Хранителя:

— Что?! Этого не может быть, Дома еще не делали официального заявления!

А вот меня интересовало нечто другое:

— Саден, а что за бал?

Мне показалось, или блондин мечтательно зажмурился? Да, так и есть, улыбается как кот, обьевший халявной сметаны:

— Ммм, маскарад в Доме Шин это самое яркое, веселое, беззаботное мероприятие года.

— Он хотел сказать: вульгарное, развратное и бессмысленное.

— Лаит, когда ты успел стать таким скучным? Помнится ты каждый год с нетерпением ждал маскарада, возможность улизнуть от Учителя, повидаться со старыми друзьями...

— Ну, договаривай, ты хотел сказать с Таин.

Хорошо, что этот тяжелый взгляд был предназначен не мне. Тут даже от рикошета мурашки по спине прошли, а уж прямое попадание наверняка значительно более болезненное, но, похоже у Садена непробиваемая броня:

— А мне казалось, что события прошлого Маскарада уже поистерлись из твоей головы...

— А что за события?

Ну какой я буду кошкой если не стану проявлять любопытство? Тем более если дело касается любовных отношений Лаита, а то, что в деле «шерше ля фам», тут и слепому видно.

— Видишь ли, Настя, дело в том, что наш друг давно и безнадежно влюблен в некую

Мейн'Таин, как ты понимаешь представительницу Дома Проводников. Наши голубки росли вместе, воспитывались одними наставниками, держались за ручки в Школе, вот только после Школы Лаита определили к Учителю, так сказать, повышать квалификацию, а Таин вернулась в Дом. И вышла замуж, за Созидающего, о чем соизволила рассказать Лаиту только на Маскараде, через восемь месяцев после свадьбы, когда ее...ммм...интересное положение нельзя было не заметить.

Опаньки, все дело не просто в зависти. Н-да, повезло мне как утопленнице:

— Дай угадаю, и сделала она это из-за великой любви? Только вот не к своему избраннику, а к его Дому.

Залп из всех орудий был мне наградой за догадливость:

— Да, что ты о ней знаешь? Как ты смеешь ее судить? Ты, которая есть ничто, никто из мертвого Дома?! — злобно прошипел Лаит.

Не на ту напал, солнце мое.

— Я ее и не сужу, как не судила и девушек из моего мира, выходящих замуж за мешок денег или, как и в этом случае, за статус. Не мне их судить, но не потому, что я чем-то хуже, а потому что не мне жить с их выбором, не мне ежедневно видеть нелюбимое лицо и не мне ложиться в постель с нежеланным. Твоя Таин, она сама себе и судья, и палач.

Если бы взгляд мог убивать, моя обугленная тушка уже бы дымилась и пахла, так же все обошлось глухим рыком, ударом по столу и стремительным уходом из комнаты. Язык мой — враг мой, только вроде бы начали общаться как цивилизованные люди, простите, хаоситы, как я все испортила.

— Кажется, я его разозлила.

— Ты заметила? — ехидно спросил Саден.

Мне понравился его сарказм, он действовал очень отрезвляюще.

— Мне не стоило этого говорить?

— Ну, это действительно не твое дело.

— Ты так думаешь? А знаешь, что я думаю? Что это более чем мое дело! Меня не спрашивали, хочу ли я участвовать в этой вашей Игре, но меня в нее втянули. И теперь я не могу просто развернуться и уйти, я должна, по меньшей мере, поучаствовать, а еще лучше выиграть. Что-то мне подсказывает, что только так я смогу добраться до правды о своем Доме. И помочь мне в этом должен человек, который меня ненавидит! Ненавидит, ни за что ни про что, лишь потому что я из мертвого Дома! И знаешь что? В нем бурлит ненависть, но не ко мне, а к нему самому. Его до усрачки злит тот факт, что, несмотря на все его старания, ум, усилия, он всегда будет не более чем Проводником. А кто-то получает все по той лишь причине, что повезло родиться в престижном Доме. В этой Игре он увидел для себя шанс показать своей, как ее там, Таин, что он тоже чего-то стоит — он хочет победы не для своего Дома, а для себя, и я ему мешаю, я оказалась еще одной неудачницей... А разве пара неудачников может победить?

— Может?

Поднявшая было голову ярость как-то быстро стихла, улеглась в груди едва ощутимой тяжестью, и я тихо ответила:

— Нет. Потому что он уже проиграл. Еще не начиная Игру, он уже засчитал себе поражение.

Это было действительно так. Нельзя садиться за карточный стол, если у тебя пораженческое настроение — спустишь все деньги и не получишь ни грамма удовольствия.

Карты любят уверенных в себе. Как там говорит Коэльо — «если очень этого захотеть, то Вселенная изменится, чтобы подчиниться твоему желанию». Истинно так.

— Если это его отношение ко мне, к себе, к ситуации в целом сохранится, то нам не победить. Так что это более чем мое дело, победа мне просто необходима, — продолжила я.

— С чего вдруг такая заинтересованность?

Вдруг? Нет, это ощущение, внутренний голос, надоедливый такой, все твердил мне, что победить необходимо, необходимо больше, чем воздух, что от этого зависит слишком многое...

— Цель этой Игры, что это такое? Что в Храме? — вместо ответа задала я встречный вопрос.

Саден уклончиво пожал плечами:

— Не знаю. Я Хранитель Третьего Круга, боюсь это вне моей компетенции.

— Не знаешь, но наверняка задумывался о том, что это может быть? — не поверила я его отговоркам. — Некий объект, хранящийся в Храме, который, как я понимаю, находится в недоступном Девятом Круге...

— Ты догадлива, — отметил Хранитель.

— Это было бы логично. Так, вот — непонятный объект, появившийся после уничтожения моего Дома. Игра, предложенная Девятым Хранителем. Письмо Девятого Хранителя. Храм на Девятом Круге. Девятый Дом. Не заставляет задуматься?

— Ты считаешь, что дело в одной из Регалий? — с улыбкой спросил Саден.

— А ты так не считаешь?

И чем я только заслужила такой долгий и выразительный взгляд?

— Я в этом почти уверен, — подтвердил мою догадку блондин.

— Тогда ты понимаешь, что я не могу проиграть, тем более из-за личных проблем Лаита.

— Ты всегда можешь его заменить.

Вот так-так, какая ценная информация...

— Прости, что ты имеешь в виду?

— Ты Карта Дома Мейн, но не личная Карта Лаита, ты всегда можешь потребовать его замены, если считаешь, что он недостаточно компетентен или по другим причинам ставит под угрозу победу Дома.

Возможно, это выход. Зачем мне мучиться с неуверенным в себе и обозленным на весь мир Лаитом, если я могу выбрать кого-то другого?

— Объявить вотум недоверия? Я могу это сделать на балу?

— Это будет лучшим решением. Именно этим вечером будет официально объявлено начало Игры, и если хочешь провести замену, то это нужно сделать или до, или сразу после объявления.

— И кому я должна буду обратиться?

— К Учителю, — хрипло прозвучало за нашими спинами.

Лаит стоял в дверях, скрестив руки на груди:

— Если хочешь меня заменить, то ты должна обратиться к Учителю. Я вас познакомлю сразу, как мы приедем. Возможно, ты права, Игра оказалась слишком личной, у меня неверная мотивация и, скорее всего я не гожусь тебе в Проводники.

— Ты давно тут стоишь?

Нельзя было не отметить повторение недавней ситуации, с некоторой рокировкой

главных действующих лиц.

— Я и не уходил. Вернее, вышел, прошелся до дверей и понял, что уходить мне некуда, но, вернувшись, услышал ваш крайне познавательный разговор.

— Ты подслушивал?

— Ты же не постеснялась?

— Я бы не постеснялась повторить все сказанное тебе в лицо.

О, я заслужила кривую улыбку и приподнятые брови? Прогресс по сравнению с пренебрежением.

— Не сомневаюсь. Тебе действительно важно победить?

— Да.

— Хорошо. Тогда я думаю, домовые смогут тебе подобрать что-то приличное для маскарада. Саден, ты не возражаешь?

— Конечно нет, я уже отдал соответствующие распоряжения.

ГЛАВА 6. Едем на БАЛ! Лаит

Она была права. Я стоял внизу, одетый и полностью готовый не только к Маскараду, но и к величайшему фиаско в моей жизни. После этого вечера на мне можно будет поставить большой и жирный крест — неудачник и дурак, каких еще стоит поискать. Я позволил личным проблемам и неуверенности в себе повлиять на свое отношение к Карте. Я потерял объективность, трезвость мыслей, а значит, не могу достаточно эффективно выполнить обязанности Проводника. Я не верю в победу, а значит, как правильно отметила Настя, уже проиграл. Недаром она хочет меня заменить...

Мне и самому хочется себя заменить, на кого-то кто умер тогда, год назад.

До сих пор не могу забыть, как Таин, моя Таин, подошла ко мне, ожидающему в «нашей» нише. Как радость встречи испарялась по мере того, как взгляд вылавливал изменения в ее внешности: волосы в высокой прическе замужней дамы, закрытое платье, хотя она так любила декольте, обручальный браслет на правом предплечье и, наконец, то, что я должен был заметить сразу, но почему-то увидел последним — округлый животик под высокой грудью. Она была безнадежно замужем и неотвратимо беременна.

Боль и отчаянье того вечера отозвались глухим эхом в груди. Все еще саднит, уже не так обильно, но по-прежнему кровоточит. Таин, зачем ты это сделала? Хотя, что я себя обманываю — я прекрасно знаю зачем. Мы всегда хотели взлететь выше, чем позволял статус нашего Дома. Я выбрал Путь учения и Игры, ты выбрала более простой — удачно вышла замуж. И тут Настя права...

Подвел свой Дом, подвел Учителя, подвел саму Настю и ту, кем ей только предстоит стать. Она еще не понимает, пока не знает и мы не стали ей говорить, но Семя Хаоса, что поселилось в ее груди уже начало прорастать, менять ее, возвращать прежний облик и суть. Да, об этом мы умолчали. Карты — это не просто отмеченные Хаосом смертные, это те, кто некогда был убит, чаще всего жестоко, но чья душа не растворилась в бесконечных потоках силы, но осталась цельной искрой. Отец с радостью возвращает таких из небытия, внося столь любимый им беспорядок во все расклады и интриги. Кто такая Настя? Чья личность вскоре вспомнит себя до конца и займет свое место? Смутные догадки есть и у меня, и у Садена, и у Девятого Хранителя. Его послание... каждый раз прокручивая в голове несколько коротких строк, я все яснее понимаю, что у написанного есть несколько слоев и до самого дна мы так и не докопались.

И мне уже не суждено. Это не совсем Настя потребовала моей замены, это уже частичка той, что пробуждается. У Карт всегда есть цель, они жутко хотят победить, готовы на все, ведь власть даст им возможность отомстить, поквитаться с теми, кто их обидел. Мстительные, могучие духи, вновь обретшие плоть... Да, о таком лучше не говорить. Девчонка пока неплохо справляется, придет время, узнает и об этом, как и том, кто именно ее преследовал.

Саден так и не поверил мне до конца. Тот, кто сводил Настю с ума, кто постоянно прятался в ее тени, кто принял облик ворона... Это точно был Древний, кто-то из тех, кто по окончании последней войны ушел, спрятался в бесконечном веере Упорядоченных Миров, но не забыл и не даст забыть о себе. У Ворона своя цель, но чутье Проводника подсказывает, что не вред он замыслил. Настю нужно было подтолкнуть, он это сделал. Хотел бы уничтожить, я бы ему не смог помешать, так что зря Настя его боится. Впрочем, это лишь

мои догадки, ничем не подкрепленные и обнадеживать ее без особых оснований было бы недальновидно.

Тяжелые размышления прервал голос Садена:

— Лаит, Настя готова. Я уже проинструктировал ее насчет имени и любой информации о себе, она обещала молчать.

— Хорошо. Ты я смотрю тоже одет для бала, решил поехать с нами?

— Ты действительно думал, что я пропущу такое событие?

— Да, уж. Пропустить мой провал и позор было бы катастрофой.

— Я имел в виду объявлении начала Игры.

Ага, конечно. Саден собирался пойти на бал, чтобы в нужную минуту увести меня оттуда — как только будет объявлено о моей замене.

Мы вместе вышли в холл, и мне вдруг показалось, что из огромного помещения вмиг выкачали весь воздух. Посреди холла, под ярким светом хрустальной люстры стояла девушка-мечта, девушка-фантазия. Платиновые волосы были заплетены в сотни косичек, уложенных хаотичной массой, непослушная челка почти закрывала глаза, но лишь почти — две загадочные фиолетовые звезды сияли из полумрака. А платье! Я оторву Садену голову.

Она бы могла пойти без платья и, наверное, выглядела бы более одетой. Серебристое кше[1], из струящегося шелка лишь казалось приличным, но стоило сделать шаг, и складки юбки уже не скрывали ровно счетом ничего, зато подчеркивали... Длинные ноги, округлые бедра, тонкую талию... Хорошо хоть нагрудная пластина была непрозрачной, плотной, кажется сделанной из серебра со вставками черных камней, могу поклясться, что то были алмазы.

Да, стоит признать очевидное — Настя красива. Нет, Таин красивая — хрупкая блондинка с идеальными чертами лица, Настя же... феерична. Но Бездна и все саа'ле, во что она вырядилась!

— Саден, друг мой, не ты ли мне говорил, что Настя будет молчать о своей принадлежности?

— Я и буду, я прекрасно понимаю, что никто кроме представителей Дома Мейн не должен знать о моей сути, — прозвучал спокойный ответ Насти, заставляя вновь обернуться к ней. — Это может дать другим преимущество в Игре.

— Тебе и не нужно будет говорить — достаточно тебя увидеть, — парировал я.

Быстрый выстрел фиолетовых стрел в сторону Садена:

— О чем он?

— Твое одеяние. Лаит боится, что оно слишком красноречиво. Скажем так, оно более чем традиционно для представительниц твоего Дома.

Небрежное движение плеч и ленивое, абсолютно кошачье:

— Что я могу сказать, у нас, Метаморфов, хороший вкус.

Голос. Интонации. Они тоже изменились, голос стал ниже, он обволакивал и ласкал слух. И то, как она это сказала, вроде бы серьезно, но в то же время с изрядной долей насмешки. Смеется над нами? Над собой? Над всем миром? Кажется, меня ждет гораздо более долгий вечер и уж точно непредвиденно интересный. А местных красавиц ожидает жестокий удар по их самолюбию.

Пришлось взять себя в руки и сгладить возникшее напряжение:

— Впрочем, может это и к лучшему. Ты теперь одета как Метаморф, но никто не

поверит в это.

— Почему? — удивленно приподнялась тонкая бровь.

— Выставить напоказ свою принадлежность? Да еще и к мертвому Дому, который был уничтожен, стерт? Поверить, что ты Метаморф, ты — такая...

— Какая? — склонила на бок голову эта искусительница.

— Притягательная, — признал свое поражение я.

Мой взгляд невольно задержался на ее губах, мне захотелось совершенно определенным образом стереть эту насмешливую улыбку, но вдруг ее глаза заледенили:

— В этом и состоит план — на меня будут смотреть, будут раздевать глазами, думать обо мне и о том, как затащить в постель, — жестко отчеканила уже совсем не Настя. — Обо всем этом, а не о том, кто я и откуда, что значу в раскладе и каковы мои шансы.

Уже истинный Метаморф направился к выходу из дома, лишь на миг задержавшись напротив и бросив злое:

— Совсем как ты сейчас.

Финальный аккорд и она прошла мимо, безумно близко, так близко, что я ощутил запах ее духов и жар тела. Высокомерие и самонадеянность, исключительные черты хаоситов. Она ошибается, несмотря на ее привлекательность, никто не забудет о главном. Мы все похожи на красивые и чрезвычайно ядовитые цветы. Мы привыкли. Насте же еще только предстоит вспомнить.

Однозначно, меня ждет долгий вечер.

[1] Ритуальное одеяние Дома Реш, по сути, юбка в пол, из тяжелого материала, только на вид похожего на шелк. Одинаковая для мужчин и женщин Дома. Кроме кше, Реш практически ничего не носили — изредка «юбка» дополнялась массивными украшениями на груди (у наиболее могущественных представителей Дома). Особенность кше — при Обороте сохраняются в виде рисунка на коже/шкуре и после возвращения в антропоморфную форму вновь становится одеждой (хаоский).

ГЛАВА 7. Темная угроза. Настя-Аэль

На самом деле я была далеко не так уверена в себе, как пыталась показать. Руки немного подрагивали, голос норовил сорваться на испуганный писк, но разве я имела право хоть на грамм слабости? Никак нет, совершенно очевидно, что слабаков этот мир не терпит, перемальывает в своих жерновах и выплевывает жалкую пыль.

Во дворец Шин мы переместились, естественно, еще одним порталом, любезно открытым для нас моим, или уже почти не моим Проводником, так что мне опять не удалось толком разглядеть мир, в который я попала — такой ли он чудной, как рассказывал Саден?

Официальная резиденция Дома Шин или Лицедеев, как подсказал Лаит, была... странной. Другое слово подобрать трудно несмотря на то, что это уже успело основательно надоесть. Начать стоит с того, что дворец находился высоко на холме, теряясь среди облаков вечернего неба и вели к нему длиннющие лестницы в неведомо сколько тысяч ступенек. Мне стало дурно от одной мысли, что придется по ним подниматься, но Саден загадочно улыбнулся, подал мне руку и мы вместе ступили на первую. Розовую, вроде бы. Мрамор под ногами дрогнул, а потом мы двинулись вверх — оказалось, что это не статичная лестница, а нечто вроде эскалатора, вот только я так и не смогла уловить механику и принцип его работы, ступеньки плавно перетекали одна в другую, переливаясь всеми цветами радуги, но само движение почти не ощущалось. Лаит встал рядом, заставляя отвлечься от созерцания лестницы и кивком головы указал на самый верх.

Ух ты! А «эскалатор» двигался намного быстрее, чем мне подумалось — мы стремительно приближались к разноцветному монстру, сплошь состоящему из башенок и призрачных мостиков между ними. И это безумное нечто кто-то по недоразумению назвал Дворцом? Впрочем, Дворцом Развлечений, что вполне уместно, учитывая название Дома.

Мимо проплывали висячие сады, на ветках деревьев, среди ароматных цветов вольготно расположились крылатые змеи, вполне возможно, что на Третьем Круге они заменяют певчих птичек, кто знает? Хаос любит парадоксы.

Черт, откуда в моей голове появилась эта фраза?

Должно быть Лаит заметил, как я вздрогнула, повернулся ко мне и спросил:

— Все хорошо? Волнуешься?

— Нет, — вновь соврала я.

— Правильно, — сделал он вид, что поверил.

Еще некоторое время мы поднимались молча, пока «эскалатор» не доставил к конечной точке.

— О, кого я вижу! Никак сам Хранитель Третьего Круга почтил нас своим вниманием!

Мы наконец достигли верхней площадки и сразу оказались в толпе гостей. Высокий, темнокожий мужчина, а нет, не просто мужчина, кажется, кто-то до ужаса похожий на классического дроу заступил нам дорогу. Белые волосы, забранные в высокий хвост, состоящий сплошь из косичек, острые, удлинённые уши и красные глаза. Точно дроу!

— Что тебе нужно, Цаде?

«Дроу» забавно округлил глаза, в явно притворном изумлении:

— А это кто у нас? Никак молоденький Мейн?

— Иди в Бездну, Цаде.

— Фу, как невежливо, не боишься, что размажу по стенке?

Чернокожий угрожающе оскалился и кончики его пальцев заискрились лиловым. Лаит ощутило напрягся, явно готовясь к бою, но Саден вовремя вмешался:

— Не место для выяснения отношений, или вы забыли, о чем сегодняшней вечер?

«Дроу» отошел на шаг, склонился в едва заметном поклоне:

— Третий Хранитель, прошу прощения, старая вражда, как хорошее вино — будоражит и не дает покоя, — чернокожий перевел взгляд на меня, — А это значит, Карта Дома Мейн?

В красных глазах, знакомым лиловым, вспыхнули искры, но, странное дело, я ничего не почувствовала, хотя он явно меня «сканировал». Внезапно дроу буквально посерел, тяжело сглотнул, отступил еще на шаг и наконец склонился в поклоне, намного более глубоком, чем тот, которым он приветствовал Садена.

— Тана[1] Реш, позвольте засвидетельствовать свое почтение.

По щелчку пальцев передо мной появился высокий бокал на витой ножке, но Лаит не дал мне даже притронуться к нему, выхватил из-под носа и швырнул в пропасть.

Чернокожий усмехнулся:

— Ваш Проводник бдит как коршун... Ну что же, думаю у нас еще будет возможность пообщаться.

Не успела я даже рта открыть, как дроу растворился в толпе, словно капля крови в океане.

— Кто это был? — спросила я Лаита.

Ответил мне хранитель:

— Цаде'Нгун, один из Слушающих Хаос Дома Плетущих.

— Это те, которые маги разрушения? — попыталась я припомнить краткую сводку, данную Саденом.

— Цаде? Да, именно маги разрушения — вроде как антагонисты Коф, Созидающих. На деле же они всегда работают в паре, ибо не может быть разрушения без созидания. И наоборот.

Лаит покачал головой и не позволил другу продолжить лекцию:

— Не это сейчас важно. Он Слушающий, и Бездна его пожри, он «считал» хаос с Насти, — недовольно произнес Проводник, и добавил угрожающе, — Он знает.

Саден кивнул:

— Знает, но не думаешь же ты, что происхождение Насти надолго бы осталось тайной?

Лаит скривился:

— В этом платье? Я же сказал — только идиот не догадается.

Кажется, отмороженный гад уже отошел от шока и вернулся к своей обычной манере общения. Далось ему это платье! Ну да, провокационное, но зато такое удобное, оно легло словно вторая кожа, будто мягкие крылья обняли, укутали в теплый кокон. Необычные ассоциации и ощущения от куска материала, но именно это мне и чудилось — я попала домой.

— Нгун не просто углядел в Насте Реш, он рассмотрел и ее статус, — добавил Саден.

— Тана... — почти прошептал Лаит, тряхнул головой и повернулся ко мне, — Настя, запомни, тебе тут все враги, кроме нас с Саденом. И Учителя. Никому не доверяй, ни у кого ничего не бери из рук. Благодаря Нгуну весть о тебе разнесется быстрее, чем чума, а значит ты мишень, цель, всякий попытается тебя убить. Кто-то из спортивного интереса, кто-то для того, чтобы устранить конкурента, а кто-то просто для того, чтобы выслужиться.

— В отвратном мире вы живете, — пробормотала я, боясь признаться, что вот теперь я

точно напугана.

Лаит пожал плечами:

— Первозданный и его вечные развлечения.

— Убийство — это развлечение? — невольно вырвалось у меня.

— Одно из самых популярных, — спокойно ответил хаосит.

Внезапно что-то кольнуло, какое-то несоответствие.

— Саден, а разве Нгун не хаосит?

Хранитель утвердительно кивнул, и я задала следующий вопрос:

— А почему он тогда выглядит как дроу?

Блондин рассмеялся:

— Мы же на маскараде! Вот Цаде и вырядился в шкурку кого-то из потомков.

— Эм, в прямом смысле? — с опаской спросила я.

Саден забавно округлил глаза:

— Кровожадная ты, однако. Нет. Просто Нгун чуть затемнил кожу, слегка изменил разрез глаз, да сильнее осветлил шевелюру. Он один из Старейших, поэтому может и не такое. А дроу... Они произошли от угрюмых Цаде, вернее, последние старательно их выводили из своих наименее «чистых» потомков. Плетущие любят эксперименты, особенно над живыми.

— Мило.

— Не то слово. Поэтому лучше послушайся Лаита, он прав — тебе стоит быть очень осторожной.

После предупреждений моих спутников, красочный дворец как-то резко поблек и больше не казался чудом зодческого искусства. Я скользила взглядом по разношерстой толпе, в прямом и переносном смысле, и больше ничему не удивлялась. Ну подумаешь человек с головой шакала — вырядился в Анубиса, значит так и надо, а может быть это действительно Анубис? Должна же быть хоть какая-то правда в земных верованиях и мифах? Многорукий, синий мужик вообще не затронул. А вот женщина с восточным разрезом глаз и семью лисьими хвостами показалась смутно знакомой, вот только разглядеть ее получше не дал Лаит, дернул за руку и заставил посмотреть на нового собеседника:

— Настя, это Учитель. Учитель, позволь представить тебе нашу Карту — это Настя, по всем признакам Тана Реш.

Ну примерно так я себе и представляла этого его Учителя — высокий, закутанный с ног до головы в темно-синий балахон, капюшон надвинут по самый нос, крючковатый такой. Ну здравствуйте, Канцлер Палпатин[2].

— Очень приятно наконец познакомиться с тобой, Карта моего Дома. Но мой ученик сказал, что у тебя есть разговор ко мне?

— Да.

— Хорошо, почему бы нам не прогуляться. Дом Шин славится своими садами. Лаит, Саден, мы покинем вас ненадолго.

Учитель аккуратно вывел меня из толпы, в сторону одного из навесных мостов, что соединяли центральную площадку с самим дворцом, вернее, мешаниной башенок. Ночь еще не вступила в свои права окончательно, да и не факт, что тут когда-то бывает темно — прямо над самой высокой точкой дворца зависли три разноцветные луны, купающиеся в своих лучах всех и вся. Ажурный, хрустальный мост искрился, переливался, словно драгоценность, так что я невольно замедлила шаг.

— Не бойтесь, он прочный, а с голубой башни открывается замечательный вид.

Пришлось поверить не моему Учителю и аккуратно ступить на полированное стекло, но нет, каблуки не заскользили, поверхность чуть пружинила, как будто я шла по тонкому ковру. Старший Мейн улыбнулся:

— Сила, ну или магия, если вам так привычной. Этот дворец построили Коф по заказу Дома Шин. Тут почти все состоит из сплетения нитей.

— Я запуталась, Цаде зовут Плетельщиками, а между тем именно Коф создают из... сплетения нитей?

— Верно, Настя. Именно так.

— Почему Цаде Плетельщики, если они маги разрушения?

— Для того, чтобы это понять, нужно углубиться в теоретические основы магии хаоса, а у нас на это, к сожалению, совсем нет времени. Ты же хотела меня о чем-то попросить? Это стоит сделать до официального объявления.

Все верно, но я не знала с чего начать, как объяснить свои мысли так, чтобы этот хаосит, от которого так и веяло древностью и мудростью проникся моими бедами... Мы почти дошли до башни, когда Учитель все же остановился, и указал на проплывающие мимо нарциссы.

— Как тебе нравится сад?

— Он красив и необычен, впрочем, как и все здесь.

— Согласен, но я смотрю, он тебя не слишком впечатлил?

— Нет, почему, он впечатляет, в особенности цветы, растущие прямо в воздухе и мирно дрейфующие от клумбы к клумбе, просто меня сейчас занимает иное.

Учитель понимающе кивнул головой:

— Тебя увлекла Игра.

— Косвенно. Меня интересует победа, но для меня она имеет другое значение.

— Догадываюсь. Ты хочешь завладеть неким предметом.

— Да. Я думаю...

— Не всегда стоит доверять мысли словам.

Имеет ли он в виду, что нас могут подслушать? Не исключено. Тогда как бы ему все сказать...?

— Не трудись, я знаю, о чем ты хочешь поговорить, Лаит предупредил.

— Вы удовлетворите мое прошение?

— Нет.

Признаться, я была удивлена подобным категоричным ответом.

— Почему?

— Потому что ты сама на самом деле этого не хочешь, как не хочет и Лаит.

Веский довод и главное не столь далек от истинны.

— Может быть, и не хочу. Зато я знаю, чего точно хочу — победить, а для этого нужен Проводник, верящий в меня. Так почему бы вам не исполнить мою просьбу?

— И я ее выполню, если посчитаю нужным. Пока же я не вижу явной необходимости, да сделано несколько ошибок, но ничего из того, что нельзя было бы исправить.

— Значит, нет?

— Пока нет. Мое решение может измениться, это будет зависеть от ваших совместных действий. Но давай все же пройдем в башню, вот-вот должно начаться самое интересное.

[1] Тана — Владыка или владетель, устаревшее значение, использовалось для обозначения Старейших Великих Хаоских Домов. Ныне этим титулом называют всех Старейших Домов, а так же собрание Старейших.

[2] Отсылка к одному из отрицательных персонажей «Звездных Войн».

ГЛАВА 8. Маски. Настя-Аэль

Башня на самом деле оказалась входом в бальный зал дворца. Уж не знаю было ли это творение загадочных Коф, или еще чье-то, но вот оно как раз и поражало воображение. Полным отсутствием пола, стен и потолка. Гости прохаживались... Пролетали? В общем перемещались между висящими в пустоте колоннами и столами, ломящимися от различных кулинарных изысков и напитков. Даже не буду пробовать, и без предупреждения Лаита понятно, что чревато. Кстати, так думало большинство хаоситов — что-то я не заметила никого жующего или пьющего.

При помощи Учителя я сделала первый шаг в бездну, но, в отличие от других, мы не поплыли словно лодки в безбрежном океане, а мгновенно переместились в самую гущу хаоситов, прямо в море масок, красок, полуулыбок, дорогих духов. Духов? Откуда этот запах, запах сладковатой гнили...

...Пьяный запах гнилых орхидей,
Тихий шепот уставшего моря,
Ворох упавших, увядших идей,
Танец Жизни — веселья и горя...

У Храма было хорошее настроение. Монстр урчал от удовольствия, подставив обширное брюхо солнцу, которого нет, и вместе с тем, именно оно светит именно с той теплотой и яркостью, что сейчас нравится Храму. Все в этом мире, в этой вселенной-в-себе подчиняется Его воле. Все есть часть Храма, и если Ему грустно, то небо хмурится, если Ему одиноко, то море шумит особенно громко, если Ему весело, как сейчас, то мир обряжается во все цвета радуги.

Монстр знал, что Его лучший друг уже проснулся и совсем скоро придет в гости поиграть. О, они так давно не виделись, что Храм уже устал ждать. Пришлось даже немного подтолкнуть события. Нет, обычно Хаос не вмешивался в дела Созданий. Зачем, если за ними просто можно наблюдать? Так интересней. Но сейчас Его мучило нетерпение. Одиночество слишком затянулось, Ему захотелось вновь услышать живой смех, звенящий меж огромных колонн, ощутить легкие, летящие шаги по своим старым плитам, прикоснуться ветром к гриве платиновых волос...Как же она танцевала! Воплощая Его радость и любовь к миру, а в особенности к своим Детям. Раскинув руки кружилась в волнах серебристого ритуального кше, затмевая собой весь свет этого призрачного мира. А потом приходили остальные, и вставали в круг, и брались за руки и плясали, заставляя вращаться целые Вселенные...

Как же давно это было...Она ушла, они все ушли. Было принято совместное решение, что так будет лучше для Него, для всех Созданий. Ну, так Ему лучше не стало, стало во сто крат хуже. А до Созданий Ему нет дела, без самых близких нет радости в этом существовании. Или они вернуться, она вернется, или... Но она, они, вернуться. Игра началась, и на этот раз Он примет в ней участие, и она снова будет танцевать на прогретых солнцем плитках Его внутреннего двора...

Усталость съедает силу из ног,
Сонливость лишает легкости руки,

Я знаю — наверху улыбается Бог,
С неба падают мягкие звуки...

— С тобой все хорошо? Дитя?

Видение из почти забытого сна — надо мной склонилась фигура в капюшоне. Забавное дежавю.

— Что произошло?

— Мы едва успели зайти в зал, как ты внезапно остановилась, а потом просто осела на пол. Тебе стало плохо?

Плохо? Нет, мне было чертовски хорошо, безо всякой причины, ну почти безо всякой. Приняв помощь Учителя, я быстро поднялась и огляделась. Мой «обморок» безусловно, привлек внимание, вот только едва я встала, как маски стали отворачиваться, возвращаясь к прерванным беседам. Видимо, несмотря на положение Карты, загадочность личности, статуса, и прочие интригующие подробности я не представляла особого интереса. Уж, не от того ли, что все считали результат Игры предрежденным? Ну, тогда их ждет большой сюрприз.

— Ну так, что произошло? У тебя было видение?

— Да, как Вы догадались?

— Ты Измененная, рожденная в Упорядоченном, но принадлежащая Первозданному. Суть твоего становления — это возвращение родовой памяти или Осознание. Судя по всему, оно уже началось.

Информацию я переварю позже, сейчас важнее другое.

— Да, мне привиделся...

— Стоп. Никто кроме твоего Проводника не должен знать, что ты увидела. Но, внимание на хозяев бала, кажется, они готовы...Бездна! Где Лаит... Постой здесь, мне нужно его найти.

С этими словами я была оставлена совершенно одна в толпе абсолютно незнакомых людей, пардон, хаоситов. Мило. Как назло, и Садена нигде не видно. Предоставлена сама себе и... очаровательной маске златокудрого ангела:

— Настя, рад тебя видеть.

Ну, ничего себе, вокруг одни шпионы — мое имя знает первый попавшийся купидончик.

— Я вас знаю?

— Каррр... — издевательски пропел мужчина, а я заледенела.

— Сними маску, — голос не дрогнул, но коленки тряслись.

К моему удивлению, он неукоснительно исполнил требование, одним движением руки сдернув личину золотоволосого ангела. И оказался все же... ангелом, но совсем не нежным и не хрупким. Черные, иссиня-черные волосы, лежащие в полном беспорядке, топорщились «перьями», большие, немного раскосые глаза, сияющие порочным, изумрудным светом, тонкий нос с горбинкой, насмешливый изгиб губ, все это на фоне оливковой кожи. Массивная фигура хаосита буквально дышала мощью, и скрытой, и показной. Как будто этого было мало, мой преследователь из кошмаров одет в нечто, напоминающее черную шелковую юбку-брюки, серебристый ошейник и вязь татуировок по всему телу. Очень своеобразный наряд, полностью сочетающийся с моим собственным платьем...

— Кто ты?

Вопрос, мучавший меня долгими ночами, когда именно его я видела в кошмарах,

навеянных вороньим карканьем. В изумрудных глазах мелькнули знакомые нотки безумия:

— Ты все еще не помнишь. А я надеялся, что кше поможет.

— Кше? — недоуменно спросила я.

— А ты думаешь у этого сухаря-недохранителя могло найтись нечто подобное? Я передал его тебе через Крамса.

Даже так? Вопрос становится все более актуальным:

— Кто ты?

— А мне показалось, что тебе нравится увиденное... — лукаво улыбнулся этот искуситель.

— Нет, ты меня пугаешь, — честно ответила я и Ворон помрачнел.

Хаосит сделал шаг ко мне и внезапно оказался чертовски близко, так близко, что я увидела крохотные бисеринки пота на его груди. Почему я смотрю на его грудь? Я что боюсь посмотреть ему в глаза? Не имею права на страх! Ох, лучше бы я смотрела на его грудь, ошейник, юбку, да что угодно, но только не в глаза. Не знаю, чем бы все закончилось, но он друг поднял взгляд куда-то за мое плечо.

— Лаит, я уже не надеялся тебя увидеть.

— Кхай, я буду тебе признателен, если уберешь руки от Карты моего Дома.

Какая изысканная беседа, и какой тон. Ну, прям урок фехтования между старыми друзьями. И откуда у меня ощущение, что они хорошо знакомы? Почему имя зеленоглазого стягивает внутренности в узел и рождает целый поток мурашек похлеще издевательского «каррр»?

— На твоём месте я бы не стал ерепениться, а сказал бы спасибо.

— Спасибо? За что?

— За то, что выполняю, по сути, твои обязанности — защищаю Карту Дома Мейн.

— Защищаешь? От кого интересно?

— От тех, кто готов сделать первый ход в Игре. Решающий ход.

Напряжённое молчание повисло в воздухе. Я его могла даже увидеть, и почти без метафор. Что-то происходило вокруг нас, что-то не очень хорошее.

— Лаит...

— Подожди. Откуда ты знаешь про планы остальных?

— А, я смотрю, и ты уже догадался или тебе подсказали...

— Лаит...

— Догадался, но все еще не увел ее отсюда, а вместо этого стоишь и споришь.

Черт возьми, ситуация явно становится опасной. Если я что-то не сделаю, то будет плохо, очень плохо. За секунду воздух выдуло из легких и новый вдох все никак не получалось сделать. Грудь сдавило, а руки и ноги налились свинцовой тяжестью. Из последних сил я шагнула к Лаиту, почти падая в его объятия и прошептала остатками дыхания:

— Забери... забери меня отсюда, немедленно...

Дальше были только его крепкие руки и внезапное ощущение полного покоя. Кто бы мог подумать, что он умеет так сладко обнимать...

ГЛАВА 9. Союзники. Лаит

Смотреть на спящую Настю было... занимательно. На этот раз она не обернулась в процессе перехода, атака недоброжелателей почти достигла цели, и ее внутренний каркас был сильно поврежден. Не до такой степени, чтобы угрожать жизни, но в достаточной, чтобы ей потребовалось восстановление. А она просто свернулась клубочком в высокой, золотой траве Междумирья, прямо на берегу оранжевой реки. Говорят, кошки живучие, что же, есть шанс в этом убедиться.

А мне следовало хорошенько подумать. Судя по почерку и примененному заклинанию, это был Плетущий. Плохо, адово плохо. С первого хода и сразу тяжелая артиллерия? И заметил же, что Нгун как-то не так отреагировал на Настю, но не ожидал, что это будет поводом для атаки. Цаде воспринял угрозу всерьез, и это чревато огромными осложнениями, да еще на фоне объединения остальных четырех Карт и, соответственно, Домов...

Вынужден признать, что я сильно ошибся, посчитав Карту Метаморфа никчемной. Кажется, один я так обманулся. Джокер, говоришь? Похоже, так и есть, и впервые за долгие тысячелетия у Дома Проводников есть шанс выйти из вечной тени.

— Ты так и будешь на нее пялиться, или все-таки попробуешь разбудить? — прошипел сквозь зубы Лицедей, неведомо как пробравшийся вслед за нами.

Я вновь оглядел Настю, вроде бы все в порядке, только платье вновь изменилось, но после короткого объяснения Кхая это было ожидаемо. Вот она — первая Регалия Дома Реш, ритуальное платье Старейшей, Тана Реш. Может быть и есть что-то в этой их передаче знаний и силы через артефакты. Артефактов хаоса не существует — это аксиома, хаос нельзя вложить в упорядоченный предмет, но если мне не изменяет память, то когда-то наш Дом неплохо зарабатывал именно на создании невозможного, а потом секрет был утрачен, как и многое другое. Неужели это платье осколок не только истории Метаморфов, но и Проводников?

Кхай все также требовательно смотрел на меня, так что пришлось ответить.

— Зачем? Сейчас сон для нее самое лучшее лекарство, на ней попытались схлопнуть Сферу Отрицания, а она сумела выжить и сбежать почти без последствий.

Лицедей кивнул:

— Да, портал ты открыл как раз вовремя.

Кхай. Как он прошел сквозь портал на двоих, не имею ни малейшего понятия, но думаю, что дело в Насте — она схватила его за руку и притянула к себе, именно в тот миг, когда я заканчивал формировать переход. Похоже, что портал не посчитал ее и пропустил Лицедея. Так или иначе, мы вдвоем смотрели на спящую Настю, и мне было неудобно.

Один из нас был явно лишним.

Полнейший идиотизм, но я ревновал ее к Кхаю. Когда я их увидел стоящих так близко, таких похожих и таких разных — она, словно сотканная из белого золота и он, из черненого серебра... Два Метаморфа в традиционных одеждах — Тана Дома и ее верный слуга. Крикнуть громче о вступлении в Игру ни у кого бы не получилось, а они просто стояли и смотрели друг на друга так как будто никого рядом не было. Кто мне скажет, почему стало вдруг так погано, и мерзко, и злость захлестнула удушливой волной? Забавно — еще вчера мне казалось, что я ее презираю, а уже сегодня больше всего на свете боюсь потерять. И вовсе я не уверен, что все дело только в том, что она единственный шанс Дома.

Все это серебристое кше. И его чертово одеяние...

— Мне вот интересно, с какого перепугу ты оделся как Метаморф?

— Я Лицедей. Мы всегда притворяемся кем-то другим. В этом году в моде мертвые Дома. Кстати, какого саа'ле ты оставил ее одну?

— С ней был Учитель.

— Что-то я его не заметил, когда мы вытаскивали ее оттуда.

— Мы?!

Так и хотелось двинуть ему в зубы, но, Бездна его пожри, Кхай сейчас единственный союзник! Мое чутье Проводника настойчиво твердило, что ему можно доверять полностью, безоговорочно, а это дорого стоит в нашем зыбком мире.

С Кхаем мы были знакомы давно, хоть и редко пересекались, все же он птица совсем иного полета — один из Старейших Дома Шин, что делает его сильной фигурой в любом раскладе. Означает ли это, что и весь Дом Шин с нами? Они же вечно держали нейтралитет, никогда не участвовали в Игре?

Стоп-стоп, а не он ли наш таинственный преследователь? Бездна, он же Лицедей, не Метаморф, какой к чертям Ворон?!

— Кхай, это ты следил за Настей?

— Следил?! — притворное возмущение, — И кто такая Настя?

— Давай обойдемся без лишнего драматизма.

Зеленые глаза округлились в притворном недоумении:

— Ты вообще помнишь с кем говоришь?

— Помню. С главным обманщиком всея Первозданного. Порой мне кажется, что именно с тебя лепили образ Локи.

Лицо Кхая внезапно посерьезнело, в его шальных глазах заблестела вечность:

— Те времена давно прошли.

Даже так? Всем известный факт, что древние хаоситы увлекались играми в богов, да они и были богами для большинства разумных, но неужели мне «посчастливилось» встретить одного из них? В кое-то веки собственная догадливость не казалась чем-то хорошим.

— Ты действительно был...?

— Неважно. Все это уже неважно, дела давно минувших дней.

Столько тоски было в его голосе, что верилось с трудом, но продолжать тему было бы глупостью.

— Так, ты следил за Настей?

Кхай кивнул:

— Я должен был удостовериться в том, что она действительно Реш.

Это называется «удостовериться»?! Интересные способы проверки у Лицедеев.

— Хорошо, ты удостоверился и что дальше?

— Дальше Дом Шин вступит в Игру.

Не врет. Моих скудных сил хватает, чтобы отличить правду от лжи, даже если соврать попытается бывший бог. Значит, все же начнут Игру, спустя десятки тысяч лет...

— Кстати, что там говорят ваши летописи — в чем причина нейтралитета? С Тхау и Тхеф все ясно, Судьи и Хранители — им никогда не править, а значит и не дано участвовать, но почему вы всегда отказывались?

— Зришь в корень. По той же причине, что заставит Шин нарушить нейтралитет.

— И?

Кхай посмотрел на Настю и внезапно улыбнулся тепло и светло:

— Реш. Грядет возрождение Дома Реш и Дом Шин вновь обретет своих извечных союзников.

Вот так новость, хотя можно было бы и догадаться. Несмотря на огромную разницу по Кругам Хаоса, Дома Шин и Реш были во многом похожи, как по своей структуре, так и по царящим нравам, так что их союз не столь удивителен. Удивительно другое.

— Значит союзники.

— Да, и такие давние, что наши летописи не помнят других времен.

— Союзники сумевшие пережить крах Дома Реш?

Кхай усмехнулся:

— Не все так просто. И уж точно все совсем не так, как о том трубили на всех углах Коф. Недаром говорят, что историю пишут победители. Коф написали свою историю, но она очень, очень далека от истины. Я больше, чем уверен, что Коф и их сторонники сами не поняли, что тогда произошло, а чтобы скрыть свою неосведомленность и придумали всю эту сказку про белого саа'ле[1].

— Ты о чем? Какую сказку? Дом Реш был объявлен вне закона и уничтожен, полностью.

— Да? Советую тебе покопаться в старых архивах и для начала сравнить даты первых сообщений о зачистках Метаморфов на всех Кругах и дату их фактического объявления вне закона.

Итак, Кхай намекает на то, что Дом Коф решил поиграть в Правителей еще до первой Игры. Занятно и самое интересное, что вполне реально в свете последних новостей и событий.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что Дом Реш так мешал Созидающим, что они преступили закон?

— Мешал? Тут лучше подошло бы другое слово — угрожал.

Дом Коф из страха уничтожил Дом Реш? Бред, невозможно!

Или нет? Может быть все действительно совсем не так как кажется? В благородство хаоситов уже никто не верит, слова «честь», «достоинство», «истина», давно стали пустым звуком. После стольких раундов Игры не осталось ненарушенных союзов и непреданных друзей, все врут, все плетут заговоры, все прячут нож за спиной. Могло ли так случиться, что все с точностью до наоборот? Реш были не слабы, а сильны, СЛИШКОМ сильны. В одиночку ни один Дом не смог им противостоять, вот они и объединились? Боюсь, правду уже никто никогда не узнает. Разве что потрясти Хранителей... А не это ли причина письма Девятого Хранителя? Попытка восстановить справедливость? Столь же устаревшее понятие, но чем Бездна не шутит? Кажется, Игра на этот раз будет гораздо более занимательной.

Хорошо бы ее еще пережить.

— Говоришь Дом Шин союзник Дома Реш, и теперь косвенно союзник и дома Мейн? И что дальше?

— Дальше? Дальше все еще более запутанно. Первоочередная задача — это разбить коалицию четырех Домов. Я так понимаю, ты уже в курсе?

— Коф, Цаде, Самех и Дзайн, все будут играть сообща против нас с Настей.

— Все верно, вам просто не дадут прорваться к Храму. У тебя же нет прямого портала?

— Ни у кого нет прямого портала на Девятый Круг, ты же знаешь.

Лицедей прищурился, открыл было рот, чтобы ответить, но потом помотал головой и

подтвердил:

— Допустим. Значит у вас только один Путь — через перелесок Пхе.

— Да.

— Там вас точно ждет засада.

— Засада будет гораздо раньше, нам же еще нужно Регалии собрать.

— Регалии?

— Регалии Реш, ну вроде как их...

— Я знаю, что такое Регалии, — прервал меня Кхай.

Откуда? Откуда ему известно то, что по крупицам собирал Хранитель, пусть и Третьего Круга, но все же! Кхай опередил мой вопрос:

— Я расскажу. Когда зачищали Метаморфов, их Регалии разделили по Домам, мол уничтожить нельзя, но и в одни руки отдавать опасно. Поэтому Кше ушло к нам, Тхеф забрали один из Наручей, Самех второй, Тхау и Дзайн разделили Сандалии, Хлыст оказался у Цаде, а Призма у Коф. Ну и Диадема... Диадема, по преданиям находится в Храме, но ее так и не смогли найти, хотя сам понимаешь — очень старались.

— Диадема. Настоящая цель Игры?

— Верно, — кивнул Лицедей. — О Диадеме ходят разные легенды, которые, кстати, старательно затираются Коф на пару с Цаде. В одной легенды сходятся — тот, кто завладеет Диадемой станет править Первозданным, и Игра потеряет всякий смысл. Спроси своего друга Хранителя, уверен, что эту информацию он пока придержал для себя.

Опустим попытку внести смуту и раздор, Кхай Лицедей, а это у них на генетическом уровне прописано. Саден сказал, что знал или что мог, в некоторых случаях это одно и то же. Но! Ничего себя информация... Бездна, есть ли хоть что-то чего не ведают лучшие шпионы Хаоса?

— Да-да, именно я забрал кше и отдал его... Насте, — продолжил Кхай, видя, что укол не достиг цели. — Оно принадлежит ей.

Злоба и ревность вновь вгрызлись в живот, в ребра, ввинтились в мозг — он так посмотрел на спящую в траве Настю, что мне захотелось прикрыть ее плащом. И от нескромного взгляда, и от собственных мыслей.

Что я и сделал.

— Зря, в кше она не чувствует холода, я же говорил.

— Говорил.

Плевать мне на то, что он там говорил. Пусть лучше мой плащ побудет на ней. Целее... нервы.

— Восемь, — бросил я вместо оправданий своему поступку.

— Что прости? — переспросил Кхай.

— Восемь Регалий.

— Ах, да, все верно.

— Но все в Хаосе подчиняется «правилу девяти».

Пронзительный взгляд зеленых глаз прошил навывлет черепную коробку, боль так явно стрельнула в затылок, что захотелось проверить — не осталось ли дырочек от выходных отверстий?

— Ей хватит и восьми.

Сказано было таким тоном, и с таким нажимом, что дальнейшие вопросы пришлось отложить до лучших времен. Кто я, чтобы спорить с бывшим богом? Лучше узнать побольше,

пока он еще склонен отвечать.

— Они хранятся в Домах?

— Скорее всего.

— Получить их будет непросто.

— Это ее Путь, — легко понятный акцент на последнем слове.

— Как быть с союзом Домов?

— Оставь его мне.

— Против их объединенной мощи наши два Дома и Дом Метаморфов в лице Насти не выстоит. Они просто нас уничтожат, если не смогут остановить другими средствами.

— Значит, нужно их рассорить, — зло оскалился Кхай, — разделяй и властвуй, первейшая стратегия в подобных войнах. Этим я и займусь пока вы с Настей будете искать Регалии.

Локи. Теперь я верю, что он был им, а вполне возможно, что не только «был», но и «есть». Разве бывают «бывшие боги»? Разве можно перестать быть... кем? Кем он был? Кто он сейчас? Загадочный представитель загадочного Дома. У каждого Великого Дома Хаоса свой секрет, а чаще всего и не один, Мейн знают многое, Хранители еще больше, Лицедеи умеют проникать за любые закрытые двери, так что они смогли подглядеть, о чем молчат уже десятки тысяч лет?

— С чего нам начать?

Кхай пожал плечами:

— С начала. С Первого Круга.

Хм, прямо в унисон с Девятым Хранителем.

— Регалия в Библиотеке?

— А разве это не официальная резиденция Тхеф?

— Скажи еще, что они держат ее на самом видном месте!

— А почему бы и нет? — спокойно ответил на подначку Лицедей, — все это так давно было, что, возможно, никто уже толком и не помнит что и зачем хранит.

С какого-то перепугу Кхай счастливо рассмеялся, вот не зря говорят, что они немного безумны. Ситуация совершенно не располагала к веселью, а этот псих скалился во все зубы, словно только что выиграл... Игру.

— Знал бы ты какие они слепые идиоты, эти «великие» Дома... Если бы ты только знал.

На что он намекает?

— Кхай, кто такие Реш?

Лицедей довольно ухмыльнулся, мне показалось, что еще немного и он погладит меня по голове, как послушного ученика.

— Хороший вопрос, мой дорогой Мейн, очень хороший. А лучший — кто такая Настя. Будешь в Библиотеке, поищи старый словарь древнего хаоского, узнаешь много нового. Мне пора.

Хаосит встал, отряхнул кше, хотя, конечно же, на нем ни осталось и следа травы, грязи или чего-то еще. Мне показалось, или Кхай пытается сбежать? Было бы логично остаться и поговорить с Настей, но Древний явно стремится убраться побыстрее, пока девушка не очнулась. Бездна с ним, мне это только на руку.

— Открыть портал возле Дома?

Я спросил из вежливости, так как у всех древних есть свои возможности по хождению между мирами, и действительно, Кхай лишь отмахнулся.

— Кстати, бесплатная подсказка, обрати внимание на слово «вновь» из послания Девятого Хранителя.

За спиной Лицедея развернулись огромные черные крылья, и он слитным движением взмыл в темнеющее небо, оставив меня на растерзание горстке ответов, вороху вопросов и просыпающейся аркх'саашат. Только не это...

[1] «Осколок разума», название для потусторонних духов, остатков личности некогда живших хаоситов. Применяется как идиома «белый саа'ле» — нечто нереальное, невозможное, или как ругательство (хаоский).

ГЛАВА 10. Вещие сны. Настя

Где-то между явью и сном возвышается Храм,
Темный Храм, где вершатся бескровные жертвы...

Мне опять снился Храм. Только на этот раз я наблюдала за происходящим со стороны.

Был яркий солнечный день, небо потеряло свою свинцовую краску и стало вдруг абсолютно голубым. Море не шумело сердито, а нежно мурлыкало песню прибоя. Трава сияла свежей зеленью, такой, какой она бывает лишь ранней весной. И только легкий запах голубых орхидей напоминал мне, что я все еще в той самой долине, что когда-то так напугала меня в кошмарах.

А сейчас я наслаждалась видом Храма. Больше не было серых, мрачных развалин, поросших мхом и лишайником. Стены возвышались белыми волнами, увитые побегами голубой орхидеи — мелкими цветочками в узорном хитросплетении темно-зеленых листьев и стеблей.

За внешней стеной скрывался внутренний двор, мощный черной мраморной плиткой с голубыми прожилками. По краю двора извивался тенистый коридор, обрамленный многочисленными тонкими колоннами, увенчанными маленькими статуями Зверей Хаоса. И коридор, и двор был полон Метаморфов. В первичной и в звериной форме, они стояли, лежали, сидели на ступенях коридора, на плитах двора, освещенного ярким солнцем, которого нет. Реш вели неспешную беседу, лениво текущую в лучах дневного светила, или просто лежали на черном мраморе, или как вон та чайка-переросток устроились на самой верхотуре и наблюдали за происходящим. Все они чего-то ждали.

И это что-то как раз начало происходить.

Из тени дальнего коридора выступила тонкая фигура, облаченная с серебристый плащ, скрывающий ее с головы до пят. Фигура плыла к середине двора и по мере ее приближения Метаморфы расходились, пятились в тень.

Тишина стала полной и абсолютной, той самой, что из первого сна — когда звуков нет вообще. Наверное, так звучит смерть. А потом запах орхидей усилился стократ, стал почти осязаемым и откуда-то с неба полилась тихая мелодия. Играла скрипка, играла так нежно, так печально, и под аккомпанемент ее плача плащ мягко стек к ногам девушки. Она легонько качнулась, возвела руки к небу и затанцевала. Подчиняясь мелодии, она танцевала медленно и плавно, неспешно как долинная река в своем русле, как снег, падающий тихим декабрьским вечером. Но к первой скрипке присоединилась вторая, и музыка зазвучала быстрее, тихий снегопад сменился осенним листопадом, мельканием ярких листьев и пряной горечью первого эля. Из тени стали выходить Метаморфы, они брались за руки и становились в круги по трое-четверо и пускались в пляс вместе с серебристым вихрем. А танцовщица уже была вихрем. Музыка стала еще быстрее, к скрипкам присоединились барабаны, флейты, гитары, уже целый оркестр играл эту быструю и зажигательную песню жизни. Ее кше вздымалось серебристым костром, в котором сгорали все печали этого мира и сотен, тысяч других миров.

Музыка все играла, и они танцевали и танцевали, смеясь и радуясь жизни, даря движение всему существу. А потом, на закате, небесная мелодия стала затихать, опять остро запахло орхидеями и вновь внутренний двор опустел. В центре осталась только девушка в

ритуальном кше и еще пять Метаморфов. Они встали на колени, по кругу, и девушка в центре запела тихим голосом. Отвечая на ее зов, из земли, за спинами каждого из пятерых стали прорастать, прямо из мрамора, мраморные же постаменты. Алтари. Девушка продолжала петь, пока пять Реш расходились к своим последним ломам. Она пела и когда черный мрамор проглотил каждого из пятерых, и когда голубые прожилки засветились внутренним светом и алтари вернули свои жертвы, вот только уже в звериной форме и без признаков жизни. Подношение было принято, живущим был дарован еще один шанс.

Тьма опустилась на белый Храм и в этой тьме с тихим шелестом девушка подняла свой плащ и скрылась во мраке колоннады.

... Душ живых давно уж нет там,
Есть только те, кто бессмертны.

Зато теперь я знаю, как ее зовут, как меня зовут — Ваэль, Реш'Во'Аэль, Старейшая Дома Метаморфов. Имя, что пока нельзя называть.

Проснулась я сразу и полностью, как и всегда. Некоторые открывают глаза и еще минут десять не могут понять, где они и кто они, я же всегда просыпаюсь в полной готовности встречать превратности судьбы.

Что очень кстати, если судьба сдает тебя в качестве Карты в Игре неких Домов. Угораздило же вляпаться по самые кончики ушей. Мохнатых. Кажется, я перекинулась во сне, как только вспомнила свое новое, вернее чрезмерно старое имя — Ваэль. Эльфийское какое-то, но красивое.

Лежать в форме кошки было вполне удобно, и думалось легко, в отличие от прошлого обращения. Посторонние запахи больше не отвлекали, не побуждали вскочить поскорее и пуститься в погоню за возможной добычей. Излишняя простота восприятия тоже ушла, оставив лишь некоторую отстраненность, позволяя думать о происходящем спокойно, разумно, не принимая близко к сердцу все странности и ужасы.

Итак, платье, нет не платье, кше! Кше оказалось одной из Регалий, недаром мне вновь приснился Храм и, главное, вспомнилось имя. Верно, это был не столько сон, сколько воспоминание. Прошлая жизнь? Жизни? Возможно, воспоминания были обрывочны и никак не хотели складываться в цельную картинку. Удавалось выхватить только вот такие зарисовки — Храм в его былой красе, танцы, ритуалы, но никаких ответов на «зачем» и «почему». Еще в голове всплывали отдельные слова и тут же приходило понимание их значения. Например, аркх'саашат, что с хаоского означает «угольная кошка», при этом «угольная» отражает не столько и не только цвет. Интересно, знает ли об этом мой Проводник? Знает ли о силе, скрытой в каждом «животном», как он любит выражаться?

Я теперь это знала. Аркх'саашат отличается от обычного зверя примерно также, как человек от хаосита — огромная пропасть, которую не перепрыгнуть, не перелететь. Я не просто животное, я действительно Зверь, а значит осколок Хаоса бьется в моей груди вторым сердцем, даруя возможности, которые и не снились обычным смертным. В этом теле я могла бы искупаться в жерле действующего вулкана, могла бы выйти в открытый космос и прогуляться по поверхности солнца, могла бы оказаться в центре взрыва сверхновой и лишь довольно бы потянулась, нежась в тепле. Аркх'саашат рождены в огне, огнем и для огня. Лава течет по моим венам, плазма пульсирует под кожей, ядерным реактором гудит первое

сердце.

Но ничего этого не видно, все скрыто под иллюзией, обманчивой маской полуживотного, полу-разумного. Маска, еще одна маска. Обладают ли этой особенностью и Звери Хаоса? Или она присуща только Реш — эта способность становится стихией, голой силой?

— Настя?

Лаит прервал мои размышления, заставил повернуть голову в его сторону. Мой Проводник опять изменился, стал вроде бы немного старше, костюм на нем опять дорожный, никакого парадного наряда, которым он щеголял на балу. Хотя громко сказано, в глухом черном камзоле и черных узких брюках не «пощеголяешь». Но именно Лаит смотрелся в такой одежде крайне соблазнительно. Так и хотелось вытряхнуть его из рамок «приличий», «долга», «обязанностей» и заставить показать истинную суть. Интересно, он способен на сумасшествие? На импульсивный поступок?

Чур меня чур, о чем я думаю, мало мне проблем, нужно еще добавить?

Кстати, о проблемах, где Кхай? Я точно помню, что попыталась утащить его следом за нами. Слишком много вопросов пробудили его изумрудные глаза и необычайная осведомленность о делах вроде бы чужой Карты. Не говоря уже о наших странных отношениях. Перекинуться и поговорить?

— Чистый переход. И быстрый. Смотрю обретение Регалии пошло на пользу.

Да уж, но главное не в этом, а в том, что на этот раз я не стояла в чем мать родила — на мне было кше, что несказанно радовало. Раз оно сохранилось во время переходов между обликами, можно оборачиваться без риска незапланированного стриптиза. Чудное приобретение. Спасибо Кхаю.

— Где Кхай?

— Ушел.

Лаит какой-то неразговорчивый, губы недовольно поджаты, а движения резкие, дерганные.

— Ты злишься?

Мейн скривился, но ничего не ответил, продолжая смотреть на огонь.

— Так, что я опять сделала такого, что вернулась в черный список?

Проводник соизволил ответить:

— Мне не нравится, тот факт, что ты продолжаешь оборачиваться только одним зверем. Аркх'саашат хороший выбор, но, если ты будешь обращаться только к одной форме, это может повлиять на твой разум.

— Я могу стать аркх'саашат?

— Ты и так ею становишься, просто однажды ты не захочешь вернуться.

Может быть. Даже, скорее всего, ведь кошкой так просто быть — никаких лишних эмоций, сомнений, только самые важные мысли имели право на существование. В облике же человека, целый поток образов и обрывков рассуждений поторопился затопить сознание. Вот, к примеру, какой смысл имеет мысль о том, что только у самого костра кажется, что ночь уже вступила в свои права, а стоит отойти буквально на несколько шагов, как оказывается, что это еще не ночь, а только сумерки. Ценный вывод — близость к свету ослепляет. Но аркх'саашат он не нужен. Для нее это не важно, не имеет значения. Зато арх'саашат не поймет, что ей соврали. Мейн увиливал от правды.

— Не буду перекидываться, побуду послушной, если ты скажешь, что на самом деле

тебя разозлило?

Лаит ответил только после того, как обвалял мясо в специях и закончил нанизывать их на прутья.

— Что тебя с ним связывает?

Ага, вот она настоящая проблема. Знать бы еще решение...

— Я не помню.

Проводник посмотрел на меня долгим, пристальным взглядом, а потом кивнул, принимая ответ.

— Вспомнишь. А до тех пор советую держаться от него подальше.

Хотелось вскинуться, сказать, что пусть Учитель и утвердил его в качестве моего Проводника, но это еще не значит, что он может мне приказывать. Он вообще не имеет права мне приказывать! Он, пустой ветер Бездны!

Черт, опять это странное ощущение, словно кто-то другой рвется наружу, требуя свободы и слова. Кто-то другой или моя настоящая личность? И не означает ли ее пробуждение мое исчезновение? Мое? Ее? Разве мы не одно целое?

— Настя...

— Аэль, — прервала я его.

— Аэль? Ты вспомнила имя?

— Да.

Вспомнила и соврала, но именно это имя рано называть, то самое нечто, живущее внутри меня, второе сердце, настойчиво требовало скрывать до последнего истинное имя.

— Аэль. Реш'Аэль, древнее имя.

Лаит задумчиво поворошил угли в костре, от чего пламя вспыхнуло ярче.

— Да не просто Реш'Аэль, а Тана Реш'Аэль.

— Что значит Тана? — задала я давно волнующий вопрос.

— А ты не помнишь? Тана означает «старейший», так величают предводителей Великих Домов.

— Я глава Дома Метаморфов?

Проводник кивнул. Глава мертвого Дома. Имеет ли это значение, если я единственный представитель?

— Заметила, что именно так тебя назвал Нгун?

— Это важно?

— Это причина покушения.

Холодок прошелся по спине.

— Меня пытались убить, ну там, на маскараде?

— Да, я же тебя предупреждал.

Предупреждал, но не уберег, отвлекся на свои собственные непонятные дела. Или не захотел спасти? Нехорошая, опасная мысль.

— Угу. Сперва было тревожное ощущение, что вокруг что-то происходит, что-то неправильное, а потом будто разом убрали весь воздух.

— Верно. Они попытались схлопнуть Сферу Отрицания. Мерзкий прием из арсенала Плетущих — уничтожает само Упорядоченное из определенной, строго ограниченной области.

— Упорядоченное? Но разве мы не находились в Первозданном?

— И да, и нет. Чтобы объяснить происходящее нужно начать с азов.

О, новый урок естествознания? Жду с нетерпением, может, отвлечет от мыслей о некоем Вороне, появляющимся и исчезающим из моей жизни без всякого предупреждения.

— Для начала запомни главный Закон Хаоса — «В Хаосе нет законов, единственный Закон Хаоса — это отсутствие законов».

Эмм, вот так сразу и по неподготовленному мозгу? Жестоко.

— И сразу вдогонку Второй Закон Хаоса — «Хаос не есть отсутствие Порядка, Порядок не есть отсутствие Хаоса. Порядок и Хаос суть едины, как едино море и его капля, и Хаос есть море».

Отлично, если все их «законы» такие, то неудивителен бардак, царящий в этих их Кругах.

— То есть, находясь в Упорядоченном, мы все же находимся в Хаосе? Соотношение как часть к целому?

— Верно. Но верно и обратное — что, находясь в Первозданном, мы можем быть и в Упорядоченном. По сути, все Круги Хаоса, где есть разумная жизнь, это своего рода острова Порядка. Чем ближе к Храму, тем меньше этих островов, и тем труднее существовать. Хаоситам, конечно, Зверей Хаоса данное правило не касается.

— Звери живут везде?

— Звери могут жить везде.

— Тогда почему они пытались уничтожить вокруг меня Порядок? Если в любой момент я могла обернуться, и их Сфера стала бы бесполезна?

— Если могла, то почему не обернулась?

Хороший вопрос.

— Я не смогла обернуться. Даже на переходе.

— И этого следовало ожидать. Когда ты войдешь в полную силу, Сфера Отрицания действительно будет бесполезна против тебя, но пока ты стоишь всего лишь у начала Пути, чистый Хаос может тебя уничтожить — просто разорвав связь с твоими способностями, привязав тебя к человеческому, упорядоченному облику и растворив в себе.

— Просто и эффективно.

— Но мы успели уйти, да еще и утащить за собой Кхая.

— Куда он пропал? — вновь вернулась я к вопросу, с которого все началось.

Разговорчивость Лаита тут же сошла на нет, а я уже было надеялась услышать побольше интересного.

— Лаит, куда ушел Кхай?

Я рисковала, проявляя такую настойчивость, но мне просто жизненно необходимо было знать, где мой несносный маньяк, почему его опять нет рядом. Мой?

— Он выполняет свою часть уговора, — наконец смилостивился Проводник.

— И о чем вы договорились?

— Дом Шин, его Дом поддержит тебя, поможет разобраться с противниками, а мы сосредоточимся на поиске Регалий и только после этого отправимся к Храму.

— Ты выяснил, где они?

— Кхай дал мне наводку.

— Откуда он узнал? Я думала это великая тайна и секрет?

Лаит недовольно поджал губы:

— Не имею ни малейшего понятия, но между тем сказанное им согласуется с посланием Девятого Хранителя.

— Идем в Библиотеку?

— Вот сейчас поужинаем и отправимся, — подтвердил Лаит, — но сперва ты расскажешь мне, что тебе снилось...

ГЛАВА 11. Библиотека. Аэль

Если у времени и есть запах, то это определенно запах старых книг. Немного затхлости, чуток плесени, бумага и старая кожа, все сдобрено изрядной порцией пыли и вуаля — духи под названием библиотека. Библиотеки бывают разные — есть старожилы — городские библиотеки с их обманчивой, гулкой тишиной, с массивными столами и дурацкими системами поиска книг. Есть закрытые библиотеки с электронной картотекой, микрочипами, смс-ками с напоминанием о необходимости сдать книгу обратно. Бывают библиотеки частные и эксклюзивные — с редкими и дорогими книгами. В конечном итоге — бывают просто электронные библиотеки.

Но то, что они называют Школьной Библиотекой... Хотелось бы посмотреть и на эту их Школу... Для начала никакого здания не было. Как бы вообще. Стены были, книжные стеллажи были, колонны с какими-то полужнакомыми значками были. Даже двери были. Зато не было крыши, и эти самые двери были вделаны в одиноко стоящие стены длиной в два метра. А высотой... ну, я бы могла через них перешагнуть.

Спасибо хоть пару книг на полках обнаружилось. В остальном же они были заставлены статуэтками всех форм и размеров, какими-то разноцветными камушками, ракушками. Могу поклясться, что на одной из полок пылилось чучело какого-то забавного зверька. Прям, не уважающее себя заведение, а лавка старьевщика! С чрезвычайно причудливым интерьером. Если к этому добавить тот факт, что сие безобразие расположилось на небольшом острове меж двух рукавов полноводной реки, то картинка складывается занимательная.

Не менее занимательным был и наш «экскурсовод», по всей видимости, библиотекарь и уважаемый представитель Дома Тхеф. Ну, хоть радуется, что внешность Хранителя вполне соответствовала классическому представлению о зрителях книг — белобородый старичок, сгорбленный причудливой буквой «г», одетый в серую от старости мантию, стоптанные тапочки и с головным убором, напоминающем четырехуголки, что выдают заморским выпускникам школ. Старичок старичком, но бегал меж стеллажами и неприкаянными стенами бодро и шустро. Что-то бормотал себе под нос, с того самого момента, как мы с Лаитом вышли из портала буквально в нескольких метрах от мостика, перекинутого к библиотечному острову.

Лаит, не мудрствуя лукаво, заявил напрямик, что пришел за Регалией, хранящейся в Доме Тхеф. К моему огромному удивлению, Хранитель блеснул короткой, на зависть белозубой улыбкой, кивнул, и тут же засновал рыбкой между стеллажами. Мне уже было показалось, что у бабушки не все в порядке с головой, но тут он вдруг остановился, попытался подпрыгнуть и что-то достать с верхней полки, но старость и горб все же не дали ему совершить подвиг.

— Молодой человек, да, да, не смотрите так на меня. Лучше достаньте мне вон ту коробочку сверху. Да, вон ту из черного дерева. Жжется? Все верно, так и должно быть, давайте ее скорее мне, а то можете и без рук остаться.

— Охранное заклинание?

— Не совсем, все дело в материале, из которого сделана шкатулка. Древесина добыта из одного забавного лесочка на Девятом Круге. Да-да, из того самого. Так что вещичка получилась с характером, и не любит чужие руки, а вот вам девушка я думаю, не составит труда помочь старику и открыть шкатулку?

С этими словами Хранитель сунул мне короб в руки и с неподдельным интересом стал наблюдать за моими дальнейшими действиями. Значит, я должна открыть черный ящик? Отлично, только как это сделать не имею ни малейшего понятия — старик назвал это шкатулкой, на деле же в руках у меня был цельный куб из черного дерева. Без малейшего намека на замок, стыки или прочие мелочи, указывающие прямо или косвенно на наличие составных частей.

— Боюсь, что я не знаю, как открыть его.

Старик нахмурился, склонил голову, что-то там пробормотал, потом внезапно просветлел.

— Путь еще не пройден... Ну что же, кше уже на тебе, значит и до шкатулки додумаешься.

— Уважаемый Хранитель, я хотела бы задать вам несколько вопросов, если вы не против?

Сама поражаюсь своей вежливости и обходительному тону, никак вспомнила Настя о дипломатии и былых навыках переговоров? Нет, не Настя, пора отвыкать себя так звать даже мысленно. Я уже не Настя, и не факт, что когда-либо ею была.

— Дай угадаю, хочешь узнать про «Звезду Равновесия»?

Не совсем тот вопрос, но и этот был не менее интересным.

— Да, можно на нее взглянуть? Почитать?

Я с сомнением оглядела бардачную библиотеку, в напрасных поисках уголка для чтения, а потом добавила:

— Взять с собой?

Хранитель мелко затрясся в приступе то ли смеха, то ли кашля:

— Драгоценная наша, «Звезду» вы тут точно не найдете. Крамольная книженция однако, дерзкая, и давным-давно запрещенная. Так что и не найдете найти хоть один экземпляр — все давно уничтожены.

— Почему были истреблены Реш? — вырвался у меня наконец давно зреющий вопрос.

Тщедушный старичок вдруг выпрямился, игнорируя горб и изображаемую старость, мне показалось, что он даже немного раздался в плечах, а борода и патлы зашевелились живой массой. Вот же ж...

— Хорошие вопросы задаешь, драгоценная, отличные я бы сказал.

— Мне это уже говорили, и все же, почему? — поторопила я Хранителя, преследуемая ощущением надвигающейся беды.

— Для начала я тебе вот что скажу — они не были истреблены, как ты выразилась. Ну или по крайней мере не все из них. Нельзя убить то, что никогда не рождалось.

Опять гребанные загадки, вот любят всю эту муть Хранители и прочие «мудрейшие»! Почти уверена, что так они маскируют незнание ответов.

— Нам пора.

Молчавший до этого Лаит возник у плеча, напряженный, собранный и готовый хоть сейчас в бой. Кажется, он тоже почувствовал чужой, недружелюбный интерес. Хранитель крикнул, но спорить не стал, проводил нас по лабиринту бредовой Библиотеки до самого выхода, ну, или просто ближайшего пространств без стен и растворился среди стеллажей.

Лаит напряженно прислушался к чему-то, а потом немного расслабился.

— Кажется, ложная тревога, вроде бы никого поблизости.

— Ну так открывай портал, — поторопила я, так и не избавившись от неприятного

чувства слезки.

Проводник все медлил, словно ждал чего-то, мои нервы натянулись как струны и проснулась дурацкая болтливость.

— Это было быстро, прямо по цезаревски, пришли, увидели и вроде даже победили. В кубе же Регалия?

— Думаю да. Осталось этот самый куб открыть.

Лаит отвечал коротко, спокойно, все еще вглядываясь куда-то в неведомые дали.

— Не имею ни малейшего понятия как это сделать, — продолжила я заполнять паузу.

— Ну, у тебя есть вся эта ночь на тренировки, а завтра нас ждет Второй Круг и еще более веселая задачка с Домом Воров.

- Может и на этот раз нам повезет и все пройдет так же гладко и быстро?

Наконец Лаит отмер, повернул голову ко мне и уже не так спокойно произнес:

— Гладко и быстро, говоришь? А по мне, Хранитель был только рад от нас избавиться. Что-то здесь не вяжется. Регалия хранится на виду, без всяких особых ухищрений, ну если не считать загадочного куба, отдают ее нам без лишних вопросов, проверок личностей, полномочий. Это совсем не похоже на Дом Хранителей, они те еще педанты, бюрократы и буквоеды, а тут полное пренебрежение ценной, и главное, опасной вещью.

— Ты предпочел бы долгую беседу и муторные расспросы о том, кто мы и что тут вообще делаем?

— Да, потому что это было бы обычно и нормально, а то, что произошло — это почти так же маловероятно, как мокрая аркх'сиет. Хранитель поспешил от нас избавиться.

Я не стала спрашивать, что такое аркх'сиет, в голове сама собой всплыла картинка огромной, красной ящерицы. Мокрой она не могла быть по определению, просто по той причине, что ее чешуя из самого прочного и жаростойкого металла обычно пылает и норовит расплавиться.

— Но Дом Тхеф же на нашей стороне? Было же письмо...

Лаит посмотрел на меня из-под черной челки, потом с усмешкой отвернулся.

— Не думаю. После письма Девятого Хранителя стало понятно, что Дом Тхеф заинтересован в тебе и, возможно, даже в восстановлении Дома Метаморфов, но это не означает, что они союзники. Их мотивы могут быть настолько отличными от наших интересов, что даже несмотря на временную общую цель, они вполне могут быть и врагами.

— Ну почему сразу врагами! Разве они не были всегда нейтральными?

— Вроде как. На протяжении тысячелетий они стояли в стороне от всех конфликтов. За редким исключением. И вот сейчас решили вмешаться, причем довольно грубо, прямолинейно и вопреки правилам, установленными фаворитами. У меня начинают возникать сомнения в их роли во всей этой истории.

— Зачем тогда отдавать мне Регалию?

— Он отдал тебе не Регалию, а непонятный куб. До Регалии еще нужно добраться, а ни ты, ни я не знаем, как это сделать. К тому же мне все же не нравится то, как они ее хранили — в зоне общего доступа, где любой мог ее найти.

— Ну, говорят же — если хочешь что-то спрятать, положи это на самое видное место.

— Или же не имеет значение то, как она хранится, если на самом деле вещь или бесполезна, или смертельна.

— Думаешь это ловушка, и мне не стоит даже пытаться открыть куб?

— Не знаю...

Лаит вдруг замер, его фигура неуловимо изменилась, на лице проступили вены, зачернели жуткой татуировкой.

— Тарх[1]... - прохрипел он сквозь сведенные судорогой челюсти, — нападение...

Мне не нужно было его объяснение, я уже и сама почувствовала чужое присутствие, угрожающее, смертельное. На этот раз они не стали атаковать меня, а направили все свое внимание на Проводника. Черт-черт-черт! Все плохо, нет, отвратительно! Я беспомощна, владею лишь жалкими обрывками воспоминаний, а мой единственный защитник едва справляется с борьбой за собственную жизнь!

Лаит упал на колени, продолжая хрипеть и рвать пальцами горло, а я стояла и смотрела на умирающего хаосита и совершенно не понимала, что делать.

Внимание привлекла воронка, разворачивающаяся слева от того места, где мы стояли. Вода в реке закручивалась в жгут, который все утончался и утончался, при этом явно уплотняясь. Водная плеть гудела угрожающе, все больше нависая над нами. Твою ж мать! Она сейчас нас просто на куски покромсает! Звездец... Или как сказал Лаит — тарх, полный тарх!

Вода. Огонь. Пар. А почему бы и нет? Вспомнила же я про огненную саламандру, неужели не смогу перекинуться? Мысль не успела отзвучать в голове, да она даже не до конца сформировалась, как я уже взирала на водную плеть с гораздо большей высоты. Теперь она мне едва доставала до груди. Плетущий, а это наверняка был кто-то из братии попытался обрушить на меня опасное оружие водной стихии, но плеть не причинила никакого вреда, лишь раздалось яростное шипение, да не только пара. Раздвоенный язык мелькнул в воздухе, пробуя ветер на вкус, и глаза застелила кровавая пелена — они посмели на меня напасть! Эти жалкие Цаде!

Вновь грозное шипение, рывок, и вот я уже в воде. Река вскипает, пенится и выплевывает на берег прятавшихся до этой поры хаоситов. Гады! Твари! В этом вся суть Цаде и Коф — всегда бить исподтишка, в спину, и только вместе. Праведный гнев придал ускорения и спустя миг я уже стояла прямо перед ними, раздувая «корону» вокруг узкой морды. О да! Бойтесь, мрази, убогое подобие истинных хаоситов! Удавлю! Растопчу! Сожру вместе со всем дерьмом, что в вас кроется! Вместе с трусостью, подлостью, лживостью!

Слепая ярость продолжает распирает грудную клетку, выплескиваясь все новыми волнами жара. Вижу, как загорается одежда на одном из Цаде, еще секунда и он вспыхивает живым факелом, кто-то из Коф пытается поднять реку себе на помощь, но что эта жалкая струйка против мощи вулканов Девятого Круга? Сдохните все! Удар хвостом и Созидающего сметает куда-то в сторону, едва слышный хруст и я оскаливаюсь — знаю, знаю, что хребет у него сломан. Черная сладость злобного удовлетворения заставляет захлебываться собственным шипением.

Мгновение триумфа стоило мне дорого, пока я отвлеклась на дурного Коф, эта беловолосая сволочь Нгун успел доплести Сеть Пустоты. Что б тебя! Пытаюсь увернуться, юркое тело легко подчиняется, но Цаде опытный, он знает, что одной сетью меня не пронять — под ней скрывалось второе плетение, Бездна Хлопушка. Простенькое заклинание, но такое эффективное... Вспышка света от миллиона солнц ослепила всего на вздох, но этого хватило, чтобы повторный выброс Сети достиг своей цели. Меня мгновенно придавило к холодной земле, сплющило, нити Сети больно впились в бока, прорезая, казалось бы, непробиваемую чешую. Я попыталась вновь подняться на лапы, стряхнуть с себя эту мерзость, толстые нити затрещали, но Нгун продолжал закидывать на меня все новые и

новые слои заклинания, пока я наконец не замерла.

Цаде насторожено оглядел меня, а потом подошел ближе, протянул руку явно желая коснуться, но тут же отдернул, словно опомнившись.

— Давно я не видел такого великолепия... — еще раз окинув меня взглядом он удрученно покачала головой, — Зря вы вернулись, Тана Реш, не время сейчас для драконов, не время.

Говорить в этом облике я не могла, могла лишь шипеть, сопеть, да собирать силы, а нити все сильнее вгрызались в бока, по левому уже потекла ядовитая кровь, правый болел меньше, что-то с той стороны его защищало.

— Тана Реш, я не знаю кто вы, но прошу меня услышать. Лично я не желаю вам зла, и уж точно не желаю смерти — это преступление уничтожать столь совершенный образчик Метаморфа.

Цаде сделал еще один шаг ко мне и переключился на лживый, доверительный тон:

— Но вы вмешались в дела моего Дома, вы нарушили наши планы, да что там наши планы, вы нормальный ход вещей нарушаете! А так нельзя.

Нгун покачал головой:

— Совсем нельзя, понимаете?

Я понимала только одно — мне нужно было придумать как выбраться из западни в ближайшие несколько минут, иначе меня просто порежет на мелкие, аккуратные кубики. Помощи от Лаита не стоило ждать, своим первым ударом они его хорошо зацепили, скорее всего смертельно, не зря он так хрипел и корчился. Умно поступили — сделали побег невозможным, а потом взялись и за меня...

А что я могу?! С обрывочными воспоминаниями, да осколками былой силы? Я не знаю, как противостоять вычурному плетению Цаде, я не помню! Отчаянье прорвалось еще одной лихорадочной попыткой сбросить магические оковы, вырваться, я напряглась всем телом, тщетно пытаюсь освободиться.

Безднов Цаде рассмеялся:

— Не пытайтесь, Тана, это бесполезно, я охотился на таких, как вы сколько себя помню, я знаю, как с вами справиться.

Мразь! Он один из тех, кто зачищал наш Дом! Если бы я только смогла вырваться...

Нгун повернулся к оставшемуся на ногах члену команды, по всей видимости еще один Коф.

— Тарис, посмотри, что там с твоим братом.

Тарх его брату, это я гарантирую, но пусть отвлечется, пусть посмотрит. Нгун тем временем подошел вплотную ко мне, заглянул в глаза, довольно хмыкнул:

— Жизненных сил в вас немерено, жаль упускать такую возможность.

Хаосит вынул из-за пазухи сверкающий кристалл, повертел его в тонких пальцах и кивнул своим мыслям:

— Подойдет, должно хватить.

Блестящий камушек повис на тонкой цепочке, закачался прямо перед мой носом, из стороны в сторону, из стороны в сторону. Он что пытается меня загипнотизировать? Серьезно? Я чуть прикрыла веки, расслабила напряженные лапы, позволяя плетению пригнуть меня еще ниже и отчетливо поняла две вещи — справа что-то мешает сетке прилегать вплотную к моему телу. Валун? Скала? А вторым сюрпризом стало ощущение присутствия на краю сознания чего-то знакомого... Кого-то?

«Возвращайся. Жди момента и возвращайся».

Тихий шепот по кромке мыслей, едва слышный, но от этого не менее реальный.

Покорно опустила морду на лапы, изображая то ли усталость, то ли подчинение. Хаосит довольно усмехнулся:

— Вот так, драгоценная, именно так. Успокойтесь, борьба не имеет смысла, это лишь пустая трата сил, расточительство. Они пригодятся другим.

Еще один короткий шаг и Нгун протягивает руку сквозь плетение, чтобы прикоснуться кристаллом к моей морде. Жду, жду до последнего, и когда он уже уверился в победе делаю две вещи одновременно — слизываю кристалл быстрым движением языка и тут же оборачиваюсь в изначальную форму.

Расчет оказался верен — справа от меня был большой валун, уж не знаю из какого минерала, но явно способного сдержать Сеть. Нгун ругается сквозь зубы, пытается что-то быстро сплести, но опаздывает, безнадежно опаздывает — возле меня оказывается мой Проводник, притягивает меня ближе, и мы вместе сигаем в открывшуюся воронку Портала.

Напоследок успеваю показать средний палец Цаде, уж не знаю, поймет ли он жест, но мне абсолютно все равно.

[1] Ругательство, довольно грубое и неприличное (хаоский).

ГЛАВА 12. Кубик-рубик. Аэль

Синие глаза. Невозможно синие. Нет, не просто синие, индиго. Такие же глубокие, как летнее небо ближе к ночи. Сребристыми звездами вспыхивают искры, и кажется, что это языки призрачного пламени на поверхности темного солнца. Два темных солнца, что прожигают меня насквозь. Почему он так смотрит? Почему я ТАК смотрю? Он же меня ненавидит, презирает, а я... Мне... Ах, Бездна!

Падая в воронку Портала, Лаит успел сориентироваться и перевернуться, так чтобы я оказалась лежащей сверху. На твердом, сильном, насквозь мужском и... возбуждающем теле. Его руки все еще держат меня за пояс, и вместо того, чтобы отпустить, он притягивает ближе, вдавливая в себя, как раз там, где это касание такое лишнее. Такое нужное. Хочется, до боли в груди хочется, чтобы он провел рукой выше, чтобы зарылся ладонью в волосы, пригнул мою голову ниже. Приоткрытые розовые губы манят, а адреналин в крови все еще требует выхода, и я уже ничего не контролирую, склоняюсь ближе, еще ближе...

Лаит сдавленно стонет, а чертов куб упирается в бедро. Я все же его не потеряла! Всю романтику вмиг выдувает из моей дурной башки, и я вскакиваю на ноги, а Лаит продолжает лежать в высокой траве и смотреть снизу вверх, и будь я проклята, если в этом взгляде есть что-то кроме голода, кроме острой потребности сорвать с меня кше. Через силу отворачиваюсь и наконец выдыхаю.

Что, Бездна меня забери, со мной? Я думаю ТАК о Лаите? И в тоже время перед внутренним взором нет-нет, да встает образ Кхая? Испорченная девчонка. Я зажмурилась, прогоняя навязчивые мысли прочь и опомнилась лишь почувствовав за спиной его присутствие. На секунду захотелось сделать шаг назад, упасть на него, проверить — поймает или нет? Вместо этого я отступила, развернулась и показала куб, лежащий на ладони.

— Я его не потеряла, он каким-то чудом оказался в складках кше.

— В курсе. Он жжется, — ответил Лаит потирая бедро.

Взгляд сам устремился к его паху, ох ты черт, он... Ладно, не будем об этом. Адреналин, во всем виноват адреналин.

— Вижу и ты не остался без трофея, — кивнула я на книгу, валяющуюся в траве.

— Да, захватил с собой, раз уж была возможность.

— «Звезда Равновесия»?

— Нет, ты же слышала — ту книгу нам не найти, это нечто иное, — Лаит замолчал, а потом сквозь зубы выдавил: — Кхай посоветовал кое-что посмотреть.

В ответ на мой вопросительный взгляд Лаит протянул мне добычу. На темной, пошарпанной обложке значился всего один символ, хорошо знакомая закорючка.

— Рам?

— Можешь это прочитать? — приподнял одну бровь Лаит.

— Вроде бы. Рам — значит «знание»?

— Все верно. Это словарь с древнего хаоского, кладезь знаний.

— Слова так важны?

Лаит пристально посмотрел на меня:

— Как там в Библии твоего убогого мира — «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово был Бог».

— Ты знаешь священное писание моего «убогого» мира? — не смогла не поддеть его я.

— Это не ваше писание, а наглый плагиат.

— Со «Звезды Равновесия»?

Лаит мотнул головой:

— Книг Хаоса. Сейчас можно найти лишь обрывки древних писаний. Например, Книга Генезиса — любимое произведение религиозных фанатов Первозданного.

— И здесь процветает религия? Здесь, где близость к Бездне не требует доказательств и разъяснения?!

Отчего-то известие о том, что и в этом мире есть «святоши», «священные писания» показалось мне диким, чуть ли не ересью. Почему это так неправильно? Почему я уверена, что возвышать смысл какой-то книженции, сколь древней и мудрой бы она не была, это страшное преступление против истинной веры?

Лаит усмехнулся:

— Разделяю твое негодование, но ничего с этим поделать не могу. Первозданное уже давно превратилось из Земли Обетованной в страшную клоаку, собравшую все отходы бесконечных вселенных. И как тут без церквей, религии и великих иерархов? Хаоситы вырождаются, скатываются в слепое поклонение непонятно кому.

— Когда есть лишь один бог.

— Святоши сейчас бы добавили «и имя ему Хаос».

Я яростно затрясла головой:

— Отец, он просто Отец. Не Хаос, не Бог, не Всевышний — он наш Отец, и ему совсем не требуется поклонение, дурацкие ритуалы, он хочет другого...

Я замолчала, обрывая сама себя. Откуда я могу знать, чего хочет Отец? Откуда-то пришла мысль, что я никогда этого толком не понимала, и в этом моя основная проблема, то, за что я была когда-то наказана. Наказана?!

Черный мрамор алтаря, такой гладкий под пальцами, такой холодный. Надо мной стоит ОНА, древняя, всемогущая, опасная и непостижимая. Она из тех, кто никогда не рождался. Я почти уверена, что она старше самого времени. На ней лишь нижняя часть кше, без нагрудника, черные волосы, заплетенные в сотни тонких косичек, целомудренно прикрывают соски, никаких украшений, кроме браслета-сакэша[1] и вязи татуировок, украшающей плечи и спину.

Реш'А'Ллос, Божественная Паучиха, та, которой в миллионах миров поклоняются, восхваляют под немного другим именем, столь грозном, что одно его звучание повергает в ужас. Она так давно прядет свою паутину, что никто уже не помнит иных времен.

Аллос, моя сестра по Дому.

Моя убийца.

Только ей дано совершить невозможное — убить другую такую как она, ту, что никогда не рождалась. Тонко взвизгивает сакэш, раскрываются его «зубы», три блестящих, смертельных иглы. Она подносит его к моему горлу, но замирает, не двигаясь, не дыша. Так и хочется заорать «чего же ты медлишь, все уже решено!». Но я молчу, покорно лежу на жертвенном алтаре, хотя могла бы разметать их всех в пыль. Так нужно, это мое наказание, мое искупление...

Одинокая кровавая слеза скатывается по алебастровой коже Аллос, она зажмуривается и клинки разрезают горло обжигающим холодом...

— Аэль, что с тобой? Аэль! — Лаит схватил меня за плечи и тряс, пытаясь вернуть убежавшее в прошлое сознание. — Что случилось?

— Ничего, все хорошо, просто привиделось.

— Память?

— Да. Одно... неприятное воспоминание, — я вырвалась из цепких рук моего Проводника, обняла себя, пытаясь прогнать озноб от трех ледяных клинков.

Поверх моих ладоней легли его, он притянул меня ближе, спиной, склонился к самому уху и прошептал:

— Расскажи, станет легче, я помогу.

Поможет? Чем? Когда-то меня убила богиня, на алтаре, как какое-то животное! Не просто богиня, нет, но моя сестра по Дому! Этого не могло произойти, но картинки видения были такими отчетливыми, что не возникало никаких сомнений — так было, Аллос привела наказание в исполнение. За что?! Что я натворила? Почему на меня подняла руку та, что никогда, ни за что бы этого не сделала?! Хочу ли я знать? Должен ли знать Лаит? Особенно, учитывая, что он и так меня презирает и ненавидит, а тут оказывается, что и в собственном Доме я была нежеланным... элементом.

Меня продолжало трясти, и Лаит обнял крепче, окуная в тепло своих рук, от чего спина невольно расслабилась, а веки закрылись. Так хочется поверить хоть кому-то... Хоть на кого-то опереться, позволить встать рядом, позволить помочь.

— Лаит, каковы обязанности Проводника?

Какое-то время хаосит не отвечал, а потом разжал руки и отошел.

— Аэль, я помню свои обязанности.

В недоумении я повернулась к нему, но встретила лишь с непроницаемым взглядом синих глаз. Он вновь отгородился от меня щитом долга. Хотелось крикнуть, что он не так понял, что я иное имела в виду, но я опять, в который раз промолчала. Вечно я молчу, когда не могу подобрать правильные слова, но почему-то от этого всегда все становится только хуже.

Лаит больше и не ждал моего ответа, он вновь обратил внимание на книгу в руке, открыл ее на где-то посередине, немного пролистал, вчитался, как в самый увлекательный детектив, напрочь игнорируя напряженное молчание, повисшее, между нами.

Может быть так действительно будет лучше.

— Что ты нашел?

Синеглазка хмыкнул, а потом зачитал:

— Реш. Первоначальное значение «высшая сущность», в некоторых контекстах, в зависимости от сопровождающих слов, может означать «ангел», «вестник бога» или даже «бог».

Реш'А'Ллос.

— Посмотри значение слова «ллос».

Лаит поднял на меня удивленный взгляд:

— Тебе не интересно прочитать дальше про твой Дом?

— Это тоже про мой Дом.

Проводник нахмурился, но все же полистал словарь до нужного места:

— Ллос. Паук, прядущий.

— И все?

— Подожди, тут приписка на полях, от руки. «Остерегайся».

Умным хаоситом был тот, кто это написал.

— Почему ты заинтересовалась древней богиней дреу?

— Ты о ней знаешь?

— Конечно, она одна из тех, кто прошел красной нитью по пантеонам почти всех миров. Деятельная была дамочка.

— Была?

— Говорят она то ли сгинула в Бездне, то ли просто залегла на дно тысячи лет назад. Вживую ее мало кто видел, но почти все хаоситы о ней знают.

— Она была Реш.

Проводник поморщился:

— Да, все верно.

Опять это его гадливое выражение лица, словно он сожрал что-то несвежее, дурно пахнущее. Как же он меня бесит! Даже в книге этой его написано — «высшая сущность», но он продолжает смотреть на меня, словно я «рыба второй свежести».

— Тебе привиделась Ллос?

— Ее полное имя Аллос. И это пауков назвали в ее честь, а не наоборот.

— Верю, — кивнул Лаит, — и что же тебя с ней связывает?

— Мы сестры по Дому, и этого достаточно, — отрезала я.

— Аэль...

— Достаточно!

Опять наружу прорвалась та «я», что плохо переносила неподчинение. Почему-то подумалось, что в былые времена не сносить было синеглазке головы, что ничего не спасло бы от моего гнева, но, кажется, наказание пошло впрок. Теперь я буду осторожней.

Зажатый в руке куб напомнил о себе, пустив вверх до плеча слабый электрический разряд.

— Мне нужно открыть куб.

Проводник хотел сказать, что-то другое, но видимо я слишком выразительно на него глядела, так что он покачал головой и скупно бросил:

— Открывай. Я обустрою стоянку.

Легко сказать — «открывай», а как это сделать, если не имеешь ни малейшего понятия, с чего стоит начать? У моих скрещенных ног лежал этот чертов черный ящик и матово поблескивал в отсветах костра. Небольшой такой куб, с длинной стороны не более двадцати сантиметров, из черного, твердого, полированного дерева, без резьбы, рисунков, или других сторонних элементов, нарушающих его абсолютную целостность. Куб не тяжелый, дерево теплое. Вот и все зацепки для решения головоломки.

А что, если поступить радикально? Деревянный куб одна штука, есть. Горящий костер одна штука, разжигается Лаитом... Дерево должно гореть в огне? Так или иначе. А если Регалия повредится? Нет, что-то мне подсказывало, что в простом огне часть ритуального облачения не сжечь. Ну, тогда вперед на мины. Сказано, сделано — куб полетел в огонь. Сперва ничего не происходило, а потом костер заискрился голубоватыми всполохами и самым наглым образом потух, оставив нас с Лаитом почти в полной темноте. На этот раз ночное небо Междумирья не расщедрилось на луну или звезды.

— Интересное у тебя представление о том, как следует решать поставленные задачи.

Язвит. Оно и понятно, мое изменившееся зрение подсказывало мне, что в отличие от костра, куб не получил никаких повреждений и был все таким же безупречно целым. В огне,

значит, не горим. Небось, и в воде не тонем, и от старости не рассыпаемся.

- Я так думаю, не стоит просить у тебя кинжал или топорик?

Лаит занятый реанимацией костра, поперхнулся, то ли от дыма, то ли от затаенного смеха. Так и есть, смешок все же прорвался наружу.

— Тебе нужно куб открыть, а не сломать. Сомневаюсь, что подручными средствами можно нанести ему хоть какие-то повреждения.

Логично. Дедушка сказал, что дерево добыто с Девятого Круга, а там наверняка такое творится, что все ножики и костры отдыхают. Физический подход не прокатил, попробуем включить разум. И, несмотря на сомнения, высказанные некоторыми снобами, я уверена, что мой мозг даст сто очков форы всяким там Проводникам и иже с ними.

Куб. Черный. Гладкий. Деревянный. Дерево с Девятого Круга Хаоса Первозданного. Значит по определению в нем много Силы Хаоса и мало Порядка. То есть, действительно, его совсем непросто уничтожить — разрушением тут не поможешь, нужно наоборот упорядочить его. Что у нас буквально воплощает Порядок? Кристаллические структуры. Алмазы, например. Я сомнением посмотрела на Лаита, нет, у него точно не завалилось лишнего камешка, да и Хранитель вроде бы намекнул, что все, что нужно для открытия куба, у меня уже есть.

Стоп. Вот оно, он спросил, не вспомнила ли я свое имя. Воспоминания, вот ключ. Где-то в моей памяти хранится информация о том, как открывается ларчик. Мне нужен хороший сон, сон-записка с ответом на интересующий вопрос. Страшно вновь отправляться в путь по лабиринту собственной памяти, но есть ли другой выход?

Миром снов можно управлять. Где-то, когда-то я об этом читала. Достаточно представить себе по-настоящему яркую картинку и очень, ОЧЕНЬ сильно захотеть увидеть ее во сне, как мир по ту сторону реальности откроется идущему. Конечно, я пробовала эту технику, пытаясь избавиться от ночных кошмаров, настроиться на цветущие луга, зеленую поляну, ну или в худшем случае, бушующий океан. Обычно ничего из этого не получалось, от слова «совсем», но то было ТАМ, а сейчас я ТУТ. Почему бы не попробовать снова?

И постараться отключиться, держа перед своим внутренним зрением картинку-ключ, глаза закрыты, трава такая мягкая, от костра веет приятным теплом... Моя картинка это как я открываю куб. Черный квадрат. Малевич прямо... Впрочем, задолго до рождения Малевича, я уже видела нечто подобное...

...Прямо передо мной висела самая противоречивая вещь, представленная на этой экспозиции — абсолютно черное полотно, без никаких видимых линий. Шедевр, мать его. Сказка о голом короле или действительно признак деградации искусства? Новомодное течение среди Фе, дошедшее до полного абсурда? Кажется, еще один Дом приходит в упадок... Возможно мы переусердствовали...

— Тебе нравится?

Его теплое дыхание защекотало шею у правого уха.

— Нет.

— Ты не ценишь искусство?

— Это не искусство. Кто-то просто захотел хитро вывернуться. В абсолютной тишине даже пук может поразить.

Он рассмеялся таким теплым и заманчивым смехом.

— Ты сегодня особенно язвительна.

— Прости, если испортила твой триумф — показ твоих последних приобретений.

— Двусмысленно.

— И не надейся, меня ты не запишешь в коллекцию.

— А мне казалось, уже.

— Если кажется, значит, кто-то из Бездны рядом.

— Напекаешь на то, что наша близость была лишь иллюзией?

Эта его улыбка... И жестокие бабочки внизу живота.

— Близость? Это был просто секс, обычное животное соитие. Ты ничего не значил для меня тогда, не значишь и сейчас.

Я хорошо умею врать, так хорошо, что даже он, мастер лжи поверил. Искушающую улыбку стерло с его лица, точеные черты закаменели, омут глаз потерял глубину. Так больно его ударить могла только я.

— Как скажешь. Но потерпи мое присутствие еще совсем немного — заказ выполнен.

— Да?

— Картина, заказ внутри.

Внутри? Ну-ка посмотрим. Так и есть, часть так называемой картины выходила в маленький кусочек Междумирья. И в том кусочке, в пустоте висел черный куб. Забавно.

— Ценю изящество исполнения.

— Знаю. Оценишь и качество — дерево из Перелеска Пхе.

— Даже так?

Черный куб лег на мои ладони. Цельный, безупречный.

— Да, закрыть сможет каждый, откроешь только ты.

— Идеальная коробка для посылок. Твой Дом, как всегда, на высоте.

Непроницаемая маска не дрогнула, но я знала, что мой счет пополнился еще одним удачным уколом.

— Надеюсь, Дом Реш не станет тянуть с оплатой?

— Как обычно? Редкие реагенты?

И вновь улыбка, только на этот раз циничная.

— Нет, цена будет другой — право посетить Храм.

Что он задумал? Но отказать не могу.

— Хорошо. В следующем месяце в Долине будет Око бури. Тебя проводят к Храму, скажем, из Перелеска.

Он молча кивнул, и так же молча развернулся и растворился в толпе гостей, а я осталась наедине со шкатулкой. Выдохнув свое имя на гладкую, черную поверхность я в восхищении наблюдала за тем, как куб раскрывался, сияя изнутри. Вопреки ожиданиям шкатулка не была пуста — на дне лежал цветок. Голубая орхидея, та, что растет только в окрестностях Храма...

Междумирье встретило меня туманом раннего утра и спящим Лаитом. Куб больше не лежал возле меня — он парил на уровне глаз, будто в ожидании чего-то. А ожидания что нужно? Правильно — оправдывать. Мое имя прозвучало тихим шелестом, и куб раскрылся. Гениальное, как обычно, оказалось таким простым.

[1] Любимое оружие Жриц Ллос, которое они переняли у своей богини — наручный браслет, из которого при необходимости выскакивают три лезвия (чаще всего отравленные).

В сложенном виде выглядит как обычное, хоть и массивное украшение, а в боевой форме является смертоносным оружием ближнего боя (хаоский, дроу).

ГЛАВА 13. Воспоминания. Кхай, Тот-что-предал

211007 год Эпохи Новой Звезды, Последнее Жертвоприношение

В воздухе отчетливо воняло предательством, смертью и скорбью. Застывшее время можно было резать ножом, но я все равно знал, что безнадежно опаздывал. Возмущение в нитях набирало обороты, а воронка Хаоса закручивалась все сильнее. Скоро Око Бури над Храмом закроется, и тогда волны катастрофически изменений пройдутся по всем Кругам Первозданного, а после и по всем мирам, будь они хоть трижды закрытыми.

Буря не дала мне переместиться прямо к Храму, и теперь я мчался по мрачной долине, так быстро, как только позволяли длинные, мощные лапы аркх'саашат. Ветер завывал все сильнее, а волны все яростнее бились об острые скалы, вдоль которых я бежал наперегонки со временем.

Где-то там умирала моя тсани, моя богиня, мой смысл жизнь. И на этот раз ей не дано будет возродиться, восстать, это Последнее Жертвоприношение, последний и самый надежный способ обеспечить Веер нужной силой.

Несмотря ни на что, она все же уговорила Отца, она сдалась и заставила сдаться и Его. И всему моя вина, это я толкнул ее на Последний Путь. Я зывал к ее совести, к милосердию, и она ответила, но как обычно, в свойственной ей манере — без полумер.

Моя тсани умирала на алтаре по моей вине.

Я ворвался в Храм, когда в его стенах уже раздались первые аккорды Поминального Плача. Прожилки в мраморе пульсировали, бились как самые настоящие кровеносные сосуды, перекачивающее жизнь из сердец моей тсани в алтарь, а из него и в Упорядоченное. Это было так непохоже на обычные Жертвоприношения, когда природа радовалась и восхваляла новый приток силы. Голубые орхидеи распускались лишь для того, чтобы тут же завянуть и опасть пожухлыми бутонами, фиолетовые побеги чахли, отсыхали и осыпались трухой на плиты пола. И все это подтверждало одно — тсани совершает ошибку, а я не успеваю, совсем не успеваю...

Когда я наконец увидел алтарь и мою богиню, весь пол был уже залит ее красной-красной кровью, но она все еще выплескивалась из разрезанного горла, выталкивая последние крупички жизни из ее тела.

— Тсани!

Мой вой-крик всколыхнул реальность, я упал на колени возле алтаря, но разве что-то имело значение? Ее сердца бились все тише и тише...

Но она вдруг посмотрела на меня и что-то беззвучно прошептала онемевшими губами.

— Что, моя тсани, что ты хочешь сказать?!

Как я не пытался разобрать ее шепот, мне этого так и не удалось, а потом ее глаза полностью закрылись. Разрываемый горем я склонился над ней, вбирая ее последнее дыхание, пусть хоть малая частичка ее духа останется со мной.

Я плакал, долго плакал стоя на коленях перед черным алтарем. Кричал, порывался придушить Аллос, что собственной рукой оборвала жизнь моей богини. Паучиха не сопротивлялась, не пыталась закрыться, молча сносила мои оскорбления. Вместо со мной выли и рыдали еще две сестры-по-Дому, последние, что оставались из Пробужденных. Трое Реш, что были созданы самим Хаосом, и я, Самосотворенная Аватара, Тот-что-прошел-по-

Пути.

Что толку от этого? В чем смысл?!

Последний отчаянный вопрос я выкрикнул вслух и Аллос впервые ответила:

— Смысл в Возрождении. Даже Пожиратель Душ не способен усыпить ее на всю оставшуюся вечность. Она согласилась отдать жизнь за Возрождение нашего Дома. Придет время, и Реш вернут свой долг — и ей, и всему Первозданному.

Я вскинулся, посмотрел на сгорбившуюся Аллос и впервые осознал, что она любила Ваэль ничуть не меньше, чем я. Иначе, но не меньше.

Поднявшись с колен, я посмотрел на самую старую хаоситку из ныне живущих:

— Ты уверена, что она Возродится?

— Да, она всегда возвращается, так будет и в этот раз. Только...

— Только? — поторопил ее я.

— Не сразу. Придется подождать.

— Сколько?

Аллос виновато опустила голову:

— Не знаю. Может быть несколько десятков тысяч лет, а может и несколько Эпох.

Ярость моя выплеснулась злым ударом по ближайшей колонне, сестры-по-Дому взвыли новой нотой Плача. Тысячелетия, сотни тысяч лет... Смогу ли я пережить, не сойти с ума, не потеряться?

— Убей меня!

Аллос отшатнулась, отрицательно замотала головой:

— Нельзя! Отец...

— Ты говорила с Ним?

Мой вопрос повис в воздухе и даже Та-что-иногда-звалась-Кицунэ замерла и прекратила рыдать. А Аллос все молчала. Наконец, Паучиха нехотя призналась:

— Нет, с Ним говорила только Нешамах, но ее приказ был однозначным — она последняя Реш, что умрет на Алтаре Храма.

В такт с ее словами, стены вокруг нас задрожали, а ветер снаружи уже не завыл, но зарычал грозным зверем.

— Нам пора уходить, если...

Что «если» мы уже не узнали, Око Бури все же закрылось и на Храм обрушилась вся мощь первозданной стихии. Колонны шли трещинами, потолок обваливался, Аллос пыталась свить Кокон, хоть как-то защитить нас, но очередным порывом нитей ее утянуло обратно, в тот мир, к которому она оказалась невольно привязана. Следующей в вспышке неконтролируемого портала исчезла Кицунэ, а потом и та, вторая сестра, чье имя я никак не могу вспомнить.

Тело пронзила острая боль, и я понял, что скоро и мне придется уйти, если я все еще на что-то надеюсь. В последний раз взглянув на алтарь, я окинул взглядом Ваэль, запоминая, прощаясь с ней. Она лежала изломанной куклой на черном мраморе, постепенно погружаясь в ставшую вязкой поверхность, а рядом сверкал платиной Пожиратель Душ, сакэш, что Аллос оставила данью Храму. И верно, клинкам, оборвавшим нить судьбы Аватары не место в мирах...

Не смог найти своего места и я, хоть и старался бессчётное количество раз. Полной неожиданностью стало послание Отца, что Он передал мне сразу после смерти Ваэль. Его

поручение я выполнил с точностью, хоть и мне и претило сделанное, но разве поспоришь с волей Хаоса? Пришлось открыть Путь Обратно для не успевшей уйти далеко души Девятого Хранителя. Тхеф оказались с гнильцой, но раз они были нужны Отцу, то я не стал спорить и помог Хранителю Ламах с возрождением его Дома.

Но на этом мое послушание окончилось. Отец запретил мне следовать за Ваэль в Долгий Сон, он велел мне присматривать за Домами, но после случившегося в Храме мне больше не было дела до политики Первозданного, так что я ушел из Кругов и вновь стал Бродягой, тем кто перемещается между мирами, стоит только где-то зазвучать горну войны. Я избородил столько дорог, встретил столько разумных, что в какой-то момент потерял им счет. Мои сердца больше не бились, они замерли в тот момент, когда перестала дышать Ваэль, а жалкие комки плоти, что продолжали качать кровь в моем теле... Мне очень хотелось заглушить их стук бряцаньем метала об метал, я кидался в самые страшные битвы, в самые безнадежные авантюры, но все без толку.

Меня опять стали называть старым именем — Локи. В столькие миры я принес Рагнарок? Я, тот, что вечно попрекал Охотой Ваэль? Тот, кто во имя всеобщего блага предал свою тсани... Только потеряв самое дорогое я понял очевидное — Упорядоченное может катиться в Бездну, создадим заново все миры, не впервой, но истинную любовь не воссоздать.

В отчаянии я пробовал и это. Скольких женщин я попытался слепить по образу и подобию Ваэль? И все мимо, все не то. Тсани в жизни хаосита может быть только одна, и моя умерла на алтаре Храма, чтобы дать еще один шанс всем разумным.

Я перебирал события давно минувших дней, пытаюсь вспомнить, когда и как я потерял большую часть своей сущности, в каком из боев меня все же серьезно зацепили и чем, если ни одно оружие во всех мирах не способно принести мне успокоение? Пожиратель Душ сгинул вместе с Ваэль, ушел в алтарь, вернулся в Хаос. Так как смогли разбить мою личность на осколки?

Смутные картинки встали перед глазами...

Огромный космический корабль бесшумно шел по проложенному уверенной рукой курсу. Архангел из нэко вел полуразмную махину сквозь пространство и время, строго к намеченной цели. Нэко собирались расплатиться с ним за ту победу, что он им принес, а он хотел только одного — вырваться из очередного закрытого мира, который в свое время он сам и помог построить.

— Юу Кхай, мы приближаемся к материнской планете, к Колыбели.

Нэко из младших склонился в почтительном поклоне, ожидая ответа. Даже они почитали меня почти как бога, а мне не было лестно, или приятно. Мне было смешно. Все суета сует, и ваша «великая битва» лишь малая веха, едва заметный стежок на полотне истории. Хотите поклоняться? Готовы пустить меня в святая святых вашей цивилизации, только потому что я этого потребовал в качестве награды? Я приму и ваше поклонение, и вашу покорность.

На планету Чи мы ступили ровно через тринадцать дней после завершения последнего сражения, точно, как и обещали нэко. Но уже приближаясь к ней, я знал, что это именно то, что мне нужно — нити со всех концов вселенной устремлялись точно к ядру небольшого шарика, зависшего возле голубой звезды родной системы нэко.

— Юу Кхай, пойдете...

На этой фразе мои воспоминания о последней миссии в Упорядоченных обрывается. Вроде как, к Залу Зарождения меня вызвался провести один из Серафимов, и это было бы несказанной честью, если бы я еще мог удивляться таким вещам. Мы шли пешком, ибо, как и во всех подобных местах во всех мирах, доступ к святыне был строго ограничен и жестко охраняем. Нет, сопровождающий из Серафимов меня не удивил, а вот то что я увидел на самой планете... Уж не знаю как так получилось у Хефт[1], но она вся была одним сплошным артефактом!

И я ведь участвовал в создании сети Лабиринтов и должен был бы помнить о таком, но сведения об этом мире были полностью стерты! Что произошло на материнской планете нэко, странной расы, вобравшей в себя черты многих Хаосских Домов? Кто и как меня покалечил, превратил в Крылатого, почти безмозглого Привратника на Грани совсем другого Закрытого Мира?

Отец, почему мне кажется, что и на этот раз без твоего вмешательства не обошлось? Только ты мог стереть из моей памяти целые пласты информации. Что ты спрятал от меня? И почему я так уверен, что это важно, тхар как важно...

Размышления прервало ощущение надвигающейся опасности. Быстро просканировав местность, я в очередной раз убедился, что совершенно один в Саду Шин, так что же меня потревожило?

Ваэль! Я вдруг очень отчетливо ее почувствовал, словно завеса между нами приоткрылась одним махом. Моя тсани была в беде, кто-то пытался ее уничтожить, кто-то вновь покушался на ее жизнь! Ярость вскипела пенным валом, но почему-то переместиться к ней я не смог... Барьер?! Значит на нее напал кто-то достаточно могущественный, чтобы заблокировать даже меня. Крэшшш!

«Ваэль!» — мой мысленный крик сотряс нити, но не дал никакого результата, она по-прежнему меня не слышала, зато я хорошо ощущал ее страх и растерянность. Я не видел, что за заклинание пытались применить против нее, и не могу ничего ей подсказать, но я мог подтолкнуть ее к верному решению. «Оборачивайся...» — я вложил в этот призыв всю доступную мне силу, и, кажется, послание достигло адресата, так как напряжение и ощущение катастрофы моментально исчезло, как и хрупкая связь с моей тсани.

Усилием воли я подавил панику и острое желание тут же любым способом проложить к ней Путь. Нет, не время, пока не время. Она справится, обязана справиться, она не слабая девчонка, которую нужно оберегать, она Нешамах, Тана'ле всех хаоситов, и, если хочет вернуть себе память и титул, то обязана научиться давать отпор своим врагам. Тем более с ней Лаит.

А меня ждет мой собственный Путь, тот, что без сомнений полезней и важней на данный момент. Это нападение первое, но будет далеко не последним, если мне не удастся задуманное. Нужно расчистить им дорогу, немного выбить из колеи Воров, пусть будут поговорчивее, когда моя тсани наведается к ним в гости.

[1] Дом Хефт, Дом Кузнецов, один из Внутренних Домов Хаоса, полностью уничтоженный во время одной из Охот. Стерт из анналов. Лучшие артефакторы и разработчики инструментов, необходимых Внешним Домам для Созидания. Создатели сети Лабиринтов — порталов в Закрытые Миры. После уничтожения функции перешли к Мейн (в Мирах известны как наугримы, стали прародителями гномов и дворфов).

ГЛАВА 14. Дороги и путники. Лаит

— Всегда мечтала попутешествовать...

Настя, вернее уже Аэль продолжала иронизировать и сыпать саркастическими фразами, по поводу и без. Когда я сообщил, что открыть портал прямо к Дому Самех не могу, что придется топать пешком пару десятков километров, она обрадовалась, мол, удастся, наконец, посмотреть на Первозданный. Потом оказалось, что топать нужно по пустыне. Босиком. Радости ей, понятное дело, это не прибавило, но и возражать особо не стала, лишь недовольно передернула плечами и буркнула «варвар». А что я могу сделать, если обуви на ее ножки нет в моей котомке, а ее туфли потерялись во время обращения и переходов?

— Еще раз, почему мы должны идти пешком?

Ну вот, опять.

— Повторюсь — Самех'Ра огромный город, торговый город. Вернее даже не так — это единственный торговый центр во всем Первозданном. Данный факт накладывает ограничения — слишком много посетителей, просто небезопасно строить порталы в таком скоплении хаоситов. Реальность может разорвать на мелкие клочки.

— Это ты уже объяснял. Я тебя про другое спрашиваю — почему мы пешком топаем по пустыне? Неужели нельзя было нанять лошадей или как они у вас называются?

Аэль и ее точные, но такие доставучие вопросы.

— Нельзя. Денег нет.

Еще один мой просчет, поэтому и бешусь. Не то, чтобы у меня совсем не было денег, все же я не нищенствую, хоть наш Дом в целом небогат, но сейчас монет было в обрез — даже на приличный ночлег не хватит, а пополнить запасы наличности негде. У Дома Мейн нет представительств и филиалов по Кругам Хаоса, мы Путники, Скитальцы, адаптируемся под каждый новый мир и ситуацию, так что чаще всего о банальностях существования особо не заботимся. За нас подумал Отец.

Но вот в такие ситуации я еще не влипал — без средств, без ресурсов и оружия, с Картой, против которой объединились все Дома. Нужно было попросить займы у Садена, но я же был уверен, что меня отстранят от должности Проводника, так что посчитал это излишним. И уж точно оказался не готов к нападению. Я корил себя за то, что проморгал опасность, что не забрал Аэль при первых же признаках угрозы, не утащил тут же в Междумирье.

— Ну хорошо, а зачем нам к Ворам? — прервала мое самобичевание Аэль.

Она задавала этот вопрос в сотый раз, но ответ оставался неизменным:

— Кхай подсказал, да и я так вижу. Твой Путь пролегает через Второй Круг, а именно через сокровищницу Дома Самех. Значит мы пойдем туда.

На несколько минут наступила тишина. Относительная, конечно. Движение на дороге было более чем оживленное, то и дело мимо проезжали всадники на дорогах и не очень скакунах — резвых луве и медлительных, зато надежных абу. Иногда мелькали кареты запряженные все теми же луве, или повозки с маленькими рее. А мы, как и прочие бедные путники, вынуждены были глотать жаркую пыль и брести пешком под палящими лучами трех солнц.

Хорошо хоть мы не особо выделялись из толпы. Аэль вполне подошел мой старый бурнус, так что серебристое платье полностью скрылось под непроницаемой белой

хламидой. Длинные рукава прятали новое приобретение — тяжелый браслет на левой руке. Вот уже вторая Регалия обрела свою владелицу, или владительницу и скоро от Насти ничего не останется. Первым ушло ее прежнее имя. Готов поспорить, что она уже даже не думает о себе, как о Насте. Теперь она Аэль, Реш' Аэль. Скоро моя спутница окончательно перестанет быть человеком и станет истинной хаоситкой. Хотя зачем себя обманывать, прав Девятый Хранитель — она никогда не была человеком и точно никогда не будет по-настоящему хаоситкой. Метаморфом, но не Созданием.

Неожиданно я поймал себя на мысли, что давешнее презрение к Дому Реш куда-то делось. Наверное, растворилось в фиолетовой темени ее глаз, а может быть наконец мозги встали на место, и я начал сопоставлять факты. Неоценимую помощь в этом оказала и книженция, спрятанная в самый секретный карман моего пыльного плаща. Жаль, что не было времени проштудировать ее досконально, оказалось, что простой перевод древних значений дает столько информации, что аж страшно. Страшно за былые заблуждения.

Ллос, или как ее назвала Аэль — Аллос, она была Реш, так? Пожалуй, самая древняя и самая могущественная хаоситка из известных. И Реш. Так что же это говорит о самом Доме? По крайней мере то, что с ними все далеко не так просто, как, казалось.

Реш. «Высшие сущности». Это так же далеко от «убогости», как... Как Таин от верности. Забавное получилось сравнение, и что главное — точное. Во мне зрела уверенность, что впитанные с молоком матери догмы на самом деле насквозь пропитаны ложью, чужими амбициями и попытками выдать желаемое за действительное. Реш отнюдь не Звери, они нечто совершенно иное, нечто гораздо большее, чем безмозглые огрызки Хаоса.

Историю пишут победители. Очевидно, что когда-то произошла стычка между Реш и Коф, может быть и другие Дома были напрямую замешены, а может быть примкнули к одной из сторон позже, так или иначе весь Первозданный был поделен на два лагеря. Реш проиграли, а вместе с ним, по всей видимости, и Шин. Хотя последние пострадали в меньшей степени.

Внезапная догадка озарила, должно быть над моей головой зажглась лампочка, как в дурацких «мультиках» в том индустриальном мире. Простая и такая очевидная догадка — Мейн тоже были на стороне Реш! Вот она настоящая причина нашей опалы! И дело вовсе не в слабых способностях и в возможном безумии из-за близости к чистой силе Бездны. Все дело в том, что тогда мы оказались по другую сторону баррикад. Если бы все было иначе, то мы сейчас, как и Цаде расхаживали бы в фаворитах.

Цаде. Челюсти сжались. Нгун, выкормыш Пустоты! Как же это свойственно их сволочному Дому — подкрасться, устроить засаду и ударить со всей дури, так, чтобы наверняка. Дикое сочетание подлости и силы, что они по тщеславию именуют «военной мудростью». Где мудрость в том, чтобы бить впятером двоих? Один из которых и вовсе почти беспомощное дитя?! Что могла им противопоставить Аэль? Ничего, совершенно ничего, но вот же чудо — пусть и на краткое время, зато очень вовремя к ней вернулась родовая память, позволила выстоять, отбить атаку и уйти почти без повреждений. Еще и с трофеем. Нгун собирался влить жизненную силу Аэль в один из прожорливых артефактов, а вместо этого гигантская саламандра чуть не сожрала его вместе с блестящим камушком. Нет у Нгуна больше накопителя, пусть теперь поищет новый, а Аэль неплохо восполнила силы после столь неожиданного и сложного оборота.

Аэль. Странная, красивая, пугающая, притягательная Аэль. С каждым часом,

проведенным вместе, мне все труднее не думать о ней. С одной стороны это хорошо — полная фокусировка даст мне лучшее виденье Пути, а с другой стороны... Настя не исчезала, она просто становилась частью чего-то большего — она возвращала себе старую личность, Аэль. Я же рисковал потерять себя. В ее все более фиолетовых глазах, в чувственном изгибе розовых губ, в горячем теле, спрятанном в складках Бездного кше...

— Напомни мне, как называются эти животные? Ну те, что на лошадей похожи.

Голос Аэль очень вовремя оборвал поток совсем ненужных мыслей.

— Луве.

— А верблюды значит абу?

— Верблюды?

— Ну желтые такие с длинными шеями.

— Абу.

— Вот. А ослики это рее?

На ослов упомянутые животные были не особо похожи, ну разве что общим контуром и длинными ушами. Аэль полостью игнорировала раздвоенный хвост, совсем не ослиные лапы и густую, хоть и короткую красную шерсть. Избирательность женского восприятия во всей красе.

— Да, ослики это рее.

Признаться, жара стала действовать и на меня. Не было никакого желания проводить очередную лекцию об устройстве Первозданного в целом и о населяющих его тварях, в частности. А придется.

— Я понимаю, что тебе проще все воспринимать в сравнении со знакомым тебе миром, но называть рее осликами это чересчур.

— Ладно, я запомню, — Аэль вдруг запнулась, а потом исправилась, — Вспомню. Луве, абу и рее. Главные виды транспорта на Втором Круге Хаоса. Кстати, а почему не машины? Ну, или другие технологии? Вместо этого прямо расцвет средневековья.

— Потому что гладиолус.

Аэль забавно сморщилась и уставилась на меня смеющимися глазами.

— Плохо переносишь жару?

Как обычно зрит в корень.

— Ненавижу жару и пыль. И три солнца — это явный перебор.

— А мне нравится пустыня. В моем мире... ну в том Упорядоченном, я как-то побывала в одной жаркой стране, в Египте. Картинки красных песчаных просторов окаймленных голыми, острыми горами... Что-то в этом есть. Чистота первичных форм.

— Да ты прямо художник. Хотя твое сравнение с Египтом более чем точное — Созидающие творили тот уголок Упорядоченного с намеком на Второй Круг. Своего рода подарок Дому Воров.

— Арабов они тоже с них срисовали?

— По большей части. Просто утрировали некоторые качества, что-то убрали, что-то добавили, но в целом оставили верный образ.

— Скольких и сомнительных дельцов?

— В точку. Только не смей повторять эти слова, особенно если кто-то из Воров рядом. Могут и без языка оставить.

Что вряд ли. Руки коротки, но попытаются точно.

— Что еще они скомуниздили из Первозданного?

Хорошее слово, емкое.

— Архитектуру, некоторые названия, в общем многое. У Созидających всегда были проблемы с фантазией, они предпочитают изменять существующее, придумать что-то новое они, видимо, просто не способны.

— И между тем, они творят миры?

— Да, дешевые, искаженные копии Кругов Первозданного.

— К слову об архитектуре — вон там, вдалеке, мне кажется, или действительно блестит вершина пирамиды?

— Не кажется. Это, собственно, и есть физическая форма Дома Самех. Центр великого города Самех'Ра. Город в долине, так что на самом деле мы видим лишь малую часть пирамиды, но совсем скоро, часа через два, мы, наконец, достигнем подъемника, и ты сможешь лицезреть его во всем великолепии. Поверь, зрелище более чем впечатляющее.

— Не сомневаюсь. Слушай, раз уж Созидające скопировали большую часть Круга Самех, почему на небе того кусочка Упорядоченного всего одно солнце?

— Не смогли разобраться с собственноручно созданными физическими законами. Закон гравитации они придумали, а вот про накладываемые ограничения забыли. Обитаемая планета не смогла бы вращаться вокруг трех солнц. Вернее, что-то может быть, и вращалось бы, но колебания условий были бы слишком резкими. Жизнь на такой планете невозможна.

— Они создали мир, в котором не были всевластны?

— Эй, вспомни, это в том мире придумали забавный парадокс — «если Бог всемогущ, то может ли он создать коробочку, в которую не сможет залезть?»

— Прямой намек на них?

— Ага. Эта фраза до сих пор считается матерной в присутствии любого из Созидających. Этакое доказательство их некомпетентности. Зато они отыгрались на истории и религии Египта.

— Я в курсе, что у Египтян более чем запутанный пантеон, но на историю им нечего жаловаться.

— Ну как тебе сказать... Все взаимосвязано. Знаешь, кто верховный бог по старой вере?

— Ра.

— Верно. Хочешь угадать, как называются солнца этого мира? Ра, Монту и Хорус. Солнце, Полуденное Солнце и Яростное Солнце. Три бога из египетской мифологии.

— Об их влиянии на мифологию я догадалась — название города о многом говорит.

— Это только начало. Созидające, вернее одна из семей Дома Коф решила поиграть в богов. То есть не как обычно — создал, населил и наблюдаешь. Нет, на этот раз они захотели собрать плоды своих трудов — купаться в восхищении и поклонении простых смертных.

— Я так понимаю, это не очень получилось?

— Мягко говоря. Полная власть над теми, кто не мог оказать никакого сопротивления, окончательно затуманила разум тех Созидających. Дом Тхау, Судьи, вынесли приговор и всю семью объявили Изгнанниками, подлежащими уничтожению. Приговор был приведен в действие и за несколько веков от бывшего Египта ничего не осталось. Только полуразрушенные храмы и непонятные пирамиды.

— Но почему они так увлеклись именно Вторым Кругом?

— Кто их знает, тебе же тоже нравится пустыня.

Мимо нас проскакал очередной всадник на чудесном, чистокровном луве и это навело меня на мысль, как еще немного подтолкнуть воспоминания Аэль.

— Пойдем. Тут рядом есть одно интересное место — прореха в упорядоченности этого куска Первозданного, думаю, мы найдем там кое-что интересное.

ГЛАВА 15. Буря. Лаит

До упомянутого места было минут десять пешком. Небольшая тропа сворачивала от главной дороги, шла в обход скалистого плато, и метров через пятьсот заканчивалась резким обрывом в никуда. Почти в буквальном смысле. Чистый Хаос прорвался на Второй Круг довольно причудливым образом — песчаными островами, плывущими в голубой пустоте. Клочки тверди разных размеров и форм дрейфовали в том, что могло бы быть небом этого мира. Иногда они сталкивались, иногда даже срастались, а иногда разламывались на неравные куски и расходились одинокими кораблями. Это море казалось бесконечным.

— Пойдем. Я проведу тебя на один из тех больших островов, там ты сможешь увидеть настоящего Зверя.

— Это не опасно?

— Ты боишься?

— Не за себя.

Все верно. Хаос и Звери не должны внушать ей чувства опасности. Они не могут причинить вреда, и она уже достаточно изменилась, чтобы почувствовать это.

— Не беспокойся. Хаос тут не агрессивен. Как и Его Звери. На Седьмом или Восьмом Круге я бы не стал искать встречи с ними, но тут это пройдет без последствий.

Надеюсь, что нет. Целью этой экскурсии было показать Аэль настоящего Зверя, а заодно дать ей одну-две новые формы для обращения. Даже если несносная заноза и сама неплохо справлялась с этим. Вот откуда у нее взялась аркх'сиет? Где и когда она могла ее увидеть, раз так быстро перекинулась? Я покосился на бредущую рядом Аэль, а в особенности на браслет, то и дело мелькающий серебристыми всполохами на правой руке. Реш назвала его Соле'Маан, и сказала, что начинает смутно припоминать его назначение. Вроде как, он является основным хранилищем знаний о Метаморфах, но у нее нет полного доступа, то ли потому, что мы не достали второй браслет, то ли потому, что она пока не достойна принять всю мудрость своего Дома. Последнее, естественно, было сказано с определенной долей иронии и косым взглядом в мой адрес.

К краю плато прибился вполне приличный кусок песчаного острова, так что для начала путешествия следовало сделать всего только шаг. Короткими перебежками мы добрались до относительно большого острова, настолько большого, что у него была даже своя гора с пещерой. То, что нужно.

— Нам туда.

— В пещеру?

— Да, она наверняка обитаема.

Но к пещере идти даже не пришлось. В тени проема мелькнул громадный силуэт, и спустя мгновение на яркий свет трех солнц вышел достойный представитель Песчаного Племени.

— Познакомься, это мерх'дасат — песчаная гончая.

— Она... он, великолепен.

Псина действительно была впечатляющая: добрых полтора метра в холке, поджарая, с мощными лапами, небольшой, по сравнению с остальным телом, головой. Короткая рыжая шерсть с черными разводами топорщилась на загривке, черные же уши были плотно прижаты к голове. Так-так, кажется, мы не очень удачно попали. Вернее, просто попали.

Песчаные гончие не агрессивны, даже дружелюбны и без проблем подпускают к себе хаоситов. Как правило. Если только не защищают своих отпрысков.

— Ты вроде говорил, что они безопасны.

— Я не учел, что в пещере могут быть щенки.

— Защищает потомство?

— Один из основных инстинктов. Никаких резких движений. Тихо отходим к краю острова и сматываемся.

Но я говорил уже с пустотой. На месте, где еще секунду назад стояла Аэль, теперь валялись лишь ошметки бурнуса. А прямо к мерх'дасату мчалась другая рыжая гончая. Чуть меньших размеров, с серебристыми разводами на шкуре, это, несомненно, была Аэль. Ну, хоть какая-то польза будет от прогулки...

А мерх'дасат тем временем приготовился к обороне: широко расставленные передние лапы, прижатые уши, оскал, картинка могла испугать любого, любого, но не Аэль. Рыже-серебристый Зверь летел над песочным морем большими, мощными скачками, лапы вспарывали брюхо острова, оставляя за собой пылевой шлейф. Мерх'дасат не стал ждать нападения у порога своего дома, он принял вызов и два Зверя встретились на полпути. От силы столкновения сам воздух должен был содрогнуться, но вместо этого возникло небольшое торнадо. Рыже-черно-серебристое.

Более не было мелькания лап и оскаленных морд, была просто однородная масса песка, поднимающаяся все выше, захватывающая все большую часть острова. Кажется, у меня проблемы. Для Аэль эта встряска будет не более чем бурей в стакане воды, а меня может основательно потрепать — в вихре кроме песка вились чистые потоки Хаоса. Собачки явно разгулялись. Самое паршивое, что даже сбежать не могу — «наш» остров отошел далеко от обрыва, да и от других островов, а о том, чтобы открыть портал не стоило даже помышлять. В такой близости от источника чистой силы это было равносильно самоубийству.

Забивая последний гвоздь в мой гроб, из тени пещеры вынырнула еще одна рыже-черная зверюга. Меньше защитника, но явно больше Аэль. Однако поведение новой участницы скандала меня немало удивило — мерх'дасат не присоединилась к забаве. Вместо этого сперва утробно рыкнула, а потом от души рявкнула, да так, что вихрь песка моментально осел двумя большими кучками, из которых с поджатыми хвостами выползли драчуны.

Матриарх стаи окончательно вышла из пещеры и неспешным шагом приблизилась к двум гончим, что сидели, понуро опустив головы. Я старался дышать через раз, матриарха стаи я до этого никогда не видел, но очень хорошо знал, что в отличии от других Зверей, старшие любой стаи — это... Старшие. Хаос на удивление последователен в своих правилах.

Внезапно Аэль вскочила на лапы, а я приготовился то ли сражаться за свою жизнь, то ли за жизнь моей Карты, но вместо агрессии, эта двинутая на всю голову Реш подошла вплотную к матриарху, старательно ее обнюхала, а потом коротко рыкнула. Отцом клянусь, на морде старшей гончей явно проступило удивление, недоумение, а потом и легкое раздражение. Она оскалилась, вздыбила шерсть на загривке и низко зарычала, предупреждая. Аэль же окончательно лишившись здравого смысла и остатков инстинкта самосохранения, встала напротив, нагло заглянула в прищуренные глаза и еще раз требовательно рыкнула. Мерх'дасат пригнула голову, а потом... а потом опустилась на передние лапы, прогнулась и окончательно легла у ног шизанутой Реш.

Рыже-серебристая гончая довольно твякнула, лизнула матриарха в ухо, от чего та затрясла головой, но осталась лежать, а Аэль... развернулась и гордо потрусилась в мою

сторону.

Спустя каких-то десять минут мы с ней уже снова стояли на краю каменистого плато.

— И что это было?

— В смысле?

— Зачем полезла в драку?

Мне показалось, или Аэль смутилась?

— Ну... если бы я не напала, он бы прыгнул, и скорее всего к тебе.

Вот те раз.

— Почему именно ко мне?

— Он чувствовал, что тебя проще... устранить.

Вот те и два. Аэль в роли защитницы беспомощного меня.

— И как ты об этом узнала?

— Не могу объяснить, просто это было в его глазах, да и я сама бы так поступила.

— Ну, хорошо, допустим это просыпающееся звериное чутье, но почему из нас двоих он посчитал именно меня более легкой добычей?

— Потому что гладиолус.

Вот те и три. Намекает на то, что уже и так очевидно, просто не хочется признавать.

— Ладно, оставим это. Я так понимаю, разошлись вы с миром?

— Ага, Матриарх отругала нас обоих, велела подучиться манерам. А потом... В общем я представилась и потребовала уважения.

И снова это выражение лица — то ли смущение, то ли легкая досада.

— И как?

— Что как?

— Получила свою долю преклонения?

Почему у меня вырвалось именно это слово, не знаю, но Аэль явно почувствовала себя не в своей тарелке, но предпочла промолчать. Может стоит сменить тему, пока мы опять не поругались?

— Ну, тогда на одну проблему меньше. Кстати, позволь тебя поздравить с пополнением коллекции форм.

— Мы же для этого туда пришли?

— Есть такое. Правда, я не ожидал, что ты так быстро перекинешься. Попортив в очередной раз одежду.

Аэль поморщилась и предположила:

— Это затруднит проникновение в город?

— Однозначно. В кше ты не можешь появиться даже близко от ворот Самех'Ра, а другой смены у меня нет. Так что вариант всего один — ты ждешь в безопасном месте, пока я не добуду тебе новую одежду.

И почему у нее на лице столько скепсиса?

— В безопасном месте? Нет тут таких, в безопасности, относительной, я только с тобой — хоть удрать можно вовремя.

Даже такое сомнительное признание заслуг греет душу.

— Что ты предлагаешь?

— Обернусь.

— Кем? Мерх'дасатом? На улицах города Зверь будет привлекать ненамного меньше внимания, чем ты в этом платье.

— А если я обернусь луве?

Заманчиво.

— А сможешь?

— Если постараюсь. Набиле'Тхач все еще не говорит со мной, но потихоньку начинает подкидывать образы. Я могу обернуться мерх'луве, только чуть поменьше, это будет несложно.

Несложно? Четвертая форма за неполную неделю? Нет, я точно идиот, а Аэль полна сюрпризов.

— Вполне приемлемый вариант, — согласился я с предложением моей спутницы, — Созидающие приложили невиданные усилия, когда творили луве. Видимо кто-то из них был фанатом быстрой езды, так что домашний вариант мерх'луве не сильно отличается от своего дикого сородича. Разве что более спокойным окрасом и чуть меньшими размерами.

— Ну, давай посмотрим, что у меня получится.

Момент перехода между формами было трудно уловить, секунду назад передо мной стояла стройная девушка, а сейчас уже статная и гордая мерх'луве трясла густой гривой. Масть Аэль точно удалась — теплого, шоколадного оттенка шкура, и конечно же серебристые грива и хвост. Куда без этого. Только аркх'сашат у нее была однотонной, но это было до обретения Регалий, теперь же, они влияли не только на качество и скорость метаморфозы, но и на окрас.

— Неплохо. Немного крупновата для луве, масть чуть более яркая, чем обычно, но это не так страшно. Ну что, пошли?

ГЛАВА 16. Месть и мстящие. Лаит

К счастью, охранники у ворот были слишком заняты обиранием очередного купца пытавшегося протащить в Самех'Ра целый караван товаров. Пошлина с одного путника и одной луве, какой бы она не была породы, не могла сравниться с таким близким и заманчивым звоном почти полного мешочка монет. А именно столько жадные стражи готовились урвать с торговца, но то его проблемы и его глупость — не озаботился бляхой Дома Самех, не сетуй на ввозную пошлину.

В городе царили строгие правила — только представители Дома могли торговать свободно на базарах Самех'Ра. Полукровки и просто люди обязаны были оплатить немалую мзду, а сверх того, еще и ежегодно обновлять разрешения на торговлю. Да, как это не удивительно, на Втором Круге Хаоса обитали не только хаоситы. Более того, исконные жители Первозданного были в меньшинстве.

Большая часть Домов нуждались в слугах для выполнения ежедневных работ, никто из хаоситов этим заниматься, понятное дело, не хотел. Некоторые заказывали у Созидающих домовых или других магических прислужников, но это было дорогим и редким удовольствием. Так что проблему решили проще — особо отличившимся людям из Упорядоченных миров, в качестве «награды» предлагали служение в Первозданном. Потомки от союзов между такими «беженцами» или между ними и хаоситами не изгонялись из Первозданного, а отправлялись в Самех'Ра. Интересно, как быстро смертные осознают, что «рай» и «обитель богов» на самом деле отстойная яма всех миров?

Так или иначе улицы Самех'Ра были всегда полны спешащими куда-то разумными — в одном городе собрались представители многих рас, и дроу, и эльфы, и гномы, и вампиры, и драконоиды, и демоны, и... А всех было просто не перечесать, думаю Аэль завалила бы меня вопросами, если бы не оборот. Поблагодарить что ли проведение за передышку?

В торговые дни жизнь бурлила, гомон стоял дикий, каждый уважающий себя торговец старался перекричать соседей, как будто бы ярких вывесок недостаточно. И тут взгляд наткнулся на очередной аляповатый плакат. Бездна и все саа'ле, кажется, мы попали вдвойне! Сегодня не просто обычный бардак под название «торговля на улицах», сегодня тематическая ярмарка, товары из отсталых миров. «Редкости и диковинки примитивов». Чтоб им пусто было!

Соваться в таверны в центре города не имело никакого смысла, оставались окраины и бедные кварталы, там хоть какой-то шанс найти приличный ночлег за имеющиеся пару монет. Но углубиться в сплетение кривых улочек мне не дали. Путь мне и моей четвероногой спутнице преградил дородный купец в богатом кафтане с сияющим знаком Дома Воров.

— Ясного солнца, уважаемый. Вы позволите осмотреть вашу луве? Вы ведь привезли ее на продажу?

А что, это может быть удачной идеей.

— И вам добрых дорог. Да, Мааре единственное наследство, что мне оставил покойный батюшка.

Имя для «лошади» скакнуло на язык само, когда-то у меня и вправду была кобылка похожей масти. Пала она во время одного из моих ученических приключений, когда я по глупости затащил ее в Междумирье. С тех пор над животными и их психикой я больше не издевался, луве не заводил, обходился своими двумя.

— Но, судя по стати этой луве, отец у вас был не бедный, — напомнил о себе торговец, осматривая мое «наследство» со всех сторон.

— Зато у него было много детей и не все они от жены.

Неплохая импровизация — незаконнорожденный отпрыск богатой семьи получает в качестве откупной прекрасную луве. Главное, что правдоподобно. Купец покивал, мельком улыбнулся и продолжил разглядывать Аэль. Надеюсь, она мне подыграет, а не лягнет копытом нахала, посмевшегося сунуться ей под хвост.

— Вы хотели бы приобрести ее, уважаемый?

— Да, и готов предложить хорошую цену.

— Вот так сразу, на улице, вне базара?

Купец хитро подмигнул.

— А зачем вам себя утруждать разрешением на продажу? Тем более, что обстоятельства заставляют меня буквально умолять о продаже вашей Мааре.

— Умолять? Вам так сильно нужен личный транспорт?

Толстячок позволил себе довольно рассмеяться.

— Нет, транспорта мне хватает. Понимаете, меня пригласил на свой день рождения один старый друг, а я о событии и забыл, ну и подарок не подготовил. Так что я без торга готов заплатить вам тридцать золотых.

В базарный день я смог бы выручить и больше, но купец прав сам того, не зная — у меня не было ни одной идеи как получить разрешение на торговлю, а деньги решили бы все бытовые проблемы.

— Сорок золотых и луве ваша.

— Тридцать пять, и я не стану спрашивать, есть ли у вас на нее дарственная.

Хороший ход. Купец намекал на то, что не очень верит в мою историю и луве может быть просто краденной.

— Тридцать три, и вы мне посоветуете приемлемый ночлег.

— По рукам.

С этими словами торговец отстегнул от пояса увесистый мешочек, отсчитал тридцать три золотых кругляшек и протянул мне. Взамен я отдал ему в руки импровизированные поводья. Теперь главное, чтобы Аэль не подвела, но она к моему удивлению без всяких возражений последовала за купцом, оставив меня в легком недоумении и с адресом, по которому я не собирался идти. Сереброгривая луве максимум к утру исчезнет, вряд ли Аэль захочет провести больше времени на конюшнях, и разъяренный купец станет искать обманщика, так что лучше мне продолжить путь в темную часть Самех'Ра.

В буквальном смысле.

Из-за трех солнц на Втором Круге почти никогда не бывает ночи. В любое время суток, по меньшей мере одно из солнц светит ярко и жарко. Раз в сколько там лет случается, что с неба таки уходят все три светила, куда они закатываются неизвестно, боюсь это ведомо только Хаосу. В остальное же время ночь есть только в одной части Самех'Ра — там, куда отбрасывает свою тень Великая Пирамида. Еще одна причуда этого города — какое бы положение на небе не занимали три солнца, только одна часть города всегда находилась в тени Дома Самех. Жители так и прозвали этот район — Ночной Город или Атун'Ра, что значит «скрытое солнце».

Несмотря на дурную славу, Атун'Ра отнюдь не был пристанищем бандитов всех мастей. Более того, в городе Воров, Атун'Ра был, пожалуй, единственным местом, куда можно было

заглянуть без опаски лишиться последних монет. Своего рода заповедник, нейтральная территория.

Приличная таверна нашлась довольно быстро. И даже поданный ужин не был подгоревшим или пересоленным. Жизнь определенно налаживается. Вот только, что делать с Аэль, так удачно проданной за тридцать три золотых? Надеюсь, она додумается сбежать этой ночью и найти, но не убить меня, если нет, то придется завтра ее вызволять.

Отведенная мне комната была тоже вполне приемлемой. Главными ее достоинствами было огромное окно в половину стены и небольшая, но такая манящая кровать. Остальное убранство ограничивалось круглым столом и двумя добротными стульями. Дверь возле кровати вела в маленькую ванную комнату с душем и туалетом. Да, от этих достижений прогресса Дом Воров не стал отказываться, даже в угоду своей патологической нелюбви к благам технологических цивилизаций. И понятно почему — горячий душ после долгой и пыльной дороги ценится выше любых принципов и убеждений.

И правда, горячая вода и душистое мыло не только помогли оттереть пыль и грязь от пройденной дороги, но и немного прояснили мысли. Мы приперлись в Самех'Ра, потому что сюда ведет Путь Аэль, но что делать дальше? Заявиться на порог Пирамиды и потребовать Регалию? Интересно, как громко рассмеются Воры, услышав подобное? Ясно, что просто так получить ее не выйдет, может быть тогда украсть? Да-да из самой охраняемой сокровищницы всех миров. Миссия невыполнима, но разве мне когда-нибудь доставались другие?

По возвращению в комнату меня ждал сюрприз. Немного пыльный и помятый, безусловно уставший, но не менее приятный — Аэль собственной персоной.

— Значит, пока я там страдаю от жирных лап этих купцов, от вони конюшен и полной несъедобности корма, ты тут нежишься в душе. Небось, еще и после плотного ужина?

Если еще не убила, то буду жить, но злится она крайне... занимательно. Не уперев руки в боки, не топая ножкой, но покачивая ею, сидя на застеленной кровати. Госпожа, отчитывающая нерадивого слугу, не иначе. Аэль встала, подошла вплотную, напрочь игнорируя тот факт, что я, по сути, раздет, обернут в одно лишь полотенце, заглянула в глаза и в нетерпящем возражений тоне велела:

— Закажи мне ужин в номер, и побольше мяса, а я пока смою с себя всю грязь сегодняшнего дня.

Ее близость ударила по нервам раскаленной кувалдой, пальцы на ногах поджались, а руки пришлось прижать к бедрам, только бы они не зажили собственной жизнью и не притянули эту мерзавку ближе, так близко, чтобы она не посмела меня игнорировать.

На Кхая она пялилась во все глаза, а меня не удостоила даже мимолетным восхищением? Нет, это даже не мужская гордость, это нечто совсем другое, но почему-то мне пока не хочется давать ЭТОМУ название. От греха подальше я поспешил накинуть хоть какую-то одежду, ибо кто ее знает. Или кто МЕНЯ знает. Она голодна, и я... голоден. Вот только нужно нам разное.

Половинка курицы и теплые еще булочки выманили Аэль из душа. Лучше бы я этого не видел, лучше бы я свалил куда подальше, хоть на другой конец Самех'Ра. В нынешнем настроении в борделе мне было бы самое место.

Специально или нет, но завернутая в места мокрую простыню, Аэль выглядела еще соблазнительнее, чем обычно. Словно не замечая меня, это ходячее искушение уселось на стул, закинув ноги на второй, и стало увлеченно разделявать бедную птичку, периодически

слизывая жир и соус с тонких пальцев. А я смотрел то на ее влажные, полные губы, то на край простыни и не мог определиться, что манит меня сильнее. Словно загипнотизированный я следил за медленно сползающим с ног куском белой материи. Вот изящная ножка обнажилась уже выше колена, а простынь все еще падала, вот показалась родинка на бедре, вот...

От занимательного зрелища меня оторвал недовольный голосок.

— Будешь пялиться на мои ноги или все же извинишься?

Нет, драгоценная, в эту игру я тоже могу поиграть.

— За что? За то, что раздобыл нам денег на приличную таверну пока мы не найдем нужного Вора?

— Вора?

На миг Аэль задумалась, потом улыбнулась.

— А что, забавно. Ценю изящество замысла.

— Знаю.

Мой ответ почему-то заставил ее нахмуриться, но уже спустя секунду на ее губах, красных от выпитого вина заискрилась все та же лукавая улыбка.

— Значит, извиняться не будешь?

— Нет.

Она склонила голову набок и посмотрела на меня из-под упавшей на глаза челки.

— И кровать мне не уступишь?

— Нет.

Мой ответ прозвучал странно, даже для меня, в нем слышалось и приглашение, и намек, которого не могло, не должно было быть.

Аэль еще минут десять разбиралась с ужином, а я все смотрел на нее и не мог заставить себя отвернуться. Если мне суждено потеряться, то и Бездна с нами, но я утащу ее за собой в этот омут, а мое наваждение между тем закончилось с ужином, проскользнуло в ванную, на шаг простыня распахнулась еще сильнее, обнажив крутое бедро. Дыхание застряло где-то на полпути. Пришлось закрыть глаза и сосредоточиться на вдохе-выдохе. Она вернулась в комнату, подошла к столу, задула свечи и в наступивших сумерках проплыла к кровати. Я не открывал глаз, боясь увидеть ее слишком близко. Выдержка была на грани, слишком долго я отказывался от общества женщин и слишком сильно я хотел именно ее.

— Подвинься.

Ее голос вызвал мурашки по спине. Бездна, почему я так остро реагирую? Как мальчишка на первую свою избранницу?

— Ну, ты подвинешься или мне лечь прямо сверху?

— Ложись куда хочешь.

Зря я так, очень зря. Она и легла, вплотную ко мне. Так близко, что жар ее тела опалил меня с ног до головы. Чего мне стоило не протянуть руку и не сорвать с нее дьявольскую простыню, знает только Хаос. Мне предстояла долгая и бессонная ночь, а Аэль меж тем заснула. Просто восхитительно — внутренности скручивает от желания, а ей все абсолютно побоку. Неужели я настолько сильно успел ее оттолкнуть, настроить против себя, что теперь она видит во мне лишь Проводника?

Того, кого по факту и должна видеть. Ирония судьбы, жестокая месть.

Отец, за что ты так со мной? Почему все так осложнилось? Как мне теперь выполнить свою миссию? Как, если что-то колет в груди, второе сердце, осколок Хаоса, пульсирует и

будто бы ширится, разрастается, выпускает нити сырой силы, неуловимо меняющей тело, перестраивающие его для чего-то. Очень похоже на те ощущения, что возникают при адаптации внешности к новому миру, но на этот раз они более явные, яркие, а ничего видимого во мне не меняется. Что же происходит?

И хочу ли я действительно это знать?

Внезапно Аэль задышала как-то по-другому, придвинулась ближе, так, что ее горячее, влажное дыхание прокатило целую волну мурашек по всему телу. Тихий стон и ее ладонь забирается под рубашку, сердца пропускают стук. Она спит? Или уже нет? Глаза полуприкрыты, ресницы трепещут, а влажные губы шепчут что-то приглушенно. Слова не разобрать, только интонацию. Тяжесть, жар, бешенное головокружение. Меня еще не разу так не ломало от желания, от... Выдержки хватило всего на пару секунд, с тихи рыком я сорвался в Бездну, подминая ее под себя, целуя яростно, отчаянно...

ИНТЕРЛЮДИЯ. У закрытых Дверей. Кхай

Переговоры с Самех прошли... забавно. Их приверженность Коф и временному союзу оказалась еще слабее, чем я предполагал. Достаточно было нескольких намеков, двух задушевных бесед и семена будущего предательства дали всходы. Один из Воров, Зот, обещал найти выход.

Отец играет с нами. Опять. Это так же очевидно, как и то, что пока еще никто не догадался, кто такая Аэль. Умно, умно было спрятаться за самым распространенным именем, что брали себе почти все Тана Реш.

Обманчивая ясность. Как и сама Аэль. Нет, я буду называть ее правильно — Во'Аэль. Ваэль.

Мой Призрачный Ангел. Моя тсани. Моя вечная боль и радость. Источник моего безумия и корень всех бед. Ты почти такая как раньше, Путь Воспоминаний почти завершен, осталось совсем немного, всего несколько маленьких шажков и ты вновь станешь цельной.

Отец Пробудил тебя, закончил мои бессмысленные скитания по мирам, значит его терпению пришел конец. Он больше не хочет ждать, надеяться, и верить в то, что его глупые дети образуются. Вместе с нами в миры пришел и Враг. Настоящий, а не эти картонные персонажи дешевого водевиля. Тот, кто заставит Дома или подчиниться власти Нешамах или сгинуть в небытие.

Они еще не знают, но в Игре больше нет смысла. Жестокая забава, вдруг переросшая в псевдо-равную борьбу за власть. Было бы смешно, если бы не было так грустно. От бывшего величия Первозданного не осталось почти ничего... И за такую свободу разумных я боролся?! С удовольствием подыграл бы Врагу, пусть всех сметет в Бездну, очистит Веер для нового начала, но ты, моя тсани, не позволишь им умереть. Ты попытаешься их спасти. Ну что же, на этот раз я приму любое твое решение и этот Путь мы пройдем вместе, вместе отыщем Врага, за какой маской он бы не прятался, вместе его уничтожим, если такова будет воля.

Если вовремя обнаружим.

Аллос. Вот кто может помочь. Она должна быть в курсе, она точно подскажет, не зря все эти тысячелетия копила силу. «Ллос ведомо все», так, кажется, говорят дроу, ну что же, стоит это проверить. Дверь в Мир Льдов, в ее тюрьму заперта, заклятье Уробороса отгораживает его от привычных потоков времени, но всегда, ВСЕГДА, есть запасной вход. Тем более, когда я сам его и строил.

Нужно попасть в Омут, там есть лазейка, тонкое место...

Бездна! Что это? Почему связь с Ваэль вновь стала столь явной? Новая опасность?!

Жар, возбуждение, нежные прикосновения, что словно и ласка и, одновременно, наказание... Моя тсани, что происходит?!

ДА, КАК ОН ПОСМЕЛ!

Портал удалось открыть не сразу, да и выкинуло меня далеко от Самех'Ра, так что в город я попал лишь к утру, тогда, когда уже все свершилось... Вору оказались в своем репертуаре — проиграв, заставили пожалеть о победе.

Белая Дверь, о которой с таким напряжением думал Тот-кто-вновь-будет-богом, все также сверкала и искрилась в обманчивом свете Грани. Вот только, если прислушаться, то можно уловить скрежет, рык и клацанье. В замочную скважину просачивается тонкой струйкой ядовито-зеленый туман, распространяется патиной по некогда золотой ручке, по белому полотну дерева. Дверь тихо скрипит, словно от натуги, а иногда и мелко содрогается от ударов с ТОЙ стороны. Что готово прорваться в Междумирье, а из него и во все миры?

...Или кто?

ЧАСТЬ 2. Искусство правдивой лжи Глава 17. Три цвета ночи. Аэль

...Шелковые простыни охладили разгоряченную кожу, но никакие силы не могли погасить бушевавший пожар. В обрамлении колеблющегося пламени свечей и красного моря простыней, два тела переплетались в извечной пляске любви.

Три цвета царили в жаркой и влажной полутьме — красный, черный и белый. Красным было раскрашено закатное небо, красным пылали огоньки свечей, красным мерцал шелк. Черным затаились тени по углам комнаты, черным отсвечивали мраморные плиты пола. Белым дымом курились подносы с голубыми орхидеями, белым мерцали шрамы на оливковой коже, черным маревом колыхались волосы.

Красно-черное было повсюду. В какой-то момент я запуталась в его волосах и замерла, боясь причинить боль.

— В чем дело?

— Твои волосы, ты оплел меня ими, буквально завернул в кокон.

Его щекочущий смех прошелся по моей шее:

— Я затянул тебя в свои сети.

На несколько минут все мысли искрами разлетелись из головы — его губы отыскивали мои.

— Я не могу пошевелиться. Дай мне минуту, чтобы выпутаться.

— Зачем?

Шепот пронесся теплым ветром где-то возле моей груди.

— Ах... я не хочу причинить тебе боль.

Он поднял ко мне лицо и удивленно посмотрел своими немного раскосыми, изумрудными, порочными глазами.

— Боль? Даже если бы ты сделала мне больно, я вряд ли стал бы возражать.

Он придвинулся чуть выше, еще чуть ближе, так близко, что я буквально захлебнулась этой зеленой бездной.

— Хочешь попробовать?

Дыхание перехватило от заманчивости предложения.

— Хочу.

Что-то новое зажглось в его взгляде, что-то еще более безумное, чем обычно, более дикое, более требовательное, более жгучее.

— Тогда на этот раз ты не будешь сдерживаться.

— Ты уверен? — настала моя очередь тихонько смеяться. — Твоя спина и так разукрашена паутиной следов.

— Да. И каждый раз я чувствую, что ты не все мне отдаешь.

Поцелуй. В шею.

— Каждый раз ты оставляешь часть себя за замком.

Поцелуй. В левую грудь.

— Я устал ждать, когда ты сама откроешь все двери.

Поцелуй в правую.

— Не надейся, на этот раз ты так легко не сбежишь.

Рука скользит по животу вниз.

Мои сердца бьются сильнее от предвкушения.

А его волосы тем времени вновь ожили, переплелись с моими в замысловатые косички, оплели руки, притянув их к его спине. Он придвинулся ближе, чем это было возможно, вдавив меня в алое простыней, на секунду замер, а потом мир разлетелся осколками, разбился красно-черно-белой мозаикой. Едва осознав, что мои удлинившиеся ногти вспороли кожу на его спине, я дернулась было, но потом отпустила и этот остаток рассудка...

Когда я очнулась от краткого забытья, он все еще нависал надо мной, пьяно покачиваясь на полусогнутых руках, а в картину этой ночи вплелось еще больше красного — с его спины стекали одинокие капли, где-то и целые ручейки крови. На груди виднелись глубокие, хоть и тонкие борозды. Из прокушенной губы сочилась все та же алая жидкость. Да, на этот раз я не стала прятать и прятаться своих желаний...

— Бездна...

Потревоженный моим голосом он вынырнул из того подобия транса, в который успел впасть, но, вопреки моим тайным опасениям, в его полуоткрытых глазах не оказалось ни капли сожаления, ни единой секунды пережитой боли. Только все тоже изумрудное безумие, ставшее лишь немногим светлей от удовлетворенного желания. Он усмехнулся моему встревоженному взгляду:

— Не смей. Не смей извиняться.

Его насмешка внезапно разозлила меня. Неплохой предлог для того, что мне хотелось сделать. Мои руки выпутались из безвольно опавших прядей, обвили его спину, резкое движение и спустя секунду его обмякшее тело уже лежало подо мной. А мои пальцы тихонько подкрадывались к его талии, еще ниже, серебристые когти, занявшие место ногтей, медленно впились в его бедра, прошлись чуть выше и ближе к животу, пока еще только царапая кожу. Я опустила голову, нежно поцеловала его шею, замерла на секунду, а потом вонзила удлинившиеся клыки в такое соблазнительное плечо. Его голова запрокинулась, по всему телу прошла жаркая дрожь, и новая волна желания затопила его глаза. Черные волосы взвились вороньими перьями. На последнем дыхании перед наступающим безумием он произнес:

— Тсани...

...И мой мир вновь перевернулся.

Просыпаясь, я перевернулась на бок и сладко потянулась. За окном было все так же сумеречно, но даже это не мешало охватившему меня ощущению бодрости и радости жизни.

И тут мне вспомнился сон. Такой... яркий. Красочный. Реальный. Это было еще одно воспоминание. Только воспоминание? А почему я себя чувствую, как кошка, объевшаяся сметаны? Тааак... будем по порядку восстанавливать события прошлого дня. Переход на Второй Круг Хаоса, долгая прогулка по пустыне, экскурсия к летающим островам, столкновение с мерх'дасатом, превращение в лошадку, наглая импровизация и позорная продажа всего за тридцать три золотых. Лаит точно продешевил! Дальше было представление меня в качестве подарка уважаемому другу купившего меня торговца, назойливое восхищение то ли мной, то ли купеческой хваткой дарителя, вонючие конюшни, побег в виде кошки, поиски Лаита и наконец комната этого постоянного двора.

Потом все становится хуже. Мне под мантию попала вожжа. То ли от перевозбуждения за день, то ли от усталости вкупе с затаенной обидой на Лаита, но меня переклинило. Мне

надоело его холодность, презрение, все то же пренебрежение. Мной вновь овладела та, что привыкла к подчинению и поклонению, и уж точно не привыкла быть проданной за тридцать три золотых.

И я повела себя так, как того требовала моя властная сущность — как госпожа, которой не с руки наказывать нерадивого слугу, но можно поставить на место холодным пренебрежением. Почему же тогда, последнее мое воспоминание о прошлом вечере — это его руки крепко меня обнимающее?!

— Пытаешься понять, что вчера произошло?

Насмешливый голос раздался со стороны двери. Лаит. Влажные после душа волосы лежали мягкими волнами. Рубашки нет, спасибо хоть за штаны. Рано радовалась. Одним плавным движением он оторвался от стены и оказался возле постели.

Он стоял, разглядывая меня, и что-то странное мелькало в его глазах.

— Может, стоит тебе напомнить?

Я не успела понять, что он имел в виду, как руки уже крепко меня сжали, практически не давая пошевелиться. Ох, кажется, я знаю, ЧТО было ночью. Тоже что-то вот-вот произойдет и сейчас. Лаит откинул простынь, которой я укрывалась, и оказалось, что под ней я совершенно голая, если не считать Регалии, оттягивающей мое левое запястье.

— Память проясняется?

В его голосе засквозила злая насмешка. Злая? С чего бы это? Бездна... спустя секунду я поняла с чего — его кожа потемнела, черты заострились, волосы значительно удлиннились, заплелись в такую длинную косу, стали не просто черными, а иссиня-черными, а глаза... глаза засверкали яростными изумрудами. Картинка из сна пронзила меня раскаленной волной желания. Не имело значения, что Кхай опять провернул свой любимый фокус, ничего не имело значения, только острая необходимость ощутить его. Всего. Целиком. Увидеть в этих глазах не злость и ярость, а то же безумие погружения в бездну. Воспоминания и собственное желание заставило меня приподняться, выпустить когти, пройтись ими по его обнаженной спине, сдирая кожу, меняя напор эмоций, направляю игру в опасное и такое заманчивое русло. Его голова запрокинулась совсем как во сне, но, прежде чем я успела вонзить зубы в его плечо, повторяя ночное виденье, он соскреб остатки воли, схватил мою голову двумя руками, останавливая, и смотря мне в глаза прошептал:

— Так вот в чем дело... Ты вспоминала... меня.

Мне тяжело было думать в такой близости от его голой кожи, но все же я должна была сказать:

— Я не знаю, что произошло ночью. Кажется...

— Не имеет значения.

Он вновь рассмеялся, только на этот раз смех был теплым и ласкающим. Как будто перышком провели по спине.

— Не имеет значения, что происходило тут с твоим телом. Имеет значение, лишь то, кого ты на самом деле любила этой ночью.

Его глаза требовали правды.

— Этой ночью я купалась в черном тумане, он лишал меня возможности двигаться, нагло заполняли все пространство. И все это на алых простынях.

Он в облегчении закрыл глаза, а когда изумрудные звезды вновь зажглись, в них горело тот огонь, что свел меня с ума памятной ночью.

— Я рад, что тебе приснился именно этот сон...

Мне слишком сильно захотелось сравнить сон с реальностью, так что в ответ я протянула руку к шнурку, связывающему кончик его длиннющей косы. Одним движением разорвав надоедливый кусочек кожи, наконец, освободила непослушную гриву. Кхай с улыбкой наблюдал за моими действиями.

— Ты всегда была равнодушна к моим волосам.

— Ммм, воспоминания не обманули. Они живые.

Кхай вновь склонился, укутывая в бесконечное море ласки.

— Они оживают только рядом с тобой, тсани.

Мой преследователь меня больше не пугал. Потому, что я вспомнила. Не все, но достаточно для того, чтобы не бояться вороньего карканья, не пугаться тени за спиной, а знать, твердо знать, что он всегда будет рядом, всегда поймет и примет меня.

Ведь я возвращаюсь только к нему.

Глава 18. Послание. Лаит. Аэль

Что такое боль? Боль — это не более чем набор импульсов, сигналов, вопль разума о нарушении физической оболочки. На самом деле боли нет, есть только проекция переживаний отдельно взятой части тела, так что если уговорить разум не паниковать, то никакой боли не будет, лишь осознание вреда и готовность к действиям.

Впрочем, есть такая боль, которую хочется испытать до последней капли. Говорят, у некоторых центры боли и удовольствия смешаны, накладываются друг на друга. На самом деле, мы все не против нескольких секунд острых ощущений на пике возбуждения. Это как добавить особых специй к мясу. Можно обойтись, но с ними вкусней. И как среди обычных людей есть гурманы, предпочитающие пищу поострее, так и среди нас есть те, кто любит чуть больше боли, чем от пары царапин.

А есть те, кто боль любит причинять. Те, у кого мурашки проходят по коже, если они случайно или намеренно ранят других.

Я думал, что знаю все о боли. Я люблю специи. Но сегодня мне открылись две грани боли, изменившие мою суть.

Ночью. Ночью я окончательно потерял себя. До последней капли отдался во власть тех чувств и ощущений, в которые меня затянули ее губы и руки, а когда ласки стали острее тех, к которым я привык, желания возражать не нашлось. Наоборот, меня пронзила острая необходимость довести начатое до логического завершения — умереть от ее руки. Близость к порождению чистого Хаоса помутило рассудок и пробудило неестественную потребность к самоуничтожению? Может быть, но я не был против тогда, не чувствую неправильности произошедшего и сейчас. Если бы я умер этой ночью, смерть моя была бы лучшим, что со мной произошло за всю жизнь.

Утром, относительно, конечно, учитывая вечный сумрак из-за тени пирамиды. Утром я вернулся в комнату после краткой, но содержательной беседы с одним из Воров. Вернулся, чтобы получить второй урок боли. Оказывается, все же есть реальная боль. Та, которую нельзя уговорить, та, что прожигает насквозь и не дает сделать вдох. И ты просто смотришь, смотришь не в силах отвести взгляд, хотя с каждой секундой волны боли все больше, все выше. Цунами ревет в голове, бьется кровью в висках, все нарастает, пока не смывает окончательно все мысли. Тогда боль, наконец, отступает и на ее место приходит пустота. Пустота, которую ничем не заполнить.

Наверное, все из той же потребности к самоуничтожению, я стоял в дверях и продолжал смотреть на то, как моя тсани купается в вождедении другого.

Ревность? Ревность это когда пытаешься уберечь принадлежащее тебе от чужих посягательств. Аэль никогда не была моей. Мне хотелось, чтобы она действительно стала тсани, той любовью, что Отец дарует лишь однажды. Ночью мне показалось, что это произошло. Но Вор сказал правду. Причиной всему сон на грани. Ночью она была не со мной, она была с... Кхаем. Теперь я это вижу более чем четко. Обычно правду легко не замечать, но это не тот случай.

Жестокое послание придумал Самех. Очевидно, Кхай их здорово раздраконил, раз они решились на такое. Хотя... Аэль лишь разыграли, даже не подставили, а я... я, похоже, расходный материал в этой Игре. Меня можно просто не принимать в расчет или очень точно использовать.

Что ж, могут заблуждаться и дальше. Я свой выбор сделал.

Аэль.

Вставать не хотелось, но желудок настойчиво требовал обратить внимание на свои страдания. Играя с черными прядями, я все отчетливее представляла себе чудесный омлет с сыром и помидорами... Да, иногда насущные потребности способны разрушить любой романтический настрой.

— Не смотри так на меня.

— Мм, ты, о чем?

— Я могу принять твой взгляд как предложение к продолжению. Хотя прекрасно понимаю, что твой живот вовсе не меня жаждет.

Ага, так я и знала. Никакого такта, зато море иронии. Спасибо хоть не злой.

— Видела бы ты свое лицо. Прямо батальная сцена между двумя фундаментальными мыслями.

— Завтрак или секс?

— Хм, когда ты так призывно сверкаешь глазами, ответ уже не столь очевиден.

Лукаво улыбаясь, он склонился, опираясь на согнутую руку и с видимым удовольствием разглядывая мое тело. Тяжелая ладонь легла на мой живот, немного шершавые пальцы вывели странный символ, смутно знакомый, я уже было хотела полюбопытствовать, как Кхай вынырнул из своей секундной задумчивости и с еще более дерзкой улыбкой выбил и меня из расслабленности:

— Как бы мне ни хотелось провести всю отпущенную мне вечность с тобой в одной постели, нам все же нужно спуститься вниз. Да и вообще пора заняться делом.

— Делом?

— Ну, судя по тому, что Лаит заходил, переговоры с Вором он закончил.

— Так. Слишком много информации в одном предложении. Мой ограниченный разум не способен принять все и сразу. Лаит заходил пока мы тут с тобой...?

— Да.

Бездна.

— И ты ничего мне не сказал?

— Если ты не заметила его приход, довольно долгое стояние у дверей, значит, ты была чересчур увлечена.

Бездна и все саа'ле в одной месте. Видимо все произошло, когда я в очередной раз качалась на волнах забытья. Не хочется даже думать о выяснении отношений с Лаитом. Разговор предстоит или долгий и изнуряющий, или короткий, но крайне эмоциональный. Как сторонник быстрого снятия пластырей, я за второй вариант. Лаит не виноват в случившемся, если уж кто и накосячил, так это я — нефиг было строить из себя неведомо что. Заигралась. Пусть мне не свойственны такие шлюшные порывы, но и перекладывать вину на других не в моих правилах.

— Хорошо. Вернее, ничего хорошего, но с первой порцией информации мы разобрались. Теперь про Вора и переговоры.

— Да ничего сверхъестественного, просто внизу я встретил Лаита, он как раз переваривал известие о том, что ночью ты была, скажем так, не до конца в этой реальности.

Вот именно тот момент, что не давал покоя — все не так однозначно.

— И это ему сообщил Вор?

— Если еще не вспомнила, то освежу знания — одна из особых способностей Воров это умение влиять на восприятие реальности. Видимо, он не смог тебе ничего навять напрямую, зато смог изменить степень воздействия сна на тебя спящую. Проще говоря, он несколько размыл границы между сном и явью.

Так, что-то не сходится.

— Подожди, если ты знал, что ночью я была под воздействием Самех, почему ты тогда так разозлился?

Кхай поморщился.

— Я же не знал, что именно тебе снилось. С тем же успехом сон мог быть и не обо мне. Я вообще не думал, что это не созданный сон, а сон-воспоминание.

— Мне давно уже не сняться обычные сны. Это началось еще с Упорядоченного.

Его задумчивый взгляд надолго задержался на моем лице.

— Значит, скоро ты все вспомнишь.

— Не раньше, чем обрету все Регалии.

— Да, конечно.

Лаит действительно ждал нас внизу в компании некоего таинственного субъекта. Таинственного от того, что незнакомец был закутан в длинный темный плащ. Капюшон скрывал почти все лицо, я уже было подумала, что это Учитель Дома Проводников, но хаосит не подходил по комплекции — был выше и тоньше. Нравятся им эти капюшоны, у них, что мода такая?

— Ясного солнца влюбленным.

Мне показалось или в голосе Лаита не было и тени чувств? Совсем. Как будто он говорил с кем-то малознакомым, вежливость и только. Похоже, план с пластырем не пройдет. Печально.

— И вам ясного солнца и спокойных дорог.

Кхай тоже убийственно вежливый. Прямо урок хороших манер и, кажется, Вор собирает его продолжить:

— А прекрасная гостья Самех'Ра ничего не пожелает одному из его хозяев?

Подловить хочет? Зря, все же две из восьми Регалий у меня есть. Мало для полноценных воспоминаний, но достаточно для таких мелочей.

— Глубоких вам теней, уважаемый.

— Глубоких теней. Можно было бы принять за оскорбление.

— Разве это оскорбление пожелать вам удачных обстоятельств в предстоящем деле?

— Предстоящем деле? Поговорим и о нем, но сперва я думаю, вы будете не против позавтракать. Сны иногда отнимают слишком много сил.

Ах ты, гаденыш. Сделал пакость и радуешься? Зря, в моем черном списке места хватит на всех саа'ле.

На какое-то время содержательный разговор прервался, что было мне на руку — кушать хотелось невероятно. К сожалению, омлета нам не дали, зато были свежие булочки с чем-то напоминающим клубничное варенье. Под местную вариацию на тему чая сдоба разлеталась на ура. Лаит продолжал вести себя, будто ничего не произошло. Ни ночью, ни утром. Завидую его выдержке, на его месте я бы уже чистила когти после кровавой расправы, а он сидит и с непроницаемой миной лопает булочки. Или я чего-то не понимаю, или таки не понимаю.

— Лаит, ты не попросишь принести еще булочек?

— Конечно.

Пока он выманивал из-за стойки дородного трактирщика, я все пыталась понять, что конкретно с ним происходит. Неужели ему действительно все равно? То есть прошлая ночь до такой степени ничего для него не значила, что ему было безразлично видеть нас с Кхаем? Поймав себя на этой мысли, я не могла не подумать о типичности так называемой женской логики — ждала скандала, страшилась его, хотела избежать, а когда скандала не случилось, когда мне великодушно дали соскользнуть с крючка, мечусь в недоумении. Как же, задета моя гордость — на меня опять наплевали. Просто чудесно. Мало мне сложностей и опасностей, связанных с моим положением, с поисками Регалий, так еще и эмоциональные войны на мою голову? Нет уж, спокойно детка, ну и Бездна с ним, не реагирует мне же лучше, значит, будем вести себя так, словно этой ночи не было.

— Вот и перекусили, а на десерт мне хотелось бы услышать к чему вы с Лаитом пришли.

— Ваш уважаемый Проводник рассказал мне о сути вашей проблемы, а не менее уважаемый Тана Шин очень настойчиво намекнул на необходимость сотрудничать...

Судя по холодному блеску изумрудных глаз, Кхай готов еще раз «намекнуть», но Вор не дал ему такого шанса:

— Но у всего есть цена. За Заказ нужно заплатить.

— Назовите.

За что мне нравится Лаит, так это за лаконичность. Все же нравится? Бездна, не время отвлекаться.

— Цена, которую вы заплатите. Все, что мне нужно, так это сопровождение в виде вас, уважаемая Реш.

— Сопровождение куда?

— В сокровищницу Дома Самех, конечно. Где же еще быть Регалии?

Неожиданно и крайне непонятно. Самех отдают Регалию, ставят крест на собственном участии в Игре, а в качестве цены просят зайти туда главного заказчика?!

— И какую награду назначили участники Игры?

— Уважаемая, вы думаете, что я хочу заманить вас в ловушку?

— Я в этом уверена.

Вор хмыкнул, откинулся на стуле и замолчал на долгих пять секунд.

— И все же вы сделаете, как я скажу.

— Я похожа на самоубийцу?

— Нет, вы похожи на того, кому отчаянно нужно обрести некий предмет. Без меня вам этого не сделать.

— Мы всегда можем найти другой вариант решения проблемы.

— Не получится. Иных вариантов решения тоже нет. Не смотрите так, Тана Шин, знаю, что вы недовольны, но Тана Самех сказал.

— Как же ваш союз с остальными Домами? — этот вопрос волновал меня с самого начала разговора.

— Боюсь, что союза больше нет.

— Даже так? Почему?

— Разошлись во мнениях, — и долгий взгляд из-под капюшона в сторону Кхая. — Итак, вы согласны на мою цену?

Торопит с решением, оно и понятно. Непонятно только, что делать. Впрочем, к чему

раздумья — Регалия мне нужна, очень нужна.

— Лаит, что ты скажешь?

Проводник пожал плечами.

— Тебе решать и тебе оплачивать сделку.

— Но ты тоже думаешь, что это ловушка?

— Однозначно.

Вот так просто. Признает, что меня заманивают на плаху, но меж тем спокойно отпускает.

— Кхай?

— Конечно ловушка, но Регалию следует добыть любой ценой.

А он прав. Зачем я спрашиваю их совета, если уже точно решила, что пойду? Несмотря на явную опасность и глупость затеи. Вор даже не отрицает, что это ловушка, но может в этом и суть? Может быть это действительно ловушка, только совсем не такая, как мне представляется? Не узнаю, пока не попробую.

— Хорошо, цена будет уплачена.

Я буквально почувствовала, как довольно ухмыляется Вор под своим капюшоном.

Глава 19. Украсть у вора. Аэль

Мы стояли в тени деревьев у подножья пирамиды. Сказать, что она была большой, значит обозначить свое неумение видеть вещи. Пирамида поражала воображение своим величием. В нормальном мире ее, наверное, не смогли бы возвести. Никакого инженерного и архитектурного гения не хватило бы, чтобы рассчитать ее строительство. Пирамида Хеопса? Игрушечный домик рядом с этим гигантом. Неудивительно, что отбрасываемая ею тень, накрывала добрую четверть города. Конечно, странно, что накрывала исключительно одну четверть, но мало ли, что было странным в Первозданном?

Например, готовность Вора украсть у своих вещь, которая способна привести к разгрому Самех в текущей партии Игры, а мы готовились именно выкрасть. Из обрывков фраз и многозначительно молчания нормальной картины не сложить, но по всему выходило, что конкретно этот Вор впечатлился «уговорами» Кхая и решил пойти против решения Совета Старейшин Дома Самех, который все не мог определиться кто страшней — Кхай или Коф. Мне бы насторожиться, но... это был еще один из тех случаев, когда раздумья могут быть опасней действий.

Логично предположить, что мне устраивают ловушку. Вот только зачем так сложно? Дом Воров уже знал о том, что я в городе, о чем недвусмысленно было заявлено наведенным сном. То есть, в любой момент меня могли сдать Созидающим и иже с ними, и поймали бы тепленькой еще вчера, во время беготни по городу. Или вытащили бы из постели Лаита, вот было бы веселье...

— Ну что, готова к подвигам?

Мы уже были на «ты», но себя он так и не назвал, ответив почти в духе фразы «что в имени тебе моем».

— Цель вижу, в себя верю, но все еще не могу понять твои мотивы.

— И долго ты будешь пережевывать одно и то же? Хорошо, если я тебе пообещаю, что уже сегодня ты получишь третью Регалию и вернешься к своим спутникам, это тебя успокоит?

Забавно.

— Почему ты не дал подобного обещания раньше, перед Лаитом и Кхаем?

— Из-за Кхая, он не должен знать, о том, что произойдет в пирамиде.

— Из-за Кхая. Значит Лаиту я смогу рассказать?

— Лаит твой Проводник, он не только может, но и должен знать, обо всем, что с тобой происходит. Повторюсь — обо всем.

На что он намекает? Лаит и так знает обо всем, даже о том, что мне хотелось бы скрыть или, по крайней мере, не так явно показать.

— Ладно, значит проблема в Кхае. Не буду даже спрашивать, почему он не должен знать...

— Хорошо, что не спрашиваешь, я не имею права ответить, да и ты сама скоро все поймешь.

Вот так, Вор что-то знает, что-то важное о Кхае, но мне не скажет. Уловка? Попытка нас поссорить? Зачем? Опять одни вопросы и почти никаких ответов.

— Допустим, а о том, что меня ждет в пирамиде, ты мне скажешь?

— Нет. Не хмурься, так будет интересней.

В голосе Вора явно сквозили смешинки. Говорю же — мелкий, вредный саа'ле.

— Идем, но сперва накинь вот это.

С этими словами Самех протянул мне свернутое нечто. Нечто оказалось таким же темным плащом, как и у него.

— Только не говори мне, что мы пройдем через центральный вход среди белого дня...

— Во-первых — белый день, как ты выразилась, тут круглосуточно. Во-вторых — да, через центральный вход. Запомни на будущее, если вдруг решишь вступить на Путь Вора, в темноте и прячься, воруют только дилетанты. Мастера же все делают с шиком и блеском, наплевав на условности ремесла.

— И у них это получается?

— На то они и Мастера.

— Ну, тогда вперед на подвиги.

И мы пошли к центральному входу. Верх идиотизма. Белизна отделки пирамиды слепила глаза, отражая свет трех солнц, поэтому полумрак за дверями центрального входа оказался несколько дезориентирующим. Как и полное отсутствие какой-либо охраны у этих самых дверей.

— Заходи не бойся, выходи не плачь?

— Что-то вроде того. Попрошу тебя помолчать, пока я не дам знать. Идем. Ничему не удивляйся, ничего не бойся, ты моя тень и не более того.

Изнутри пирамида была совсем не похожа на своих египетских сородичей. В тех строениях тесно, душно, затхло. Тут же были высокие и широкие коридоры, стены которых были сплошь покрыты... знакомыми символами. Итак, и египетские иероглифы имеют хаоское происхождение. И почему меня это не удивляет?

Казавшийся бесконечным коридор все петлял и уходил дальше вглубь пирамиды. Периодически слева или справа появлялись двери, почему-то разных размеров и форм. То есть совсем разных — были и маленькие дверки, куда с трудом смог бы протиснуться крупный хаосит, были и огромные двери, рассчитанные на тех же гигантов, что строили эту пирамиду. Двери были из простого железа, без рисунков и чеканки, или покрытые золотом и целыми картинами разноцветных иероглифов, деревянные и даже из темного стекла, квадратные и округлые, или вообще какой-то неопределенной формы. Очень хотелось спросить Вора об этой необычности, но запрет на разговоры все еще не был снят. Наконец, мы остановились, пожалуй, у самой обычной двери из всех встреченных: прямоугольная, из дерева, покрытого незатейливой резьбой, раскрашенного на скорую руку, где-то краска даже облупилась. Ага, однозначно самая важная из всех — если Воры за подобной простотой хотели что-то спрятать, то они явно просчитались, именно это и бросалось в глаза.

За дверью открывался зал невообразимых размеров, как я не пыталась рассмотреть из-под капюшона, потолок мне так и не удалось найти, стены уходили вдаль, еще чуток и можно было бы сказать, что за горизонт. Как ни огромна пирамида, этот зал просто не мог находиться внутри, особенно с учетом бесконечного коридора. Впрочем, чему я удивляюсь — в Первозданном законы Порядка не всегда работают, а если и включаются, то их взаимодействие с окружающим миром невозможно предсказать.

По всему залу разливался призрачный свет, исходящий от непонятного источника, откуда-то из темноты того, что должно было быть потолком. Что там, на дальних стенах было не разглядеть, а у входа они были покрыты старинными гобеленами с причудливыми сюжетами — кто-то за кем-то гнался, какие-то руины, города, кого-то там убивали. Стоп.

Убивали Зверей или... Метаморфов. Стены, по крайней мере, ближние, рассказывали об уничтожении Дома Реш.

От созерцания картин меня отвлек Вор, грубо потянув за рукав и даже удостоив одного короткого слова:

— Потом.

И мы пошли к центру комнаты, где возвышался круглый постамент, а на нем... на нем лежал еще один браслет, правый. Я еще не могла его увидеть, но уже чувствовала, что он там, совсем близко и буквально рвется ко мне. Сейчас, мой родной, сейчас я тебя заберу.

Я не помню, как мы дошли до постамента, кажется, мы обходили какие-то ловушки, что-то там Вор отключал, через что-то проводил меня каким-то странным способом. Все это было неважно, важное лежало там, и оно тянуло меня словно магнитом. Первый раз Регалия кричала так громко о своем желании. Видимо дело было в совокупности причин — с одной стороны, чем больше частей облачения было у меня, тем полнее и ярче становились не только мои воспоминания, но и чувства и ощущения. С другой стороны, эта Регалия оказалась без непроницаемой защиты черного куба. Так или иначе, громкий шепот браслета буквально сводил с ума. Постамент, секунда и браслет уже на правой руке. Такой похожий и в тоже время настолько отличающийся. Левый браслет был сделан в форме дракона, обнимающего руку хвостом и крыльями. Правый браслет вился длинной змеей вокруг второй руки. Оба были из какого-то темного метала, поблескивающего серебристыми всполохами. Оба браслета отличались удивительной внимательностью к деталям: у дракона была видна каждая чешуйка, каждая складка на кожистых крыльях, по спине змеи струилась причудливая вязь то ли символов, то ли просто бессвязных знаков...

... Мудрость Дракона идет от сердца, хитрость Змеи от разума...

Да, именно так — Соле'Маан и Набиле'Тхач. Единственные советники, которых должна слушаться Старейшая — Сердце и Разум.

— Итак, ты все же поступил вопреки принятому решению?

За нашими спинами, у первых ступеней возвышенности стояла группа из семи Воров, все они были закутаны во все те же плащи.

— Ты нарушил приказ Тана Самех.

— Ты пошел против Карты Дома.

— Ты оскорбил союз Играющих.

— Ты провел чужака в Сокровищницу.

— Ты Вор, укравший у Воров.

Последнее обвинение прозвучало как приговор, а «мой» Вор спокойно стоял возле постамента, скрестив руки на груди, будто вовсе не над ним проводился скорый суд.

— Пятеро меня обвинили, но двое еще молчат. Паруф, Дикай, что скажете вы?

— Ты пошел против Тана Самех, но и ты Тана Самех, значит, ты преступил и через себя. Без веской причины такие поступки не совершаются.

— Паруф, ты стар и мудр и видишь истину. Свои причины я назвал на собрании Тана, разве их недостаточно?

— Ты спелся с врагами! Поддался на запугивания...

Немного истеричный вопль одного из обвинителей прервал названный Паруфом и для этого ему не пришлось даже поднять голос:

— Они вызывают веские сомнения в той истории, что нам скормили, но их недостаточно для того, что ты сделал.

— Паруф, ты же действительно знаешь правду, или, по крайней мере, ее часть. Именно по твоему приказу гобелены были украдены из Дома Коф. Не хочешь сказать Тана почему?

Из-под капюшона того, раздался старческий, дребезжащий смешок:

— Все ты разнюхал и про гобелены тоже... Ну что же, не буду отрицать, я считаю, что ты поступил правильно. И на собрании Тана мой голос был отдан не за то решение.

Старик сделал несколько шагов и оказался возле нас на возвышенности. Может еще не все потерянно. «Мой» Вор перевел взгляд на другую фигуру:

— Дикай, ты самый молодой из нас, но и самый талантливый. Ты воздержался от голосования на совете Тана, молчишь и сейчас, почему?

Вместо ответа молодой Вор поднялся к нам, но подошел не к своим братьям, а ко мне. Встал на колени, склонил голову и протянул ко мне руки:

— Тана'ле, тебе возвращено принадлежащее по праву. Не все мои братья погрязли во лжи отступников, учти это на Последнем Суде.

Сцена была дикой до крайности, вокруг происходило то, чего я практически не понимала, но что-то заставило меня взять протянутые руки и нарушить молчание, слова пришли сами, всплыли из глубин памяти:

— Самех' Дикай твои слова услышаны, твой поступок принят. Я буду тебе тана'ле и что бы ни случилось на Суде, Бездна прибудет вечно.

Вор крепко сжал мои руки, поднялся на ноги и встал немного впереди, как бы закрывая меня от пятерых Самех, стоящих у подножья.

— Итак, абсолютного большинства нет. Пятеро против четверых.

Один из пяти решил подать голос:

— Четверых? Зот, уж не считаешь ли ты Карту Дома Мейн достойной заменить Тана Самех?

Вопреки ожиданиям ответил ему Паруф:

— Нисет, ты видимо плохо учил историю Дома и еще хуже знаешь Уложения Тана. В собрании Тана должно быть участников по числу Домов, и раз Домов вновь девять, значит и Тана Самех должно быть девять. В отсутствие других кандидатов, Реш'Аэль не только может, но и обязана занять эту должность.

Паруф повернулся ко мне:

— Реш'Аэль, прошу принять временное бремя Тана Дома Самех. Завтра же будет избран постоянный девятый Тана, но на этом импровизированном собрании его место должны занять вы.

Мне ничего не оставалось, как утвердительно кивнуть. А Зот тем временем решил продолжить:

— Итак, пятеро против четверых, значит, обвинение не проходит. Действие признается правомерным. За сим собрание объявляется закрытым.

— Голос сказал, — Паруф.

— Голос сказал, — Дикай.

Настала моя очередь:

— Голос сказал.

Наступившая пауза была прервана первым, признавшим свое поражение:

— Голос сказал.

За ним и остальные согласились с положением дел, но все же уходили мы из пирамиды с большой осторожностью. Трое Воров зажали меня в подобие «коробочки» и скоро проводили за пределы сокровищницы. И только возле таверны, наконец, остановились. Зот повернулся ко мне:

— Реш'Аэль, заказ выполнен — цена уплачена. Все прошло согласно обещанному?

— Да, хотя многое мне еще непонятно.

— Ответы придут со временем. Пока же я прошу запомнить, то, что сказал Дикай — не все безоговорочно верят в ту правду, что нам навязывают. Похоже мой юный друг знает даже больше нашего с Паруфом, раз он заговорил о Суде и смягчении наказания. И раз решился назвать тебя тана'ле.

— Это бремя, которое я буду рада принять.

— А Дом Самех рад, что Бездна под защитой. Но Дикай не последует за тобой. Если ты не против, он займется дальнейшим выяснением деталей произошедшего.

— Еще недостаточно частей моего «я» вернулись на место, потому не могу в полной мере исполнять обязанности тана'ле, так что до обретения всех Регалий, Самех'Дикай остается в распоряжении Дома Воров.

Трое в плащах коротко поклонились, а Дикай вновь завладел моими руками, приложил их к своему склоненному лбу:

— Бездна пребудет вечно, а я вечно буду ждать твоего возвращения, тана'ле.

Глава 20. Перекрестки. Кхай. Аэль.

Было немного забавно наблюдать за метанием моей тсани, она так выразительно косилась то на Лаита, то на меня, что смех так и рвался наружу. Ей непонятно, почему я не ревную, а мне не ясно как можно ревновать ту, что навсегда стала моей? Ту, чья любовь проходит сквозь миры и время. Даже если она была с юным Мейн, что с того? Он лишь песчинка на ее Пути, лишь краткий миг вечности, да и то, наведенный чужой силой. Но все же стоит признать, что и Лаит повел себя совсем не так, как можно было предположить. Взрослее, опаснее. Этот слой узора судьбы обещал много интересного, но сейчас было важнее другое.

Да, моя задумка удалась, у меня получилось внести раздор в ряды Воров. Дикай оказался приверженцем старой веры в Реш, а Паруф... Ушлый старик был словно затаившийся змей, и давно искал только повода сместить молодняк. Да и Коф он по какой-то причине сильно недолюбливал, даже как-то сподобился украсть у них гобелены, да без заказа — неслыханное дело для Самех. А вот Зот... Зот преподнес сюрприз, я совсем не ожидал, что он владеет древними способностями сноходцев, мне думалось что «воры снов» давно канули в Бездну, но нет, Самех'Зот доказал, что способен на многое — спутал мысли Аэль, погрузил в сон так глубоко, что она не смогла отличить его от реальности.

Красное, белое, черное. Ночь нашего безумия. Ночь, примирившая нас окончательно. Именно тогда я наконец понял, что на самом деле мне нет дела до смертных, а причина всей моей суеты лишь страх. Страх потерять мою тсани. Как только во мне окрепла уверенность в ее чувствах, все остальное отошло на второй план, стало лишь фоном, лишь едва слышным шумом.

Моя тсани, мое третье и единственно истинное сердце, мы снова вместе, даже если нас пока разделяют непроявившиеся осколки твоей памяти. Пока вместе. Что будет, когда ты вспомнишь все? Что произойдет, пока ты будешь вспоминать? Вдруг первыми придут не те воспоминания, что нужны и важны, а те... Те, что способны вновь возвести стену между нами.

А что будет, если ты вспомнишь о нашем замысле слишком рано? А что, если вспомнишь о Последней Беседе с Отцом раньше всего остального? Как сделать так, чтобы мозаика сложилась правильно, чтобы все кусочки загадки заняли именно свое место? Безумно хочется подтолкнуть тебя, намекнуть, направить по нужному Пути, но... Но на этот раз не я твой Проводник, и не чувствую верную дорогу, могу лишь надеяться и верить в удачный исход.

— И как мы попадем к Дзайн? — спросила Аэль, как только мы вышли на поляну в Междумирье после того, как спешно покинули Самех'Ра.

Расположение Воров вещь недолговечная, поэтому лучше было убраться, тем более что Путь звал мою тсани все настойчивее, требуя спешить за следующей Регалией. К Дзайн.

На закономерный вопрос у Мейна не нашлось ответа, неужели у него нет точки перехода на Четвертый Круг? Куда катится Первозданный?

— Лаит? — вновь потеряла его моя тсани.

Проводник нерешительно предложил:

— Я пока не знаю. Можно попробовать воспользоваться стационарным порталом...

— Да ты шутишь, должно быть! — моему удивлению не было предела. — Рад, что ты

так доверяешь мне и моим способностям, но даже, если мне удалось разрушить союз Домов, это не означает, что Коф и Цаде по-прежнему не жаждут нашей крови! Если ты не забыл, то стационарные порталы под контролем Цаде, вы сами отдали их им.

Лаит недовольно нахмурился:

— На то были причины...

— Ой, да ладно, причины! — прервал его я. — Отговорки. Вы просто сдались.

— Сейчас это неважно, — не очень аккуратно съехал с темы Мейн, — нужно понять, как пробраться к Дзайн мимо постов Цаде. И как быть там.

— С тем, что делать на Четвертом Круге и так все ясно. Аэль, ты пока этого не помнишь, но там у тебя есть друг... Ну или что-то в этом роде. Он поможет.

Моя тсани легко кивнула, и погладила правый браслет. Все верно, Змея должна была подтвердить правдивость моих слов.

— Лаит, если у тебя нет точки перехода, то вариант только один.

— Ты про Омут?

— А как иначе?

— Что такое Омут? — спросила Аэль.

— Очень странное место, — уклончиво ответил Проводник, — но другого Пути я не вижу.

— Станным меня уже не удивишь, — пожала плечами моя тсани.

Твоя беспечность и излишняя уверенность в соратниках уже не раз тебя губили, драгоценная, но ты продолжаешь совершать все те же ошибки. Впрочем, на этот раз твоя небрежность мне на руку. Омут есть и на моем Пути.

— Тогда решено, идем в Омут, — подытожил Лаит, чертя в воздухе символ портала, хоть переходить предстояло тоже в Междумирье.

Все верно, Омут именно там и начинался — в Мире-между-мирами, а вот заканчивался... Омут Забвения — это отрывок Сумеречного Болота, структуры намного более сложной, но об этом мало кто знает, и мало кто связывает эти два явления. Омут принимают за «червоточину», короткую дорогу между Кругами, а на деле... Вот это «дело» мне и нужно изучить, вот только проверить я все должен один, рано втягивать в это мою тсани.

Проследив за тем, как два силуэта растворились в Омуте, я начертил в вязком воздухе еще один символ, тот, который знали лишь избранные, и передо мной тут же рассеялся туман, обернувшись серебристой тропинкой в Пустоте.

Всего несколько шагов, и я уже стою у Двери, той, что так долго охранял. Уроборос все еще сжимает в своих кольцах Закрытый Мир Льдов, все еще давит на него и не дает времени вернуться в общую реку. С наложения заклятия прошло всего несколько месяцев, а сколько лет пролетело в Мире Льдов? Кто знает, но за это время Дверь претерпела серьезные изменения.

Будучи Крылатым, я мало интересовался делами охраняемого мира, но что-то долетало и до меня. Марак Ке Мейн. Последняя Смерть — ее я помнил, помнил, как она «заглянула ко мне на огонек» — и как задела меня своей силой. Вот уж истинная Дочь Дома Мейн, настоящая, полная некромантка, та, что способна шагать за Грань и открывать Путь Мертвым.

Ее рук дело? Из-за нее некогда белая дверь вся покрыта ядовито-зелеными разводами и трещинами? Это она стучится с той стороны? Или может быть...

Я вспомнил! Вспомнил! В Мире Льдов застряла не только Аллос, но и мой старый друг, Мейн Дасат, Гончая Смерти! О! Теперь становится понятным, откуда в Закрытом мире столь сильный хаосит, как Марак — она потомок Дасата. А два сильных некрманта...

Нет, даже они не смогли бы так повредить Дверь, ядовитая зелень их рук дело, но вот трещины и вмятины... Кто тогда? Аллос? Нет, у нее свой способ путешествия между мирами, Дверь ей не нужна, а нужны реки крови верноподданных, ну или кто под руку попадется для жертвоприношения на алтарях.

Кто? Кто разрушает Дверь с той стороны? И кто тогда прошмыгнул мимо меня? Я не могу вспомнить привкус его Искры, не могу уловить... Что-то явно знакомое, что-то давно забытое.[1]

Возможно, все же это именно тот Враг, о котором предупреждал Отец, и, если Дверь почти разрушена, то скоро через нее прорвутся не только старые друзья... Времени осталось гораздо меньше, чем казалось. Аэль нужно быстрее добраться до Регалий, а следом и до Храма.

[1] События из «Академии относительности».

Глава 21. Ежики в тумане. Аэль

По белой дороге, идя в никуда, шествует воин.
Без брони, без оружия, без коня, он один.
Он пришел из ниоткуда и уйдет в никуда,
Так было вчера, так сейчас, так будет всегда.

Туман стелился вязким облаком над озером и окрестностями. Звуки, запахи, сама реальность тонула в этой белесой бездне. Но дорога упрямо ныряла в нечто, и не было другого выхода кроме как следовать ее безмолвному призыву.

Оставался всего час до условленного времени, и я просто должна была успеть, во что бы то ни стало. Даже если ценой разума.

Где-то вдалеке раздался неразборчивый крик и Набиле'Тхах тревожно дернул хвостом, сжимая правое запястье еще крепче. Волнуешься, мой верный советник? Есть с чего.

Вопреки всяким законам и логике, туман забивался в нос влажными хлопьями, будто и не туман вовсе, а застывший снег. А может это и есть снег, кто его знает, да и какая разница — вода в воздухе, так или иначе. Это плохо, очень плохо, когда в Первозданном две стихии занимают одно место.

Голоса становились все ближе.

Мысли путались и норовили растечься таким же киселем, как и окружающий мир. Ощущение реальности все больше ускользало. Первым ушло чувство времени. Оно просто перестало быть. Потому что нет движения в тумане, а время есть движение. Следующим пропало пространство, то, что определяется направлениями. Нет верха, право-лево и вперед-назад в молочной пустоте.

Голоса уже шептали прямо в моей голове.

А потом стали уходить воспоминания. Как о плохом, так и о хорошем. И это было страшнее всего. Мне хотелось, чтобы воспоминания ушли! Насколько проще было не помнить всех сказанных слов, всех поступков, но вместе с тем, я все еще осознавала, что воспоминания — это неотъемлемая часть личности, без них нет понимания себя и своего места в мире.

А голоса украли все, что было.

Я рисковала остаться навечно где-то между. И не было у меня уверенности, что так не будет правильнее. Возможно, всем будет легче, если я не приду к сроку, не вернусь из. Разве ждет кто-то моего прихода? Нет, даже Вечной Странице рады больше, чем мне. Подчас она единственное избавление от кошмаров жизни, я же есть кошмар воплощенный.

В подтверждение голоса почти закричали, разрывая мне голову вспышками боли.

Мною и мне подобными пугают неокрепшие умы юных. Наши имена звучат как проклятья, и никто не знает, а главное не хочет знать правды — мы единственное, что стоит на пути гибели всех миров. Стоит ли вселенная Упорядоченных, да и сам Первозданный, наших усилий? Самый опасный вопрос из всех. Вопрос, на который я должна ответить если хочу выйти из тумана.

Голоса замолкли в ожидании.

Нет у них власти надо мной. На самом деле скверна белесого тумана не может меня коснуться, я неподвластна безумию Хаоса. Разве может сойти с ума, тот, кто и так вне себя?

Буквально. Мы же все не более чем Саа'Хаос — «осколки Хаоса». И потому нет тебе хода сумасшествие, можешь спать спокойно Набиле'Тхач.

Когда встречаются две стихии, одна из них обязательно должна победить, вернув Порядок в расколотую область Первозданного. Надо мной громко прокричала хаснеет'таро[1], заглушая последние крупницы шепота безликих. Спасибо тебе, спасибо за ветер, что подняли твои крылья, спасибо за ясную дорогу, и высокого тебе неба, вестница битв грядущих и прошлых.

Вышел ежик из тумана, вынул ножик из кармана. И куда нас завел этот Сусанин? Впору вспомнить мультяш «Ежик в тумане». Действительно, может покричать? Но не успела я набрать побольше воздуха в легкие, как за моей спиной раздался знакомый голос:

— Даже не думай. Мы уже на границе с владениями Дзайн.

Лаит собственной персоной. Подошел со спины, я почти почувствовала его объятья, но в последний момент он сделал шаг в сторону. Выборочная амнезия или единственно верная линия поведения? Сейчас в приоритете было иное:

— Где Кхай? Вы же шли рядом.

— Нельзя идти рядом в Омуте Забвения. Для каждого он свой. Кхай выйдет, когда будет готов.

Лаит говорил спокойно, даже равнодушно, тем самым еще раз подтверждая, что все не так просто.

— Было обязательно проходить через эту гадость?

— Это единственный доступный мне Путь с Третьего на Четвертый Круг, в отсутствие открытой точки портала, придется потерпеть некоторые неудобства.

— «Некоторые неудобства»? Не замечала раньше за тобой подобной любви к преуменьшениям — мы потеряли Кхая!

— Он не вещь, чтобы его потерять. Повторюсь — туман отпустит его, когда Кхай определится с тем, что для него важно в жизни. И важна ли сама жизнь...

Так, час от часу не легче. Похоже, мое видение было не плодом ядовитых испарений с местного болота, по недоразумению именуемого озером.

— Туман разумен.

Лаит пожал плечами.

— Спорный вопрос. Скорее нет, чем да. Туман — это некая совокупность теней тех личностей, что когда-то потерялись в собственном безумии. Маленький такой ад для малодушных, желающих уйти легкой дорогой.

Воистину ад. Теперь я вспомнила, то видение, оно тоже было воспоминанием. Как и сегодня, тогда из тумана не вышел один из моих спутников, самый молодой из нас. Для него это было чем-то вроде боевого крещения — первое настоящее столкновение с проявлением Истинного Хаоса. И он не прошел испытания, его затянуло обманчивыми обещаниями покоя. Он не понял, что туман не дает забвения, это ложь, жестокая игра Хаоса. Безликие обречены вечно помнить все, что с ними произошло, даже то, что они успели забыть, даже то, чего на самом деле не было. И помнят они только плохое.

— Ты прав, Кхай выйдет, он не расстанется со своей памятью.

— Ты так в этом уверена?

В голосе его прозвучала явная насмешка.

— Не зная всего, что хранит его память?

Верно — не знаю, но верю, что, несмотря на все, что могло с ним случиться, воспоминания обо мне окажутся важнее.

— Он выйдет.

Лаит кивнул.

— Хорошо, но ждать мы его не можем.

— Знаю. Он найдет нас.

— Это будет нетрудно.

Оставалось сказать только одно.

— Лаит, я видела хаснеет'таро и она не была просто частью воспоминания.

— Я слышал крик, но думал, что туман играет в игры... Что же, это хороший знак.

— Войны все еще верят в свой тотем?

— Да, не все так однозначно с их лояльностью. Они подчинились приказу Судей, науськанных Созидающими, и в Игре приняли сторону противников, но, как и среди Воров у них нет единства мнений.

— Думаешь, мы сможем договориться?

— Думаю, они сами предоставят нам лазейку. Тем более, что Кхай обещал тебе союзника.

Обещал, он многое мне обещал. И сейчас, и... тогда. Все больше осколков памяти складывались в ясные картины, но они мне совсем, СОВСЕМ не нравились.

Впереди показался выход из оврага. С двух сторон от просвета возвышались каменные статуи могучих воинов в полном боевом облачении Дома Дзайн. Именно такими я их помнила по давним встречам. Безукоризненно честные, с открытым взглядом, чистые и сильные душой и телом, Воины были аномалией среди хаоситов. Из всех возможных у них был только один недостаток — слепо следовать Законам. Так что меня не удивил их союз с Созидающими, а вот то, что они сохранили верность своему тотему — Ураганной чайке, Зверю Хаоса, вот это действительно заставляло задуматься. Честь и их понимание долга не позволят Воинам просто отдать нам Регалию, но Лаит прав — они постараются найти лазейку для нас.

Интересно, что же произошло такого, что заставило пошатнуться непоколебимых Дзайн?

За выходом из Долины начиналось Плоскогорье Ветров — каменистая и безжизненная равнина, уходящая за горизонт. Где-то там, на краю безграничного, возвышался горный массив Пха'Шантале — Гордость рода. Это название всегда вызывало у меня невольную улыбку, уж больно двусмысленно оно звучит в применении к вздыбившимся махинам камня.

— Если мне не изменяет память, до Пха'Шантале, что-то около двух недель конного пути?

Лаит усмехнулся.

— Пешком мы не пойдем.

— Да? У нас есть транспорт?

— У нас есть ты.

Уж не удумал ли он меня опять использовать как ездовую лошадь? Ну, точно — ежик и лошадка.

— Тебе не кажется это наглостью — садиться на спину даме?

— А при чем тут спина? Ты понесешь меня в когтях.

Когти? Какие в Бездну когти? Разве что...

— Надеюсь, ты не боишься высоты, и не страдаешь воздушной болезнью.

— Ничем я тебя не испачкаю.

Молодец, намек понял.

Что нужно для того, чтобы стать Зверем Хаоса? Нужно им родиться. Я же была рождена не просто Метаморфом, но Тана Реш, и могу обернуться любым Зверем. Теоретически. Ни саашат, ни дасат, ни луве не вызвали ни малейшей заминки, но как стать птицей я просто не знала.

Лаит заметил мои затруднения.

— В чем проблема? Ты же видела хаснеет'таро в полете.

— Видела.

— Разве этого недостаточно?

— Обычно достаточно.

— Что необычного в чайке?

— Она летает.

Лаит рассмеялся, немного скованно, но это было лучше показного равнодушия.

— Понятно, ты не помнишь, что значит летать. Разве тебе не снились полеты?

— Снились, но как в обычных человеческих снах, я просто отрывалась от земли и вроде как плыла в воздухе.

Проводник задумчиво оглядел меня, прикидывая что-то, а потом кивнул своим мыслям:

— Тебе нужно вспомнить, что значит летать на крыльях. Обратись к своему прошлому, однажды тебе уже удалось отыскать нужное воспоминание.

— Ты предлагаешь мне поспать посреди дороги?

— Ну, я думаю тебе пора прогрессировать — на этот раз вызови память вне мира снов.

Легко сказать. Попробовала закрыть глаза и думать о хаснеет'таро, в надежде, что это станет триггером для памяти, но вместо чайки в голову упорно лезли мысли о Лаите. Обо мне и Лаите. Обо мне и Кхае. Твою ж мать, почему, почему все не может быть простым и ясным?! Почему нельзя просто любить и быть любимой? Почему всегда есть «обстоятельства»? Я лишь смутно помню, что связывает нас с Кхаем, я не знаю, связывает ли нас хоть что-то с Лаитом. Он рядом, но ведет себя столь спокойно и отстраненно, что мог бы с таким же успехом быть на другом краю Веера.

Я боюсь взглянуть на него прямо, боюсь задать интересующие вопросы, и нет не только потому, что страшусь быть отвергнутой, скорее меня пугает вероятность наличия чувств. С его стороны. С моей стороны. От этого все станет в стократ сложнее. Хотя, куда уж более...

Мой личный любовный бермудский треугольник, в котором пропадает моя решимость и чувство правильного.

Косой взгляд из-под ресниц подтвердил, что Лаит по-прежнему пристально на меня смотрит, и в его глазах цвета индиго именно того оттенка, что выдает совсем не... вертикальные мысли.

Нельзя! Не место, не время, не тот хаосит.

Ураганная чайка — вот о чем мне стоит подумать.

Птица крупная, это мягко говоря. Размах гигантских крыльев может достигать и пятнадцати метров. Несмотря на свои габариты, хаснеет'таро легко взлетает, будто и не весит почти тонну. Вообще птичка пугает не только размерами, она вся создана для разрушения — стальной, без метафор, клюв, острым мечом венчает небольшую голову с умными, черными алмазами глаз. Перья, серебристые, с черной каймой, тоже кажутся

металлическими, но это, к счастью, обман зрения. Хотя по своей остроте они не уступают ножам, не хаоской заточки, но все же — хаснеет'таро способна срубить крылом хорошее, толстое дерево, а уж если она еще и клюнет... Очень мало доспехов могут выдержать ее прямую атаку, но если случится чудо, и щит или нагрудные пластины остановят удар, то одного взмаха когтистой лапы хватит, чтобы разрубить наглеца. Радует только то, что птичка в принципе не агрессивна и нападает, только защищая свое потомство, но о таких битвах ходят легенды. Недаром Дзайн почитают ее своим символом, вестницей победы.

Хорошо, но все эти знания никак не помогают вспомнить полеты...

— Спроси совета у своих браслетов, ты же говорила, что они разумны.

Его голос раздался до Бездны близко, но я удержала судорожный вздох, и даже не шелохнулась, лишь ответила спокойно:

— Ограничено разумны, но ты прав, попробовать стоит.

Набиле'Тхач, искушенность разума, помоги мне, открой глубины памяти, дай проникнуть в прошлое. Ответом мне была тишина и только на грани слышимости Змея прошептала «летают не силой мысли». И то верно, из этой парочки только у одного крылья.

Соле'Маан, мудрость сердца, помоги мне, пусть подхватит меня волна былых эмоций, дай вновь ощутить радость полета.

Дракон на левом запястье сверкнул глазами, и я потонула в их янтарном сиянии...

...Янтарная луна висела в черничном небе, над городом навсегда лишенном звезд — они бледнеют и прячутся, словно стыдясь своей неспособности затмить огни мегаполиса. Луна все еще борется с рукотворными реками света, большая, круглая, смотрит своим оранжевым оком на муравейник людей и не понимает, чем они тут занимаются, от чего столько суеты в ночную пору, когда всякий знает, что пора спать? Но ничего, скоро шум поутихнет, бесконечные дорожные полосы опустеют, и над портовой частью города наступит относительная тишина, нарушаемая лишь далеким гомоном никогда не спящего центра.

С крыши небоскреба открывается захватывающий вид. С моей склонностью любоваться любой красотой, природной, искусственной, классической и непонятной, на город можно смотреть часами. В хитросплетении улиц есть свое очарование — паутина разноцветных огней, яркие дорожки, пятна мрака и капли поздних прохожих. Ночной город прекрасен, но еще краше тьма, царящая за гранью портового освещения. Там, куда не достают отсветы города, раскинулось переменчивое полотно океана — бездна тьмы.

Это таинственное нечто завораживает, манит своим секретом. А секрет на самом деле прост — нужно сделать всего шаг, один только шаг с крыши, и я окажусь в объятиях извечной тьмы. Край так близко, он зовет, шепчет мне о том, как легко сделать шаг, и это действительно легко, и потому я не шагаю, а ныряю с обрыва, поддаваясь соблазну.

Миг свободного падения так быстротечен, но нельзя его затягивать и вспышкой боли за моей спиной раскрываются гигантские крылья. Выходить из пике так близко к земле не просто опасно, а самоубийственно, но что мне законы тяготения, если подо мной уже соленая свежесть океана? Я лечу так низко над водой, что когти моих лап вспарывают мокрое брюхо волн, но они не возражают, им нравится рассыпаться мелкими брызгами по моим крыльям. Ветер радостно кричит, зарываясь в перья, он знает, что я пришла прогнать его вечную скуку...

— О, а я даже не успел заскучать.

Лаит ехидничает — значит, время тут тянулось, как и во сне, ну что поделаешь, люблю

я смотреть на ночной город, да и полетать было приятно, а еще приятнее то, что теперь я смотрю на своего Проводника сверху вниз...

[1] Ураганная чайка (хаоский).

Глава 22. Гордость рода. Аэль

Большая часть Четвертого Круга представляла собой бесплодную равнину Плоскогорья Ветров. Пустошь тянулась на тысячи километров во все стороны от выхода из Омута Забвения, унылый, ничем не разбавленный пейзаж каменистого моря. Ничего живого до самых гор, ни растений, ни букашек... Где-то в глубине памяти тлело знание причин, но мне было откровенно страшно прикасаться к «черному ящику», почему-то Плоскогорье вызывало чувство вины.

Последние три часа полета давались тяжело и не из-за тяжести Лаита, его вес почти не ощущался, а именно из-за однообразия картинки подо мной. Водители засыпают за рулем, лошади могут дремать, продолжая движение, а вот если я усну, убаюканная монотонностью равнины, Лаит рискует не собрать костей.

Даже позабытая радость полета почти уже не возбуждала. Нет, сначала это был полный восторг — давняя мечта, исполнимая только во сне и в осколках возвращающейся памяти, полет заставлял мою кровь бежать быстрее, но все проходит, и за выбросом адреналина следуют усталость и апатия. Воздух больше не кажется мягкой периной, пеной ветров, нет, каждый новый поток все еще норовит подхватить меня под крылья и пронести еще дальше и еще выше, но усталость постепенно убивает всю радость. Дело вовсе не в нагруженных мышцах, о, для хаснеет'таро вообще не существует такого понятия, она почти всегда в небе, парит или в поисках добычи, или зорко следя за гнездовьем. Проблема в усталости разума.

Вдалеке показались пики Украинных Гор, значит цель близка — за их широкими спинами открывается массив Пха'Шантале, изрытый долинами, каньонами и оврагами. Дом Дзайн находится в одной из таких долин, гигантская пещера, уютно расположившаяся у подножья самой высокой горы. Вполне типично для Воинов.

Могу поспорить, что Внешний Дозор уже заметил мое появление. Вряд ли они догадались, кто именно пожаловал к ним в гости, но как только смогут рассмотреть ношу в когтях, моя личность больше не будет инкогнито. Надеюсь, стремительный полет не воспримут как нападение, но уж очень хочется, наконец, сменить удушающую скуку Плоскогорья, на живую красоту Пха'Шантале.

А массив действительно завораживал, совсем, как мелькало в воспоминаниях о прошлых визитах. Такое ощущение, что эту местность ваял безумный скульптор, впрочем, это недалеко от истины — Хаос всегда славился подобными творениями. Разной высоты, ширины, степени изрезанности, протяженности, горные пики тут и там возникали из общей мешанины скал и пропастей. На некоторых склонах, более пологих, буйной зеленью ползли пышные летние луга, пестрые от распустившихся цветов и пасущихся стад. Строгие очертания гор нарушались темно-зелеными елями и соснами, над ними бесконечным хороводом кружились птицы всех размеров и красок. Реки тонкими нитями или шумными водопадами струились, низвергаясь в туманные бездны подножья. словно в отместку мертвой равнине, массив хвастался феерией разнообразия жизни, и даже небо над горами было совсем другого цвета, не бледно серым, а ярко-голубым.

Но мне не дали далеко углубиться в прелесть горного мира, на одной из ближайших скал зажегся сигнальный огонек. Набиле'Тхач услужливо подсказала, что стоит прислушаться к пока еще просьбе Воинов и спуститься к заставе.

Дзайн любят камень и металл во всех их проявлениях, а главное умеют обрабатывать,

как никто другой. Все, что рождают горы, Воины превращают в истинные произведения искусства. Дозорная башня не была исключением — частично высеченная прямо в теле горы, частично сложенная из массивных блоков выбеленного камня, она возвышалась едва ли не вровень с верхушкой горы. Четкие линии строения нигде не прерывались излишними украшениями, однако высокие стрельчатые окна последних этажей все же обзавелись изящной кованой решеткой. В целом башня создавала двойственное впечатление — с одной стороны явное оборонительное сооружение, с другой — от кого и чего обороняться в мире, где память о последней войне почти полностью стерлась? Скорее всего, Дзайн таким образом просто отдавали дань сути своего Дома.

Дозорные зажгли сигнальный огонек на верхней площадке башни, благо здесь было, где приземлиться даже такой немаленькой птичке как я. Садилась, как могла аккуратно, но все же воздушная волна от взмаха крыльев сбила с ног ближайшего из Воинов, вскоре к нему на настиле присоединился и Лаит — ну что поделать, как могу, так и скидываю пассажира, я же не комфортабельный авиалайнер.

Сдавленная ругань пострадавших очень скоро затихла, растворившись в безмолвном восхищении Дзайн. Мною. Конечно, все понятно, они любят всякое проявление силы, а хаснеет'таро это просто воплощение мощи. Да, Ураганная чайка символ их Дома, но зачем же так пожирать глазами? То и гляди, все перья выщиплют и пустят на сувениры. Невольно возникает мысль — фанатичное поклонение подчас опаснее любой ненависти. Обернусь я обратно в первичную форму, от греха подальше.

Метаморфоза не сильно помогла. Безусловно, слепое обожание в глазах Воинов немного поутихло, а вот Лаит смотрел на меня... именно тем взглядом, от которого в животе порхают чертовы бабочки, и плевать на то, что я дала себе слово следовать принципу «ничего не вижу, ничего не знаю».

К счастью, от бури в стакане чувств отвлек один из Воинов, видимо старший по званию: — Дом Дзайн рад приветствовать высоких гостей на пороге Пха'Шантале.

Нервозность, вызванная взглядом Проводника, прорвалась неуместным ехидством:

— Так уж и рад, ну прямо весь Дом и самым высоким гостям?

Мой комментарий достиг цели, у старшего отчетливо дернулась левая бровь:

— Тана Рещ, просим простить за задержку в вашем Пути, но соизвольте выслушать меня.

Выдержанный и вежливый, даже завидно, а еще и догадливый, ну прямо находка для меня любящей выводить из себя именно таких стойких и правильных.

— Слушаю.

— Мне поручено передать вам послание от Тана Дзайн'Ире с просьбой о встрече.

— Предваряющей мое появление в Пха'Шантале?

Воин молча кивнул. Итак, предположения Кхая подтверждаются — Дзайн нашли лазейку и собираются ее воспользоваться.

— Надеюсь, пока мы ждем Тана Дзайн'Ире нам предоставят кров и ужин, дорога была длинной, — сменила я сарказм на вполне деловой тон.

— Безусловно, Тана. Прошу следовать за мной.

Внутри башни явно ощущалось присутствие магии Созидающих, однако не стоило беспокоиться, следы были старые, вековой давности — видимо Коф помогали в строительстве этой крепости. Так и есть, опять игры с пространством — башня внутри была значительно больше, чем казалось снаружи. Узкая винтовая лестница привела нас на

верхний, жилой этаж. Старший, назвавшийся Дзайн'Надал, провел нас с Лаитом в одну из просторных комнат и, пообещав доставить ужин, скоро удалился. Извечный минимализм Воинов нашел проявление и в убранстве этой комнаты, так что на двоих у нас опять была одна кровать. Ну, уж нет, повторения пройденного я не вынесу. Или нет... НЕТ! Об этом я думать не буду, НЕ БУДУ, шлюховатое ты чудовище!

Надеюсь, Тана Дзайн не придется долго ждать, иначе я вдрызг разругаюсь с собственным внутренним голосом, что навряд ли стоит допускать.

— Лаит.

— М?

Проводник, воспользовавшись моим замешательством, оккупировал кровать и, кажется, собирался нагло вздремнуть. Нет, это нормально? Я тут мучаюсь сомнениями, непонятками, двойственными желаниями, а он собирается отдыхать?! Нет уж!

— А я его действительно знаю.

— Кого? Тана или Старшего?

— Тана Дзайн'Ирэ.

Известие заставило Лаита приподняться на локтях. Черные локоны выбились из хвоста и так соблазнительно упали по обе стороны от лица, так интригующе расплзлись по плечам, свисая до самого покрывала... Зарыться бы в них руками, попробовать на ощупь, такие ли они шелковые, как кажутся, холодны ли как сталь? И эти бл*дские полные, розовые губы... Он что их только что облизал?

— Продолжай, — вывел меня из транса немного хрипловатый голос.

Продолжать? Что именно? То, что мне пригрезилось только что? Подойти, сесть рядом, провести ладонью по этим крепким плечам, пробежаться по завязкам у ворота, оголить ключицу, шею... Кажется, я все еще помню вкус его кожи, даже сквозь наслаивающуюся реальность сна.

Не время, не время для этого. Отвернувшись от соблазнительного зрелища, под предлогом заинтересовавшего пейзажа за окном, я ответила совсем не то, и не о том:

— Тана очень стар, даже старше Самех'Паруфа, он почти так же стар, как и...

— Как и ты? Я уже догадался, что твой возраст не исчисляется веками.

— На самом деле я не помню, сколько мне лет или веков, но дело не в этом, дело в том, что мы с Ирэ давние знакомые. Давние враги.

— Вот как... Интересно, получается это ловушка?

— Нет. Я помню, что мы с Ирэ враждовали, но еще я помню, что у него безупречное понятие чести. Он один из тех недругов, что делают только сильнее и мудрее. Так что, если он хочет поговорить, значит мы его, по крайней мере, выслушаем.

— Он твой Мира'алун'ниасат.[1]

— Да.

Лаит усмехнулся:

— Забавно будет посмотреть на твою противоположность, на того, кем бы ты возможно и хотела стать, но никогда не будешь.

— О, поверь, на Ирэ стоит посмотреть.

— Кто упомянул мое имя всуе? — раздалось рокошущим басом от дверей.

[1] «Обратная сторона зеркала», ритуальное звание «лучшего врага», того, кто иногда ближе друзей, кровник, чью смерть нельзя допустить (хаоский).

Глава 23. Другая сторона зеркала. Аэль

Тана Дзайн'Ирэ собственной персоной стоял у порога комнаты, но, даже не войдя внутрь, он уже занял почти все пространство. По меркам Дзайн он был просто статным, по сравнению с прочими хаоситами — огромным. Более двух метров, с внушительными плечами, в полном боевом облачении Ирэ вызывал легкую оторопь — истинное воплощение идеалов Воинов, во всех смыслах. И если на лице Самех'Паруфа время безжалостно оставило свои метки, то лицо Ирэ было как прежде просушенной ветрами маской вечности, без эмоций. Без эмоций, да не совсем, в голубых как небо глазах мелькнула затаенная вспышка.

— Не прячь счастье, враг мой, я тоже рада тебя видеть.

Вместо ответа Ирэ совершил нечто абсолютно ему несвойственное и от того неожиданное как приступ икоты — двумя шагами подошел ко мне, поднял со стула и крепко обнял своими ручищами. Ой, мамочка, роди меня обратно, если бы я не была Метаморфом, то из меня бы уже выдавили все соки, а так отделалась легким испугом.

— Ирэ, поставь на место, где взял, задушишь же, изверг.

Дзайн басовито рассмеялся, но просьбу выполнил. Как мало нужно для счастья, просто вздохнуть полной грудью.

— Ну, гордость рода, рассказывай, что у вас тут произошло, что ты так рад меня видеть?

Двумя короткими рыками Ирэ приказал принести чего вкусного и приятного на стол и всем выйти вон. Умеет командовать, мне бы так, чуть сама не вышла вместе с остальными.

— Аэль, скажи мне, как много ты успела вспомнить?

— Вопрос поставлен неверно. Я помню все, просто не все еще мне доступно, кое-что пока закрыто, но в случае надобности всплывает.

— Хорошо, что ты помнишь о падении Дома Реш?

— Почти ничего, только обрывки, которые никак не хотят складываться в целую картинку, но в тоже время достаточно, чтобы утверждать, что все было совсем не так, как о том рассказывают Коф.

Ирэ задумчиво покивал, потом перевел взгляд на Лаита и нахмурился.

— Мейн, ты не оставишь нас?

— Ирэ, он мой Проводник, он должен знать обо всем.

Дзайн тяжело вздохнул, но кивком согласился.

— Аэль, детка, я пока не могу тебе рассказать всего, ты права — все всплывет, когда будет в том нужда, но одно скажу уже сейчас — берегись Кхая.

Слова больно кольнули где-то в области сердец.

— Ты уже второй, кто предупреждает меня о нем, но в моей памяти нет ничего указывающего на предательство, только...

— Я все знаю, знаю, что было между вами, и что есть... Но все же будь осторожна, я лишь дам тебе намек — он не назвал тебе настоящего имени.

— Как Старейшая, я обладаю властью над именем, он не смог бы соврать.

— Он и не соврал, он просто назвал одно из имен, но не истинное.

— Это невозможно!

Только выкрикнув возражения, я поняла, почему меня так задевают слова Ирэ. Он говорил правду. Очень страшную, кошмарную правду. Правду, которая начиналась с одного факта.

— Он рожден не в Доме Шин.

— Молодец. Догадалась или вспомнила неважно, но в этом кроется самое главное — он рожден не в Доме Шин, но носит это имя по праву. Как и много других имен.

Бездна... Что-то в этом было, что-то созвучное с понятием катастрофа, апокалипсис и Армагеддон и все в одной простой мысли — Кхай носит имена разных Домов.

— Не напрягайся, не вспомнишь. Пока. Оно и к лучшему, Кхай тебе будет нужен, очень нужен.

— Вот как?

— Ты же хочешь получить Регалии? Причем сразу две?

— Сразу две? Только не говори мне, что и Судьи согласились расстаться с присвоенной Регалией без боя.

— А кто сказал, что без боя? Как раз, что с боем, да еще каким! Потому тебе и нужен Кхай.

— Он станет ее чемпионом.

Лаит решил присоединиться к беседе, но и я уже догадалась, о чем идет речь, вернее Набиле'тхач приоткрыл еще немного дверь в кладовую памяти. Как уже говорилось, Дзайн свято блюдут все возможные законы, традиции и обычаи. Именно в их непоколебимости будет наша удача.

— Забавно, что Тхау готовы присоединиться к вашей задумке.

— Хочешь верь, хочешь нет, но Дом Тхау не враг ни тебе, ни всему Дому Реш. Открыто они не встанут на твою сторону, но сделают все возможное для твоего возвращения.

Вот так новость. У меня уже стал возникать законный вопрос — а кто вообще был против Дома Реш? Сперва я думала, что все, что даже наши союзники нас предали, а теперь оказывается, что не только Дзайн, но и Тхау втихую пытались противостоять Коф?

— Ирэ, я перестаю понимать происходящее — на маскараде Дома Шин на меня совершают почти удавшееся покушение, а теперь все участвующие Дома по очереди мне заявляют, что чуть ли не болеют за меня? Только мне кажется, или у хаоситов в последнее время все совсем плохо с последовательностью и связанностью действий?

— А с каких пор мы подчиняем свои поступки законам логики? — оскалился Воин.

О, Ирэ пошутил, такие события надо заносить в календарь и отмечать с особым рвением.

— А если серьезно? — настояла на ответе я.

— Ну вот, что-то мы с тобой поменялись местами, раньше мне не хватало серьезности в наших разговорах, теперь ты просишь меня не шутить. Печаль.

Еще и мое словечко-паразит решил вернуть!

— Ну, Ирэ, я обещаю, что опять стану несносной язвой, но только ответь мне на вопрос — кто на самом деле мой враг?

И без того скупую улыбку смело с лица Дзайн.

— Не могу.

— Да забудь ты про закон равновесия, иногда можно сделать исключение!

— Ты не поняла, не могу, потому что не знаю. Мне известно немного, и, похоже, что только внешние проявления, а вот истинную подоплеку вещей мне не видно с моей кочки. Опасайся Коф и Цаде — это понятно, они так просто власть не отпустят, но знай — они тоже только пешки.

Будь на месте Ирэ кто-то другой, я бы решила, что он врет, но Дзайн не умеют врать по

определению, они могут чего не сказать, умолчать, но открыто лгать? Никогда.

— Хорошо, оставим пока эту тему. Когда назначены состязания?

— Через три дня. Никто не ждал вас так рано.

— Кроме тебя.

— Есть такое, никто не знает тебя, так как я.

— Пожалуй. Ты проводишь нас в Пха'Шантале?

— Как только появится Кхай.

Лаит решил вновь разбавить наш диалог:

— Почему именно Кхай должен быть ее чемпионом? Я вполне могу справиться с задачей.

Ирэ усмехнулся:

— При всем уважении, но не справишься. Если бы речь шла о простом турнире, с вооруженными боями, я бы не стал сомневаться в твоей победе — Дом Мейн[1] не зря носит свое имя, но вот с Ареной... Нет, ты не победишь, просто потому что ни разу не встречался с подобным.

— А Кхай встречался?

На этот вопрос могла ответить и я:

— Кхай уже побеждал на Арене.

Глаза Ирэ сверкнули...

...Он смотрит вперед, не видя дороги.

Он проходит сквозь жизнь, как река чрез пороги,

Он не знает беды и не ведает счастья,

Не заметит он солнца, не поймет и ненастья.

...Ярко сверкнул луч солнца, отразившись от морды муйан'кашат[2] изображенной на нагрудной пластине Воина, стоящего посреди Арены. Песок до самых стен был забрызган разноцветной кровью, белый, фиолетовый и черный, все цвета Хаоса пролились сегодня. А Воин, словно только вышел из своего шатра, доспех все так же блистательно и безупречно чист.

Мои сердца замерли, забыв, что значит биться, стоило Воину снять шлем — черная коса змеей вывернулась на закованную в сталь грудь, свесилась до самого низа, подметая кончиком песок Арены.

Несмотря на жарящее солнце, ледяной ветер вздыбил волосы на моем затылке. Мы так давно не виделись, я думала, что он погиб. Надеялась, что просто погиб. Но он жив, все еще жив! Циничная улыбка скользнула по его губам, зажгла недобрый огонь в зеленом сумасшествии:

— Тана Реш не ожидала, что ее чемпион проиграет?

— Тана Реш не ожидала, что Дзайн позволят чужаку выступать на Арене.

Гул возмущения прошелся по ложам.

Сидящий рядом Ирэ удивленно посмотрел на меня:

— Чужаку? Аэль, ты что-то путаешь, Кхай один из нас, он такой же Воин, как и я.

Этого не могло быть, но это было правдой, я видела, видела знаки на доспехах Кхая, все соответствующие отметки о пройденном обучении, финальных испытаниях и битвах во славу Дома Дзайн.

Шепот сорвался с губ:

— Ирэ, как давно ты его знаешь?

— Вот уже пять сотен лет, с того момента, как он приехал в Пха'Шантале.

— Приехал? Откуда?

— Из Самех'Ра. Он дитя смешанного брака, кто-то из Воров запал в душу одной из наших, да до того, что она решилась уехать из родных мест.

— И тебя это не удивило?

— Нет, с чего бы, такое иногда случается. Да в чем собственно дело? Я понимаю, что в тебе нет и капли уважения к нашим традициям, но так неучтиво отзываться об одном из нас, да еще и нарушать ритуалы Арены, ты превзошла себя!

— Ирэ, не горячись, дело в том, что я знаю Кхая. Знаю уже много сотен тысяч лет. И раньше он носил имя другого Дома.

— Невозможно! — Дзайн был как всегда категоричным, но и находить разгадки умел крайне быстро. — Если только...

В его взгляде было понимание, страшная догадка, которая меняла все.

— Я думала он умер, я сделала для этого все возможное, но он жив, все еще жив, а это значит, что...

— Бездна. Хотелось бы мне, чтобы это было очередной шуткой, но по глазам вижу, что не врешь, нет в твоих глазах смешинки, только... Страх? Ты его боишься? Ты, чья душа не ведает слабости, даже в большей степени, чем моя?!

— Ирэ, ты не понимаешь...

— Тана Реш выражает несогласие с результатами поединка? Или может быть требует моей дисквалификации по каким-то причинам? — прервал нашу перепалку Кхай.

Что же мне делать, как быть? Ирэ недовольно нахмурился, кивнул на Глашатая и недоуменные лица сидящих рядом, думая все Арена поражена моим молчанием, ведь есть только один верный ответ. Следовало встать и произнести «правильные слова», а не те, что Похоронным Плачем звучали в ушах. И я встала, выпрямилась, и без дрожи сказала именно то, что от меня хотели услышать:

— Тана Реш восхищена твоей доблестью и умением. Все чествуйте абсолютного чемпиона Арены, Дзайн'Кхая! Сегодня муйан'кашат еще раз доказал свое превосходство над всеми сражающимися. Пусть будет его меч окрашен кровью врагов, а доспех крепок, как и его убеждения, и пусть вечно парит над ним хаснеет'таро!

Только знает он, что скоро конец,
Что голову его ждет победы венец,
Что пути его долгого цель близка,
Что меж ними двумя лишь река...

Пронзительный крик Ураганной чайки всколыхнул тишину в комнате. В дверях стоял Кхай и безумие в его глазах сверкало новыми гранями...

[1] Одно из самых старых значений слова «мейн» — «смерть», позднее его стали ассоциировать с понятием Пути (хаоский).

[2] Снежная пума (хаоский).

Глава 24. Корень всех зол. Лаит

Пха'Шантале это город-в-пещере, его не видно с высоты, его невозможно найти, не зная дороги и потому это идеальный замок истинных Воинов, каменная цитадель.

Между горными пиками массива протянуты многочисленные мосты, где-то просто канатные с деревянным настилом, где-то полноценные каменные с парапетами и даже с какими-то украшениями. Дорогу в этом хитросплетении пьяного паука, в смысле нужную дорогу, непосвященный не найдет никогда и забредет в тупик или того хуже в одну из хитроумных ловушек. Мне же безразличны все их ухищрения, я не могу потеряться и не могу заблудиться, даже если бы захотел.

Аэль ушла в Пха'Шантале вместе с Дзайн'Ирэ, а мне досталась незавидная участь провожать Кхая. Только вот зачем ему проводник, если он раньше был частью Дома Дзайн? Абсолютно непонятно, как он мог быть Воином, если я совершенно точно знаю, что он Шин. Я видел его способности к изменению, они соответствуют возможностям Старейших Дома Лицедеев, а теперь оказывается, что он прошел обучение у Воинов, но для выходца из другого Дома это невозможно, первое же испытание мужества — это испытание крови, даже полукровки не всегда его проходят, ритуальное оружие им не подчиняется, доспех ломается от любого скользящего удара, а хаснеет'таро никогда не воспарит над тем, кто не является Дзайн.

Или Реш. Что связывало этих двоих раньше? Что было между ними тогда, что сейчас?

Возможно ли, что он из Дома Метаморфов? Он тот, кто может принять воистину любую форму, как Зверя, так и хаосита? Бред, противоречащий всем известным мне правилам и законам. Впрочем, что значат законы и правила в мире, построенном Безумным Скульптором?

— Ты уверен, что мы не заблудились? — раздался рядом насмешливый голос Кхая.

— Я не могу заблудиться, физически не могу.

— И все же ты блуждаешь.

Философ тархов.

— Нет, я четко знаю, что через час мы будем в нужной долине.

— О, дорогу к Пха'Шантале ты найдешь, не так уж это и сложно, а вот в том, что касается Аэль... Ты заблудился в своих чувствах к ней.

— Ошибаешься и в этом. Я точно знаю, что чувствую.

— Знаешь? И что же?

— Не твое дело.

Грубо, но, правда. С Кхаем делиться чувствами и прочими соплями не собираюсь.

— Нет ничего хуже потерявшегося Проводника.

О, Бездна, дай мне терпения не скинуть его в ближайшую пропасть, мостики же такие ненадежные...

— Лаит, я серьезно. Если ты не уверен в том, куда идешь, не знаешь своего Пути, то как сможешь найти дорогу для Аэль?

— Я иду лишь туда, куда ведет ее Путь.

— В точку. Тот, кто должен прокладывать Путь стал ведомым, ты идешь вперед совершенно бездумно, и даже не хочешь оглядеться, чтобы понять, где находишься.

— Да кто ты такой, чтобы говорить со мной о Пути?!

Задел ли он меня за живое? Еще как! Вот возмущение и выплеснулось обжигающим гневом, да таким, что Кхай остановился, посмотрел на меня нечитаемым взглядом, и мне показалось всего на миг, что он все же достанет меч, дабы поучить меня уважению, как-никак, но я смел дерзить бывшему богу. Или не бывшему.

Но Кхай удивил меня — он кивнул и очень тихо произнес:

— Никто, в сущности. И, возможно, ты прав.

Сколько я его помню, он вызывал у меня именно эти чувства — непонимание, замешанное на легком восхищении. Он непредсказуем, переменчив, кто-то сказал бы что ненадежен, постоянно врет или недоговаривает. Вместе с тем, спустя какое-то время все становится на свои места, смысл проясняется, а поступки находят объяснение. В его словах всегда есть смысл, они всегда правдивы, даже если кажутся лживыми насквозь.

Итак, я заблудился. И именно в том смысле, который мне навязывал Кхай. Что движет мной? Все то же желание смерти, которым меня заразила близость с Аэль? Ведь мне захотелось умереть именно тогда, моя болезнь началась в ту ночь. Да, зараза вилась рядом, когда я первый раз увидел, тогда еще Настю, когда первый раз подумал о ней не как о Карте Дома Мейн, а как о ком-то, кто может пробудить уснувшие было чувства. Болезнь стала неизлечимой с первым же «тсани» вспыхнувшим в моей голове. За все время, что я был влюблен в Таин у меня даже мысли не было назвать ее этим древним словом, и только теперь я понимаю, что это значит на самом деле — Таин была моей первой любовью, но далеко не единственной и уж точно не истинной.

Хорошо, с этим разобрались — Аэль моя тсани, даже если не моя. И это мой приговор и наказание, проклятие и кара небес. Лучшее, что могло со мной произойти, а потому, даже зная, что это меня разрушает, я не хочу отдаляться, что бы не произошло, как бы не повернулось Колесо Судьбы, я буду рядом.

Совсем хорошо. Теперь остается только понять, хочу ли я что бы Аэль стала действительно моей. Глупый вопрос, ответ очевиден. Что я готов для этого сделать? Все. Уничтожить Кхая? А почему бы и нет? Ирэ открыто сказал, что Кхай опасен для Аэль, убрав его с дороги я поступлю как должен. Способен ли я хладнокровно убить? Правильный вопрос. Мне не раз представлялось, как я вонзаю нож в незащищенное горло вроде-бы-как-Шина, так почему бы мне его не скинуть в пропасть, или того лучше — не завести в одну из ловушек Дзайн? Радом как раз маячит нечто убойное.

Стоп. Я всерьез обдумываю убийство, не поединок, не дуэль, а именно устранение? И это почти не вызывает внутреннего протеста?! Вот уж, воистину, темны глубины души и нет ничего опасней безответной любви. Неправильно, алогично, парадоксально и потому совершенно нормально, что такое чувство, как любовь рождает столько ненависти. К себе, к объекту любви, к сопернику, к окружающим, которые будто делают все возможное для вашей разлуки. Свет порождает тьму — только при свете, предметы обретают тень. Жизнь есть основная причина смерти — для того, чтобы я жил, должно было умереть столько существ, разумных и нет. Созидание ведет к разрушению — для того, чтобы построить дом, нужно срубить дерево. Так почему же любовь не может сеять вокруг себя только ненависть?

А есть ли любовь, или это только самообман, утешение, панацея? Вот ненависть точно есть. Такая что аж сводит скулы, замораживает взгляд и потряхивает руки. От которой хочется выть, порвать заклятого друга на куски, размазать его тонким слоем. Если не физически, так хоть морально. Из любви к женщине начинались войны? Нет! Ненависть, зависть и жадность — вот три причины, по которым пала Троя, это горючие впрыснутое в

костер Инквизиции, три звезды на мундирах военных и лацканах политических пиджаков.

Ненависть прекрасна в своей совершенности и завершенности. Любовь рождает сомнение, неуверенность, вопросы. Ненависть чиста и самодостаточна. Ненависть искрится, и переливается всеми гранями страстей и эмоций, она затягивает в свой вихрь, кружит и возносит. Да. Да, чтобы упасть, разбиться в кровь и пустоту, но в ненависти даже падение приносит наслаждение, ибо у него вкус искупления.

Ненависть всегда ведет за собой к действию, может быть отложенному, может быть хорошо продуманному, но однозначному действию. Призрак любви же, скорее, созерцателен, ему свойственно самолюбование — как же! Посетило «великое чувство»! Возрадуемся!

Ересь. Нет ничего истинного кроме ненависти. Все остальное прах и суета.

Ненависть лишь обратная сторона любви. Софизм, намеренная ошибка в логическом построении или самая правдивая правда? Если я отвечу на этот вопрос, то мой Путь будет завершен.

Занятый мыслями о философском камне моей души, я как-то незаметно провел нас прямо к порогу Пха'Шантале. Образно выражаясь. Очередной поворот горного серпантина внезапно вывернул к гигантской лестнице, спускавшейся в туманный низ гор.

— Одно радуется, нам по ней идти вниз, — тихо пробормотал Кхай, не мешавший до этого моим размышлениям.

— Возвращаться не собираешься?

— Только не этим путем, есть много других, менее... занудных.

Если он когда-то и носил гордое имя Дзайн, то это было давно и уже успело стереться из памяти. Хотя такие ступеньки могут испортить все хорошие чувства. Зачем было делать это чудовище? Почему было не придумать легкий подъемник, который, кстати, намного проще оборонять — просто обрубить механизм подъема. Вместо этого Дзайн в очередной раз сделали нечто непонятное — широкая лестница, с удобными ступеньками, с хорошим обзором, без всяких преград и барьеров, была словно приглашением в гости. Эдакий очевидный путь, который, на самом деле, ничто иное, как хитроумная ловушка? Да, именно так, чувство Пути подсказывало, что лестница безопасна, уже безопасна, но так было не всегда. По каким причинам прямая дорога к Пха'Шантале была «разминирована» мне, боюсь, не узнать, но факт оставался фактом — единственное испытание, которому лестница нас подвергла, было испытание на терпение, но уже через час мы словно перешли невидимый барьер, и оказалась в каком-то километре от подножья гор.

Вид открывался чудесный: зеленые клочья травы на темно-сером камне скал, цветочные брызги, разлетевшиеся повсюду, и расплетенная коса водопада, раскинувшаяся на сотни метров по стенам долины, рождающая многочисленные радуги в подоле своих летящих вод. Самое интересное крылось за водной завесой, но, к счастью, мокнуть не пришлось — вход в подгорную часть Пха'Шантале был сделан в виде туннеля под водопадом и нужно было лишь отыскать ворота, что не составило особого труда.

Так, запомним на всякий случай координаты, прямой портал к входу в город Дзайн еще пригодится. Все, что для этого нужно, это лишь почувствовать положение данной точки пространства в бесконечном Хаосе. Просто звучит, невозможно к исполнению, если ты не Мейн — только нам дано точно знать свое местоположение в этой вселенной без направлений.

Но дело сделано, и пора уже идти дальше по высокому, арочному коридору, вьющемся

с небольшим наклоном вниз. Монотонность движения по спиральной дороге скрашивалась многочисленными барельефами на выбеленных стенах, множеством ниш с большими и маленькими статуями и все они изображали одно — подвиги славных представителей Дома Воинов. Дзайн сражались на дуэлях, в многолюдных боях, на арене и в чистом поле, на мечах, луках, кулаках, мужчины и женщины, и даже дети. Стены коридора словно пели оду вечной битве, вот только с кем? На всех барельефах были изображены только Воины, их противники были сколоты со всех картин. Более чем странно для истово заботившихся о своей чести Дзайн — как так, оскорбить врага посмертно? Одним из постулатов Дома Дзайн было — «смерть смывает все», а эти изображения кричали об обратном, если только... Если только Воины не проиграли тогда и противники их были уничтожены лишь на стенах коридора, но не в реальности... А самое странное, что я понятия не имею, что за битва изображена здесь, а то что это конкретно одно сражение, ну или череда сражений в одной войне, так это очевидно, как по фоновым пейзажам, так и по знакам на барельефах. Возможно ли, что это та самая битва, что почти уничтожила Четвертый Круг и заставила гордых Дзайн уйти в вечную, глухую оборону? Надо будет разузнать у Ирэ, ну или попытаться.

Хотя, где гарантия, что он мне хоть что-то скажет, а если скажет, что это будет правдой? Ну да, Воины никогда не врут, просто не способны, но и правду можно сказать так, что во век не разобраться в ней. Учитывая то, что я уже изрядно запутался и в себе, и в ситуации... Согласен с Аэль, совершенно непонятно кто враг, а кто союзник.

Кхай. Однозначно ключевая фигура, но какую роль играет? Что сулят его зеленые глаза? Говорил, что меж Домами Тхеф, Шин и Реш существуют давние договоренности, но Тхеф ведут себя неоднозначно, более чем подозрительно, и сам он не Шин, хоть и называется именем Дома. Ответ на вопрос, в каком Доме он родился, знает лишь Аэль, но пока или не помнит, или не хочет говорить. Ну, может, в самом деле, — клинок, толчок?

К Арене мы вышли как-то внезапно и без предупреждения: вот он коридор, хоть и просторный, но все же, а вот она — Арена — кратер потухшего вулкана, причуда здешней природы, выдумка Коф — неважно. Арена — это амфитеатр, вернее все амфитеатры, цирки, сцены всех Упорядоченных. Бесконечные ряды скамеек для простых зрителей, ложи по количеству домов для высокопоставленных хаоситов, полыхающие на нездешнем ветру знамена всех мастей и размеров, покрытый белым песком огромный круг поля Арены и над всем этим непрекращающийся гомон толпы под голубым небом Четвертого Круга. Воистину, если, где и живет Слава, так это здесь.

Глава 25. Арена. Лаит

Вечная Арена, всегда полная, всегда готовая к зрелищу. Сколько битв видели эти стены? Каждый день здесь проходит как минимум одна. Причины особо не нужны, просто это Пха'Шантале, просто война здесь возведена в культ, а сражения лучший способ провести время.

Судя по речи Распорядителя, мы почти опоздали — представление участников сегодняшнего Турнира шло полным ходом и имени Кхая не могло быть в списке. Однако моего непонятого спутника это не смутило, едва мы вышли к Арене, как он, не сказав и слова, направился прямым ходом к полю. Зрители сперва не поняли, что за хаосит прерывает привычную церемонию открытия, но потом Кхай сбросил плащ, в который кутался все это время, и под лучами двух солнц этого мира белым золотом сверкнула морда муйан'кашат. Тишину, воцарившуюся над Ареной, можно было резать ножом, а потом откуда-то сверху, из ложи Дзайн раздался громкий бас Ирэ:

— Приветствуйте абсолютного чемпиона Арены — Дзайн'Кхая! Сегодня радостный день — один из наших братьев решил вновь вступить на белый песок славы. Кхай, твоего имени нет в списках, но как чемпион ты вправе участвовать в Турнире на своих условиях, чего ты желаешь?

— Знамя и награду.

— Назови знамя, за которое будешь сражаться и выбери награду.

— Когда-то я нанес невольное оскорбление Дому Реш в лице Тана Реш'Воаэль, сегодня, спустя тысячелетия, я хочу искупить свою вину и восславить ее имя.

Толпа загудела немного удивленно, но без особого протеста: абсолютные чемпионы Арены могли выбирать свои знамена, и, хотя чрезвычайно редко, но все же случалось, что выбирали они не свой Дом.

— Твое право неоспоримо, ты будешь сражаться во имя Дома Реш, тем более что сегодня с нами Тана Реш'Аэль, и она лично готова принять твои извинения.

При этих словах из-за спины Ирэ появилась моя тсани, прекрасная как всегда и вместе с тем ослепительнее, чем вчера, ибо сегодня она купалась не только в моем восхищении — все присутствующие затаили дыхание, когда шаловливый ветер всколыхнул складки на ее серебристом кше, запутался в ее платиновой гриве, а красное солнце заиграло на серебре браслетов и зажгло фиалковый огонь в ее глазах. Неважно как далеко находилась тсани, каждый видел ее будто перед собой, каждый почти мог до нее дотронуться. Все объясняла магия Арены, без нее было бы невозможно смотреть бои, все, вот только не ангельскую красоту Аэль. Неземной ангел смотрел безразличным взглядом на вновь притихшую толпу и только когда взор ее коснулся Кхая, только тогда фиалковая пустота сменилась фиолетовым морем чувств. Дорогого стоил этот взгляд сквозь пространство и время, но еще больше я бы отдал, что бы так она смотрела на меня...

— Дзайн'Кхай, Дом Реш помнит все и всегда буду помнить, но смотреть Тана могут под разным углом. Метаморфы не держат на тебя зла за произошедшее, но ты можешь сражаться во славу Дома Реш, если таково твое желание.

Магия Арены разнесла тихий голос Аэль по всем уголкам амфитеатра, а слова ее вызвали легкую улыбку у большинства. Тсани была в своем репертуаре — двойственность ее слов оставляла вопрос о принятых извинениях все еще не решенным, и, в то же время,

заставляла Кхая расплатиться за свой поступок. Кхай оказался достойным противником в словесных баталиях, его ответ буквально всколыхнул Арену.

— Я буду сражаться не за Дом Метаморфов, а во имя моей тсани.

Каждое слово было приговором, мне. Кхай открыто заявлял о своих чувствах и буквально требовал ответа, но Аэль вновь поступила по-своему — просто проигнорировав сказанное, на что, впрочем, имела полное право. Неловкую паузу решил заполнить Ирэ:

— Ты выбрал знамена, но что насчет награды?

— То, что принадлежит моей тсани, но было у нее отнято. Регалии Реш хранящиеся в Доме Дзайн и Доме Тхау.

К моему удивлению, названная награда не вызвала протеста ни у кого, даже в секторе Тхау. Остальных можно было не опасаться — Арена была нейтральной территорией, да и сектора Коф и Цаде почти пустовали. И все же Ирэ решил возразить:

— От лица Дома Дзайн подтверждаю твое право требовать Регалию, хранящуюся у нас, но я не могу того же просить у Дома Судий.

Однако Кхаю не дали опротестовать решение Ирэ, поднялся один из представителей Тхау:

— От лица Дома Тхау, награда подтверждается.

И все, никаких объяснений, никаких больше слов, в этом вся суть Судий — они всегда делают верный выбор, никогда не ошибаются и потому им доверено вершить правосудие среди тех, кто не подчиняется никаким законам.

— Принято. Дзайн'Кхай сражается во славу Тана Реш'Аэль и наградой ему будут Регалии Реш из хранилища Дзайн и Тхау.

Сразу две Регалии... Моя тсани еще на два шага приблизится к своей цели, вернет себе еще кусочек старой личности, еще один осколок прошлого, в котором есть ненавистный Кхай и нет меня. Ее победа, мое поражение. Пусть я и эгоистичная сволочь, как и всякий нормальный хаосит, но я не могу предать ее интересы. Дом Реш должен возродиться, Аэль должна Обрести себя, это также очевидно, как и то, что Хаос любит своих детей.

Мне понадобилось немало времени, чтобы осознать несколько простых вещей. Во-первых, Реш действительно Звери, со всеми способностями и особенностями, но еще они хаоситы, пожалуй, единственно настоящие. Все остальные Дома лишь жалкие копии, отражения каких-то их черт или страстей. «Высшие сущности» — так говорит Книга Рам[1], словарь древнего хаоского. Рам не дает представления об истории, не рассказывает красивые легенды, она лишь скупо описывает основные понятия, но как же в них много истинны, как стройно они складываются в единую картину!

И это подталкивает к «во-вторых». Коф — не спасители Первозданного, не его мудрые правители, они лишь инструменты, вдруг возомнившие, что имеют право на собственное мнение. Дом Сияющего Солнца, так звались они в древности, а теперь они всего лишь смотрители Миров и узурпаторы власти в Первозданном, а Цаде их верные псы, если слово «верные» вообще применимо к этим скользким предателям. Вечные наемники, предающие всех и всегда, заботящиеся лишь о своей выгоде и своем благе, во все времена они стояли подле Коф, так что же их держит рядом с Созидающими?

Об этом в Рам ничего не сказано, зато есть намеки на нечто иное, нечто такое, что полностью противоречит официальной истории Первозданного, и дело даже не в падении Дома Реш, все намного глобальнее и запутаннее. Оказывается, Нешамах вовсе не сказка, а некогда использовавшийся титул, но обладала им лишь одна хаоситка — Реш Ваэль, а точнее

Нешамах Реш Ваэль. Его Воля и Разум, Призрачный Бог. Громкий титул и до боли знакомое имя.

Ваэль. Или если посмотреть на старое написание — «Во'Аэль», а если сложить все вместе... Реш'Во'Аэль, Призрачное Воплощение Бога. А если еще проще — Аватара Хаоса. От этих двух слов веет ужасом, бесконечной вереницей опустошенных миров, безграничной мощью, незнающей контроля и рамок. Какое к этому имеет отношение Аэль? Искра Хаоса, возродившаяся в мире без магии? Росток, проросший вопреки всем законам и правилам. Тана[2], у которой нет своего Дома. Имя, которое брали себе многие хаоситки, ибо в нем отголоски того, первого, древнего и великого. Может ли быть такое, что ты, моя тсани, спряталась прямо посреди открытого места, скрылась за маской, что вовсе маской не является? Хаос любит парадоксы, и да, Отец любит своих детей.

Кхай. Шин'Кхай, так называет он себя в этом времени, но все та же Книга Рам углубляет, детализирует реальность, дорисовывая недостающие штрихи. Древнее написание — «Ки'Хай» — «Которого Нет». Что может означать «Безумие, Которого Нет»[3]?

Или я все неверно трактую? Из воспоминаний моей тсани и разговоров с Дзайн Ирэ, получается, что Кхай вовсе не Шин, и родился он в другом Доме. Вопрос всех вопросов — в каком? Из какого Дома начался его Путь? Как и когда они пересеклись с Аэль, Ваэль, или кто она есть на самом деле? От ответа на этот вопрос зависит столь многое...

Дзайн'Ки'Хай? «Воин-Которого-Нет»? И, верно, он вроде как и Дзайн, но не Воин... А если он из Дома Коф? В этом случае имя его значит — «Созидание, Которого Нет», а проще говоря — «бессмысленность создания». Было бы вполне в духе Отца, но тогда все еще более непонятно. Он ушел от Коф? Его переманила Ваэль? Они были заодно и проиграли, а Коф каким-то образом вышли сухими из воды? Тогда стало бы понятно его странное влияние на представителей других Домов, и то, что он столь многое знает о планах врага. Что, если он сам же эти планы и составлял?

Так много вопросов, но так мало однозначных ответов. Можно было бы попытаться спросить Аэль, но разве она ответит правду о Кхае? Она явно им дорожит, закрывает глаза на многие несоответствия, а между тем он опасен. Дьявольски опасен. Об этом предупредил и Дзайн. Так почему же моя тсани столь беспечна? Почему доверяет ему больше, чем мне?!

Противный голос совести так и ноет, талдычит, что все дело не только и столько в доверии, сколько... Она думала, что занимается любовью с ним. Это ему предназначались ее ласки, слова и стоны. Ему, Бездна его пожри, а не мне! И можно не искать оправданий своим намереньям, да, себе я готов признать — ревность отхватывает все большие куски моей сути, отгрызает слой за слоем все наносное, все лишнее, обнажая трагикомичную суть... Я люблю ее, а она любит другого. Так что, да, себе я скажу правду, — Кхай опасен в первую очередь для меня, а потом уж и для Аэль. Мы же, хаоситы — эгоистичные сволочи, ведь так? Все верно, а значит долой соперника, нет, не ударом в спину, не толчком с моста — это будет слишком... Банально. Его смерть должна стать финальным аккордом симфонии тысячелетней давности — жил эпично и умер трагично.

Я сделаю больно моей тсани? О, я прекрасно это осознаю, но пока она не признала его своей второй половинкой, все не столь однозначно, ведь она его так и не признала за все эти тысячелетия! В этом мой шанс, моя будущая победа или поражение и безумие.

Безумие, вот ключ ко всему. «Безумие-Которого-Нет», сделаем же так, чтобы оно стало реальностью!

[1] Знание (хаоский).

[2] Старейшая, в древнем значении — Владетель (хаоский).

[3] «Шин» означает «безумие», Шин'Ки'Хай, соответственно Безумие Которого Нет (хаоский).

Глава 26. Во славу. Аэль

Было так больно смотреть, смотреть на то, как повторяются события тысячелетней давности — вновь Арена и вновь муйан' кашат стремительно приближается к победе.

Первые бои были даже в чем-то скучные, Кхай настолько превосходил своих соперников, что длились они лишь несколько мгновений. Юные представители Дома Воинов ничего не могли ему противопоставить, несколько взмахов солнечного клинка и Дзайн отходили, орошая белый песок красной кровью. Вновь эти цвета, вот только черного не хватает.

А потом наступило время хаотичных боев. Все Воины, победившие в отборочном этапе, вышли на площадку Арены, встали в центре поля, спина к спине, ожидая сигнала к началу. Смысл хаотичных боев прост — все сражаются со всеми, нет команд, альянсов и совместной работы, в конце должен остаться только один. А что бы максимально усложнить задачу по выживанию, по краю Арены в незапамятные времена построили девять стационарных порталов призыва. Изобретение Дома Мейн, некогда увлекавшегося созданием артефактов, они были разработаны таким образом, что любой желающий Зверь мог пройти сквозь портал на своем Круге и присоединиться к забаве. И желающих всегда было много. Что значит телесное уничтожение для существа, которое вскоре возродится в новом теле, оставив прежнюю сущность? А именно это ожидает каждого погибшего Зверя, Саа'Хаос, Осколки Хаоса.

Но вот красное солнце выровнялось с черным солнцем, а потом черное плавно стало заползать, закрывая алый круг. Я хотела черного? Сейчас будет целое море тьмы, затмения на Четвертом Круге — это нечто невообразимое. Черный диск продолжал поглощать красное солнце, его темные лучи причудливо преломлялись в алой короне, создавая воистину апокалиптическое светопредставление — мир тонул в багровом океане, захлебывался красно-черными волнами, безуспешно пытался сбросить бремя этого безумия, постепенно погружаясь все глубже в темнеющее небо. Но вот от красного солнца осталась лишь искра, слабо мерцающая, в почти полной темноте, а потом и она растворилась.

И наступила Тьма.

Открыла глаза. Зря старалась, в полной темноте ничего не видно. Зато я могла чувствовать. Что-то потревожило меня легким шелковым касанием. Не знаю, что, не видно. Темно.

Протянула руку, но не смогла прикоснуться, ведь нет ничего в темной пустоте. Зато слышала. Приглушенный звук, будто кто-то едва тронул гитарные струны. Мелодия Тьмы.

Наострила уши, но ничего не слышала, все звуки тонули в бархатной Бездне. Зато почувствовала вкус. Терпкий, сладковатый вкус, с примесью горчинки, был в воздухе, в каплях... Тьмы.

Открыла рот, но на язык осела лишь пустота. Зато был запах. Тонкие нотки жасмина, примесь мяты и еще чего-то незнакомого, аромат был везде в беспроглядной Тьме.

Кто сказал, что мрак несет лишь забвение и пустоту? Стоит открыться, и она обнимет тебя теплыми руками. Во Тьме так спокойно и в то же время так полно. У Тьмы есть цвет, плотность, звук, вкус и запах, нужно лишь шагнуть навстречу Всеблагой Матери.

Но миг единения с Тьмой Первозданной был недолог, пара секунд и красная искра появилась с другого бока черного "хулигана". Черно-алые сумерки стремительно сменялись

привычным белым днем и вскоре о затмении напоминали лишь красноватые блики, оставшиеся на сетчатке глаз.

А хаотичные бои начались. На Арене давали любимый спектакль всех времен и народов — бои без правил.

Словно продолжением песни безумия зазвучали клинки, закружили в вечной пляске дети воинственного Дома, и еще ярче засверкали доспехи с оскаленной мордой, омытые кровавой данью славе. Вот самый слабый или самый неудачливый из детей войны споткнулся и упал на колени в уродливом поклоне Вечной Странице, он уже не встанет, его Путь окончился на белом песке, прерванный шальным ударом меча. Внезапно в музыку битвы вплелся новый звук, тонкий, высокий, едва различимый, словно лопнула натянутая струна, но этого намека на звук хватило, чтобы прервать сражающихся — фигуры бойцов напряженно застыли, а потом стали открываться порталы и живым было в пору позавидовать первому упавшему, он умер быстро и возможно без особых мучений, из порталов же выходило нечто совершенно кошмарное и уж точно не обещающее легкой кончины.

Не знаю, что привлекло этих тварей, возможно мое присутствие, даже скорее всего, но Мейн на этот раз ошиблись. Звери, что лезли из открытых порталов были не с Кругов Хаоса, а напрямик из Ада, точнее из одной занимательной области Восьмого Круга — из Сумеречного Болота. Преступная небрежность, досадная случайность или умышленное нарушение правил Арены? Много тысячелетий назад Сумеречное Болото было объявлено одной из немногих зон, куда открывать порталы было запрещено, ввиду полной неадекватности его обитателей. Если обычные Саа'Хаос рвались в бой с радостью, ибо не боялись смерти, которая для них никогда не будет истинной, то твари Сумеречного Болота не были Зверьми в полном смысле этого понятия, не «осколки единого разума», скорее кошмары, рожденные сном Отца, и в битву их гнала не удалая жажда боя, а неистовое стремление к уничтожению всего живого.

Полуматериальные клочки иллюзорных созданий, собранные воедино без всякого намека на эстетичность или целесообразность. Три пасти на хвосте, по паре глаз на кистях невероятно уродливых лап, перепонки, слезящиеся белесой мутью, лишние конечности, произвольным образом произраставшие по всему телу, чешуя, переходящая в мех, пораженный лишаем и островками гниющей кожи, несоответствие размеров, формы, все это лишь немногие и наименее отвратительные черты «милых зверушек». Представленное уродство венчалось удушающим смрадом разлагающейся плоти медленно плывущем по Арене и... полным отсутствием мозга его носителей. Твари были парадоксально тупы и только это позволило ограничить их среду обитания одним Сумеречным Болотом, но свою неспособность к стратегическому построению боя они с лихвой компенсировали всепоглощающей яростью и жестокостью.

— Ирэ, сделай что-нибудь! — в порыве чувств я было вскочила с кресла, но твердая рука Дзайн удержала от опрометчивого шага.

— Если Кхай выживет в этой мясорубке, то я, пожалуй, закрою глаза на его непонятное происхождение и признаю истинным сыном Дома Дзайн...

Силой усадив меня обратно, Ирэ встал и его громоподобный голос разнесся над Ареной:

— Хаос сегодня благосклонен к нам, у нас есть шанс увидеть всю мощь наших страхов и победить! Оглянитесь, разве не такие твари терзали вас жаркими, душными ночами, в

пьяном или наркотическом бреде? Они все порождения нашего разума, но настала пора показать и доказать, что Дзайн сильнее ужасов, прячущихся в темных закоулках Сумеречного Болота! Мы сила, мы отвага, мы щит и меч Первозданного! Да начнется бой и пусть победит сильнейший!

Твари будто ждали этой речи, до сих пор лишь угрожающе покачиваясь на непропорциональных лапах, они словно встряхнули с себя оцепенение и под какофонию собственного рева устремились в гущу таких хрупких Дзайн...

Почему всякое уродство столь притягательно? Мне так хотелось отвернуться, спрятать взор и спрятаться от ужасов, творящихся на Арене, ускользнуть от вони и чавкающих звуков, от алых ошметков и осклизлых рек, от той мерзкой длани, что собирала жатву на уже далеко не таком белом песке. Я знала, что будут беспросветные ночи, когда Тьма придет не в облике Всеблагот Матери, а в маске ночных кошмаров, пугая меня картинами, увиденными сегодня, и я буду стонать и просыпаться в холодном поту, но все же, все же, я не могла отвести взгляд. Может быть, потому что, в чем-то твари были совершенны? Как совершенны оползень, землетрясение, цунами, ураган? Доведенное до Абсолюта уродство прекрасно? Нет. Ничего общего. Оно остается омерзительным, просто разум не может поверить, что такое действительно существует в чистом и милом мирке, рисуемом надеждой и наивностью, и недоуменно, раз за разом возвращается к кровавому полотну, чтобы убедиться, что ничего не изменилось, не привиделось.

— Ирэ, почему ты не вмешался... моорны не оставят ничего живого на Арене, а потом вырвутся в толпу.

— Защита выдержит, а не выдержит... Видишь у края Арены начинают скапливаться наши уважаемые Мейн. Сами промахнулись и сами будут исправлять.

— Промахнулись? Все порталы разом дали сбой?

— Напекаешь на злой умысел?

— Боюсь альтернативы.

Ирэ усмехнулся:

— С каких пор ты повадилась прятаться от правды?

— С тех пор как она делает меня виновной в сотне смертей. В сотне и одной...

Воин сердито насупил густые брови:

— Кхай выживет, более того, он победит, или я плохой учитель! Да и в остальных смертях не вини себя, они все выходили на Арену зная, что белый — это цвет смерти. Поверь, это хорошая смерть, лучше, чем от глупой случайности или болезни.

Или я ничего не понимаю, или...

— Ирэ, ты что, им завидуешь?

Пару секунд молчания и ледяной синевы...

— За все тысячелетия я так и не нашел достойного боя, чтобы умереть, а там на Арене именно такой, но я не могу принять в нем участие. Бездна, конечно, я им завидую!

Зло процедив последние слова, Ирэ окончательно сосредоточился на происходящем, на Арене.

А я, еще пару минут назад не в силах отвести взгляд, теперь боялась повернуться к кровавой бойне, страхась увидеть единственно важное для меня. Не хочу, не хочу, чтобы так, не бывает достойной смерти, конец — это всегда конец. Мы слишком многое оставили недосказанным, нерешенным, да, в конце концов, я не уверена, что смогу жить без безумных изумрудов. Патетично, истерично, но, правда. Я могу его опасаться, сторониться,

даже ненавидеть, но это не изменит ровным счетом ничего — все так же будут порхать бабочки, все так же сладко будут замирать сердца, а руки тянуться к черному водопаду волос. Отец, я знаю, ты всегда слышишь меня, услышь и сейчас, отведи от него карающую длань, искупи за меня мою вину... Я желала ему смерти, когда-то я сделала все, чтобы его уничтожить, но теперь для меня нет ничего важнее, чем его победа, его жизнь...

— Ваэль. Хватит малодушничать, он сражается для и за тебя, ты могла бы уважить его хоть тем, что будешь смотреть!

И я посмотрела. Взгляд, в лихорадочных метаниях, не улавливал всей картинке в целом, только детали, но и их хватило бы на тысячу бредовых полотен. Моорны и хаоситы продолжали сражаться на уже буром песке, втапывая еще глубже ошметки менее удачливых бойцов, попирая ногами чужую смерть и отчаянно цепляясь за собственную жизнь. Как в этом месиве хвостов, лап, когтей, доспехов и мечей увидеть всего одну морду муйан'кашат? И все же взгляд отыскал фигуру Кхая. Он стоял в самом центре боя подобно незыблемой скале и волны тварей разбивались об него, рассекаемые жуткой мельницей глефы. Еще пару Воинов прибились к нему, словно в поисках защиты, но не могли устоять и один за одним падали под ударами моорнов. А те все шли и шли из развернутых пастей порталов, но, наконец, туманные контуры стали меркнуть и врата в Сумеречное Болото закрылись. Строго по часам. Оставалась самая малость — добить тварей, что успели пройти за эти долгие минуты боя.

Из хаоситов на Арене осталось всего трое, Кхай, некто огромный в вороненых доспехах и таким же темным фламбергом, и гибкий воин среднего телосложения в легкой кольчуге и с парными мечами. Трое встали в круг спина к спине, плевать, что на Арене нет альянсов и команд, сейчас главное выжить, кто сильнее можно выяснить и потом. И мясорубка закрутилась по новому кругу. Плескалась кровь в глазах уродливых тварей и на клинках воинов, плоть, даже покрытая чешуей, оказалась слабее честной стали. Но темный фламберг крутился все медленней, все тяжелее Черному давались разящие удары и одна из более мелких тварей смогла поднырнуть под меч и ударить всем весом в грудь могучего воина. Дзайн пошатнулся, устоял, но участь его была предрешена, миг промедления стоил ему жизнь — следующий моорн ухватил его ноги щупальцами и буквально вздернул в воздух, а оглушенный Дзайн катастрофически не успевал ударить мощным, но таким медленным фламбергом...

Кхай и оставшийся Воин ничем не могли помочь Черному, их накрыла волна мелких летающих тварей, издающих мерзкий высокий писк. На мгновение показалось, что все, конец и оставшимся двум, но нет, луч закатного солнца отразился от белого золота доспехов и от хищно оскаленной морды муйан'кашат. Мастер дуалов был погребен под толщиной изуродованных тел, а Кхай стоял, стоял уже один. Шатаясь словно одинокое дерево на ветру он медленно повернулся лицом к нашей ложе, и магия Арены разнесла его шепот по амфитеатру щекоча и мне ухо:

— Тсани, я вновь победил и вновь ради тебя, на этот раз ты примешь мою победу?

Путь к полю Арены был так долог, несколько бесконечных минут всеобщего внимания, до которого, мне, впрочем, не было никакого дела. Все мысли занимала одинокая фигура, закованная в доспех, по неведомой причине, все такой же чистый и сверкающий. Наконец мои босые ноги ступили на окровавленный песок, но не это меня волновало, а то, что Кхай продолжал шататься, словно под порывами незримого ветра. И только когда был сорван шлем, и серебряная коса заструилась, просясь в мои руки, только тогда я заметила рану на

его боку и сочающуюся тонкой струйкой кровь. Но нельзя прерывать ритуал, нельзя дать победе ускользнуть сквозь пальцы, особенно когда она оплачена такой ценой. И сдерживая шаг я подошла к нему и положила руку чуть ниже оскаленной морды:

— Этот бой достоин любой баллады, а ты, мой чемпион, навеки будешь в моих мыслях.

Мне хотелось кинуться ему на шею, развязать косу, укрыться в черном водопаде, в крепком объятье, жарком поцелуе, но что-то удерживало меня, меня, но не правду моего взгляда и Кхай все прочитал, все понял и от того изумрудная бездна потеплела, стала будто ближе и меня почти затянуло в опасный омут, когда над Ареной раздался бас Ирэ:

— Дзайн'Кхай вновь доказал, что он истинный сын Дома Воинов, сегодняшняя победа зазвучит грозным гимном мощи Дзайн, предостережением всем тем, кто захочет посягнуть на честь и свободу, на мирное сосуществование Великих Домов. Пока есть в наших рядах такие воины как Кхай, вы все можете спать спокойно, не опасаясь никаких бурь и перемен. Тот, кто победил тварей Сумеречного Болота, сладит с любой опасностью. Все чествуем абсолютного чемпиона Арены Дзайн'Кхая!

В стремительно темнеющем небе раздался пронзительный крик, серебристые крылья заслонили закатное солнце — хаснеет'таро прилетела почтить славную победу. Секундная тишина взорвалась бурными овациями и целой волной эмоций, накрывшей нас с Кхаем. Весь тот страх, что испытали зрители, перевоплотился в восторг и счастье, будто не Кхай, а они, каждый из них, сегодня сражался на Арене и победил. Все вместе они пели гимн безумной отваге и запредельному мастерству.

И преданности. Кхая мне.

Если бы это только было правдой...

А Кхай между тем упал на колени, со стороны могло показаться, что тоже часть ритуала, но я знала и чувствовала, что все совсем иначе. Яд моорнов пробрался в его кровь и сейчас опутывал своими дурманящими сетями. Черные пряди поникли, не развивались и не стремились обвинить мои запястья, и это испугало меня больше всего.

Песок скрипнул, зашуршал, когда я рухнула рядом с ним.

Его кожа такая холодная, а ведь должна быть горячее солнца. Его глаза открыты, но он не видит меня — изумрудное безумие заволокло белесой дымкой. Скулы обозначены острее, а вокруг глаз почернели круги. Яд моорнов высасывает из него силу! Бездна, как это остановить?!

Почему только в миг потери понимаешь истинную ценность даров Хаоса? Почему эта вечная драма несвоевременности?!

— НЕТ!

Крик оглушил даже меня, а после него тишина на поле Арены стала еще гуще.

— Не смей!

— Был бы рад выполнить твой приказ, моя тсани, вот только... — кровавые хрипы не дают ему закончить предложение, он заваливается набок, а я...

Я все отчетливее понимаю, что не могу допустить его смерти. Даже на время, даже если и так есть шанс, что он возродится. Хаос любит парадоксы, так что никогда нельзя быть уверенным в законах Первозданного. Только в одном. Только в себе.

— Рожденный Мейн'Кхай, признаешь ли ты меня своей Тана'ле[1]?

Кхай удивленно вскидывает голову, из последних сил пытается приподняться, но лишь заваливается на полусогнутые руки.

— Мейн'Кхай, признаешь ли ты меня своей Тана'ле? — повторно спрашиваю я его.

Но этот несносный упрямец все молчит, не произносит ритуальных слов. Догадался.

— В последний, третий раз спрашиваю я тебя, Мейн'Кхай, признаешь ли ты меня своей Тана'ле?

Перед ним непростой выбор — или признать очевидное, и позволить мне спасти его жизнь, или... Стать моим рабом, так как я все равно спасу его жизнь, даже против воли.

— Признаю, — прохрипел он из-под черной, слипшейся челки.

— Повтори, — потребовала я согласно ритуалу.

— Признаю тебя, — еще один едва слышный шепот.

Но я должна спросить и в третий раз:

— Скажи.

Кхай поднимает голову и наконец произносит полную фразу:

— Мейн, алеас Ки'Хай, а ле, а нещ, а неф, а эщ, а ки тана-ле Рещ, алеас Во'Аэль, а ас тана-саах[2].

— Рещ, алеас Во'Аэль, цах аит Мейн, алеас Ки'Хай, а ас тана-ле[3], - провозглашаю я в завершение. — Своим именем, своим правом Тана'ле, запрещаю тебе умирать и забираю себе твою судьбу.

Кладу правую ладонь на его лоб, а левую на грудь, так чтобы сердца бились прямо под ней. Сколько раз мы произносили эти слова? Не помню точно, но, кажется, что это было почти в каждую эпоху, каждые несколько тысяч лет. Умереть за другого не страшно, страшно потом не проснуться.

Отрава моорново проникает под кожу, вливается в мои вены, стремительно несется к сердцам. Мир выцветает, становится черно-белым. Объекты теряют контур, а света все меньше и меньше. Пропадает слух, и я уже не могу разобрать слова примчавшегося Лаита, почти не чувствую прикосновений Кхая, лишь бесконечный холод и вязкий, сладковатый привкус во рту...

Лаит.

...Все было сыграно как по нотам. Порталы открылись, Кхай победил, но все же оказался раненым, при смерти, и все было бы хорошо, сердца радовались двойной победе — тсани Регалии, а мне мертвый враг. Вот только... Вот только Аэль решила иначе. Она забрала себе его смерть, древним, забытым всеми ритуалом, назвав почему-то Мейном. Мейн, он в самом деле Мейн? «Смерть Которой Нет».

Как символично, как дерзко.

И теперь моя тсани тает, исчезает, растворяясь в потоках силы, как и трупы моорнов, что валяются по всей Арене. Моя любовь, моя жизнь уходит за Грань, в область мироздания, куда никому нет прохода.

Никому кроме Мейнов, сильных Проводников.

— Сандалии, надень их на нее!

Оживший, окрепший Кхай дергает, заставляя обратить внимание на зажатые в руках Регалии. Зачем они ей теперь? Словно прочитав мои мысли, мой враг зло шипит:

— Нам не пройти в Мир Моорнов, Путь закрыт для всех хаоситов без исключения!

Да? Чутье Проводника подсказывает, что и на этот раз он говорит правду. Значит все потеряно?

— Сандалии, отрыжка Бездны, надень их! Они приведут ее Домой!

Догадка осеняет меня и прежде, чем Аэль окончательно пропадает из этой реальности,

еще две Регалии оказываются на ней.

[1] «Владеющий разумом», устаревшее обращение, принятое к высшему господину. Раньше этим титулом наделяли того, кто дал дар жизни — родителей и тех, кто спас от смерти. Вследствие ухода от традиций строгого подчинения семье, данный титул больше не используется хаоситами (хаоский).

[2] Мейн, осознающий себя как Несуществующий, разумея, стремясь, желая, чувствуя, дарит себя владетелю Реш, осознающей себя Аватарой, становясь рабом владетеля (хаоский).

[3] Реш, осознающая себя Аватарой, забирает путь (жизнь) Мейна, осознающего себя Несуществующим, становясь владетелем раба (хаоский).

ЧАСТЬ 3. Обратная сторона любви Глава 27 Плен и тлен. Аэль

— Расскажи мне красавица, сколько же ты выпила, чтоб так ужраться, ага? В зюю, в дым, ага...

Не нааадооо... мне и так плохо. Голова большая, деревянная и набита стекловатой. В общем как я могу думать или вспоминать, если нечем?

— Ты кто?

О, это мой голос? Окосеть...

— Дед Пихто, ага.

— Понятно. Очень любезный человек... Можно... кхм... попить чего?

Странно-желтая морда хитро сощурилась и довольно выдала:

— Тебе водички или водочки?

От одной мысли влить в себя алкоголь мне стало тааак плохо...

— Водички...

— Ага, ага.

Агакающая морда выпала из поля обзора, а мне не осталось ничего, кроме как задавать себе сакраментальные вопросы: кто я, где я, кто все эти люди. Поправка, не совсем люди. Совсем не люди. Оказалось, что странно-желтая морда принадлежала не менее странному, желтому существу. Мозг никак не хотел включаться, так что восприятие работало по программе — смотрю и ни тархи не понимаю. Мужичек, кажется, мужичек, почему-то вспомнился Крямс, бодро семенил по небольшой комнатухе всеми восьмью лапками и искал чего-то на многочисленных полках всеми четырьмя руками. Эдакая помесь паука-переростка и Шивы.

Или у меня просто жуткие глюки.

— Вот, выпей, ага.

Пока остальные три руки еще что-то искали, одна из них любезно протянула мне стакан с водой. Кажется, с водой — без запаха, без вкуса, зато холодненькая. Как же мало нужно для счастья... Еще бы голова так не кружилась и не болела...

— И от головы сейчас найдем...

Он что мысли читает?

— А что их читать, если все и так на лице написано, хотя... ты так громко думаешь, а защиты никакой, чего же не читать?

Ой, а я про него всякое такое думала.

— Да ничего страшного, пауком меня уже столько раз обзывали, что я привык, образ такой. И с Шивой ты почти угадала. Бхутапати я, Повелитель Нежити. Так что и паужье тело, и эта пещерка, да и... в общем скоро увидишь, все это соответствующая атрибутика.

— Соответствующая чему?

— Текущей должности, чему же еще. Раз Повелитель Нежити, так и выглядеть должен по шаблону — непонятно как, но страшно. Вот и стараюсь.

Бред, полный бред. Вроде просто пила, а глюки как от хороших грибочков. Или может чего курнула?

— Не, ты просто упилась наливки Мритйунджа, а насчет покурить это идея — враз головушка пройдет, ща я найду чудо-травку.

— Мрити... кого?

— Аа, братца моего, Победившего Смерть, ага. Его наливочка это просто прелесть. Вчера ею тебя и откачивали, после глупости твоей несусветной. Это надо ж было додуматься! Без приглашения к нам сунуться... — Бху укоризненно покачал головой, но не дождавшись вразумительной реакции, вновь вернулся к теме наливки: — Не буду тебе раскрывать рецептуры, а то ты и так нездорового зеленого цвета, но вещь стоящая. Просто не надо было выпивать ее столько, ага. Ее же по чарочке пьют, да в несколько сот лет, а ты... почти ведро. Мол вкусенькая, ага... И потом сразу завалились дрыхнуть, как только не скопытилась от того количества. Хотя... что тебе сделается... Праматерь.

На последнем слове, Бху как-то странно на меня зыркнул, с нехорошей такой ухмылкой, мол «а я знаю, что-то такое чего ты не знаешь». Тоже мне новость, тут все вокруг знают обо мне больше, чем я сама помню. Особенно сейчас.

— Ну и ладно, ага, вспомнишь еще. Кстати, вот это тебе поможет.

Протянутая самокрутка отчаянно воняла травкой. Точно, наркотический бред, куда уж дальше. Хотя... в чем-то Бху прав, похмельный синдром снимет только так...

...В синеватой, густой как кисель, дымке медленно покачивались четыре тени. Высокие решали судьбу мира. Извечный вопрос — быть или не быть стоял перед ними и почти единогласно было принято сакраментальное «не быть». Но Высокие решали не для себя, себя они мнили бессмертными...

Только истинно бессмертен лишь Хаос и его Дети, все прочие живут взаимы, на подаренные Хаосом жемчужины времени, а Высокие забыли своего Отца, забыли, что они лишь назначены на должность богов.

За все ошибки приходится платить. Высокие заплатили за свою — Праматерь прокляла их на вечное скитание и череду бессмысленных возрождений обреченных оставаться незавершенными. И теперь они взывают к нынешним назначенным на роль богов и просят, просят... Как раньше просили их. Колесо Судьбы совершило свой оборот.

Лишь один из них, Бахурупа, Обладающий Многими Формами, остался верен Хаосу, ибо был он одной крови с Праматерью. За преданность, разумность и предвиденье Отец наградил его способностью быть единым в трех лицах и стал он называться в своей темной ипостаси Бхутапати, Повелитель Нежити. В своей светлой ипостаси Мритйунджа, Побеждающий смерть. А в своей истинной ипостаси называется он Амарнатх, Владыка Бессмертия.

Узнали Высокие других миров о награде подаренной Бахурупе и воззвали к своим Создателям. И Создатели ответили им и наслали на Бахурупу проклятие разума и забыл Бахурупа, что он един и стало их трое. Бхутапати, Мритйунджа и Амарнатх помнят лишь Праматерь, ибо связи крови громче любых проклятий, но забыв себя, растеряли они большую части своей силы и безумие теплится в их душах.

Но однажды Праматерь вернется к одному из своих родичей и вновь станет единым Обладающий Многими Формами и тогда Колесо Фортуны обернется и для Создателей.

Надо будет попросить Бху отсыпать немного чудо-травки. Мало того, что похмелье сняло, как будто и не было его, так и вспомнилось, откуда я знаю всю эту честную компанию...

— Да-да-да, моя травка хороша, ага. Даром, что зовется наш мир Моорн, его настоящие

название Аит'Ле — Путь Разума.

— Стоп. Подожди. Кто вы и что вы — я вспомнила. Но почему Моорн? Это же твари... сон разума... Так вас называли после того самого проклятия от Созидающих.

Вот теперь я действительно все вспомнила. Моорны ранили Кхая, сильно ранили, в его кровь попала изрядная доза их яда, он бы умер, вот я забрала его яд. Решила отплатить за то, что когда-то сделала для его смерти. Повернула Колесо Судьбы. И умерла. Все умершие от яда Моорнов попадают в этот ад под одноименным названием. И Сумеречное Болото не более, чем прореха в ткани Изначального, прямая дверь в Аит'Ле.

Вот саа'ле[1], кстати, они родом как раз из этих мест, удачненько я вляпалась...

— Ну почему сразу вляпалась...

Новый персонаж этой комеди'де'л'арт не нашел лучшего времени для появления, чем момент, когда я судорожно пыталась вытрясти из моего несчастного мозга хоть крупицу понимания всего происходящего. Честно сказать, получалось не очень. Так что отвлечение на новый объект оказалось кстати. Передо мной стояла полная противоположность Бху — милый, золотоволосый юноша в полупрозрачных одеждах и с чем-то вроде крыльев за спиной. Ангел он и в Моорне ангел.

— Как-то ты категорично мыслишь, Киали[2] — то саа'ле, то ангел. Может не стоит все мешать до кучи?

Ангел немного нервничал — тонкий белый хвостик отбивал прерывистую дробь на правой ноге чудного юноши. Ага, хвостик. Ангел. Вот и я о том же — сон разума.

Мри, а это не мог быть никто иной кроме как Мритйунджа, закатил голубые глазки, потом состроил в меру печальный образ:

— Вот так всегда, реакция стандартная.

— Значит пациент здоров, ага.

Ага, ну вот и источник паразитного «ага». Тьфу. Ооо, кажется, сейчас голова заболит по новой.

— Травки больше не дам!

Жлоб.

— Не жлоб. Бху не жадный, Бху домовитый, ага.

Домовитый жлоб. Бху довольно оскалился, опять отыгрывая роль бяки. Впрочем, как заметил и он сам — в своем праве.

— Ребята, давайте жить дружно. На все важные вопросы, как кто я, кто вы, где я, как я сюда попала, ответы нашлись. Остался последний — как мне отсюда убраться?

— А зачем?

О, вопрос в точку. Я аж заткнулась. Даже мысленно.

[1] «Брызги разума», мелкие и крайне вредные существа, обитающие на Восьмом Круге Хаоса. До сих пор ходят споры о том, что они такое — Сущности или созданы в давние времена кем-то из Дома Коф (на самом деле являются осколками личности Реш, переродишихся в Зверей Хаоса). Известны своими проделками и неистребимой тягой к сомнительным шуткам над хаоситами. Из-за этого «саа'ле» стало нарицательным.

[2] Праматерь, «Которая есть начало» (хаоский). До явления Нешамах, этим титулом звали Тьму Предвечную, персонификацию сил разрушения, позднее, титул перешел к Нешамах, но так ее называли только более молодые Реш, Пробужденные продолжили звать Праматерью Тьму.

Глава 28. Пособие по единению. Аэль

Вот умеют же некоторые задавать правильные вопросы... Этот мистический дар почище любого другого может испортить жизнь окружающих. Да-да, все знаю — правильно заданный вопрос — это половина ответа, а меня вообще спросили, хочу ли я знать этот ответ?

Нет, это не истерика... ну может ее начало, но так или иначе, намного проще не задавать «правильные» вопросы, не нестись напролом на «свет» истинны. Чем плоха тьма? А еще лучше сумерки? Глаз не режет, и потеряться не грозит. Разве все горе не от ума (и да простится мне плагиат)? Я давно уже пришла к выводу, что все мои проблемы и общая неудовлетворенность жизнью, все это по причине излишних размышлений. И всегда завидовала идиотам — им настолько проще живется.

Наверное, поэтому я их и ненавижу.

А теперь спрашивается — зачем мне этот вопрос? И черт с ней, с тавтологией. Разве все самые подлые вопросы не начинаются с этого сакраментального «зачем»? Зачем жить, любить, умирать? В чем смысл всего этого?

В чем смысл моих телодвижений в Первозданном? Чего я хочу? Возродить Дом? Да, сперва для меня именно это имело значение — восстановить то, что было уничтожено не по праву, что было унижено и растоптано подлостью. В конце концов, просто наивное «пусть восторжествует справедливость», но чем больше воспоминаний возвращается вместе с Регалиями... тем меньше это кажется достойной причиной. Я уже поняла, что все было совсем не так, как о том рассказывают Созидающие, и даже не так, как думают те, что мнят себя «союзниками». Во всех событиях прошлого не двойное и даже не тройное дно...

«А ты думаешь, оно вообще есть?...»

Ты прав, Набиле'Тхач, дна может и не быть. Возможно, во всем вообще не было никакого смысла, все произошло просто так. В любом другом мире это звучало бы абсурдно, но в Первозданном... Хаос...

— ...Любит парадоксы. Эта поговорка правдива, но знаешь ли ты ее смысл?

Похоже, пока я витала в мрачном облаке своих мыслей и сомнений, к нам присоединился третий член безумного триумvirата. Если Темный Брат был просто воплощением «сна разума» — абсурдный, нелепый, ужасающий, а его Светлый Брат прекрасным образцом всего возвышенного — легкий, красивый, мудрый, правда с хвостом, то Старший Брат... он просто был. Без налета безумия или почти чересчур сладкой красоты своих братьев, Амарнатх казался самым обычным человеком. Его выдавали только глаза — без зрачков, радужки или белка, на меня смотрели две черные бездны Тьмы Предвечной.

Так вот куда привели меня мои «хрустальные башмачки». Каким-то образом обе Регалии оказались на моих ножках, и теперь красовались эдаким напоминанием о битве, о Кхае, о... Потом, об этом я подумую потом.

Сандалии. Или туфли, тапочки, кроссовки, в зависимости от пожелания владельца, да от текущего мира. В свое время целая группа артефакторов из Дома Мейн работала над ними, чтобы вложить частичку своих способностей. В отличие от наручей, у Сандалий Пути не было собственного сознания, впрочем, от них этого и не требовалось. Попав в Мир Моорнов, отведя смерть от Кхая, я провернула Колесо Судьбы, тем самым получила возможность переступить через предначертанное и исправить когда-то свершившееся, а

Сандалии лишь вывели на самый краткий Путь. Путь... нет лучше не вспоминать Проводника, или... Кхая... Сердца на миг сбились с ритма и болезненно запнулись. Как я хочу утонуть в зеленой бездне, но.... Нет, не сейчас, потом. Лучше вернуться к реплике Амара.

— И в чем смысл поговорки?

— Если поймешь, то все твои проблемы станут пустышкой.

— Так как появятся гораздо более страшные?

Ну не смогла я удержать природный ежичизм.

— И это тоже.

Ну, прям целый слет, разной степени колючести.

— И ядовитости, ага.

Крылатые ядовитые ежики, ну и бред.

— На том и стоим.

Амара почти извиняясь, повел плечами.

— Мы действительно живем этим бредом, так что длительная экскурсия в Аит'Ле может незаметно перерасти в ПМЖ.

— Это тонкий намек на то, что пора начинать то, зачем я вообще здесь?

— Ага.

— А если я не хочу?

Амара склонил голову, задумчиво всматриваясь в мои все еще не очень трезвые глаза:

— Не хочешь нам помочь, или не хочешь вернуться в Первозданный?

Как бы так ответить, чтобы и правду, и не обидеть...

— Отвечай, как есть.

Чтоб их! Достало мыслечтение — зачем вообще что-то произносить, если они и так меня читают, как открытую книгу?

— Надеюсь это риторический вопрос?

Амара, ты меня задолбал, как пресловутый дятел. Вот откуда у ядовитых ежей крылья растут — из клюва.

— Такой же риторический, как и твой — ты же знаешь, что я вам помогу без раздумий, если вы действительно этого хотите. Точно так же вы знаете, что я более не уверена в том, что делаю и стоит ли возвращаться в Изначальный.

— Опять струсила?

Опять? Реплика Владыки упала камнем куда-то в самую глубину души. Струсила ли я тогда или действительно руководствовалась пресловутым «меньшим злом» и «высшим благом»? Оглядываясь назад, я все больше понимаю, что все не так однозначно и возможно, пока только возможно, все сделанное мной тогда не более чем попытка спрятаться, укрыться от осознания реальности.

Бху гадливо захихикал:

— Прогресс, ага. Почти готова признать свои ошибки.

— Отстань, порождение похмельного разума.

— Заметь, твоего разума, ага.

Вот умеет же он вякнуть. Сказал, как кувалдой про меж глаз врезал — что не реплика, то откровение Созидающих.

— В Бездну Коф!

О, ангел не переносит упоминания своих врагов? А как же всепрощение, милость и

всепоглощающая доброта?

— Туда же.

Понятно. Братья изрядно устали от навязанной роли: разделенные, кристаллизованные грани души некогда единого стремятся избавиться от искусственности и вновь обрести целостность. Странно видеть такое проявление Порядка, в том, что, казалось, воплощает саму суть его противоположности.

— А ты уверена, что правильно оценила полюса?

Бездна. Амара прав.

— Во-во, сама же подумала «кристаллизованные», то есть упорядоченные грани души.

— Разжевывать не надо, уже догадалась.

— Но все же будешь рефлексировать на тему «а стоит ли»?

Буду. Потому что у всего есть место в этом мире и не всегда «исправление несправедливости» приводят к правильному и нужному.

— А может ты еще спросишь, чего мы хотим? Или ты, как и эти святоши считаешь, что все наши желания вторичны, а Его воля первична?

Нет, я так не считаю. Я знаю, что Он уважает наши желания, как никто другой, и мы истинно обладаем свободой воли. Впрочем, вот и решение.

— Амара, вот ты меня все лечишь, что я не права, что я ошибаюсь, что все мои беды от излишних и пустых раздумий, а скажи мне — почему вы еще не едины? Если вы действительно этого хотите? Вы, все вместе, такие же, как и я. И ваша воля, ваша единая воля, ваш общий неш[1] может почти безгранично творить в Его лоне. Вместо этого вы плодите кошмары и жалуетесь на то, что, мол, все про вас забыли, и никто вам не хочет помочь. Кто может вам помочь, если вы сами на это не способны? Амара, ответить не мне, ответь себе — что вам мешает?

Это правда. Почти все битвы мы проигрываем в своей голове еще даже не начав сражаться в реальности. Сколько раз мы даже не приступаем к задуманному, так как уверены, что ничего не получится в силу тех или иных причин? Почему нельзя вылечить от зависимости? Да, пристрастие к любой вещи — алкоголю, табаку, человеку, обусловлена, в том числе, и созданной физиологической потребностью, но ведущую роль всегда играет разум. Невозможно бросить курить, если ты этого не хочешь, а с другой стороны, одного желания достаточно для этого и не нужны никакие костыли в виде пластырей, заменителей и прочего самообмана. Помня свою бытность человеком, я это точно знаю.

Пока Бху, Мри и Амара не захотят вернуться в свою первоначальную форму, никто и ничто не сможет им помочь.

— Но мы хотим!

О, «вьюноша бледный со взором, горящим» не выдержал обличительной правды моих размышлений.

— Свое дело я сделала — помогла вам, чем смогла — показала, в чем ваша проблема: вы не станете единым, пока не преодолеете барьер в своем неш. Я верю, что вы хотите объединиться, обрести свою сущность, но где-то в глубине души каждого из вас зреет маленькое зерно сомнения или страха. Вы боитесь того, что потеряетесь, и, вместе с тем, боитесь того, что ничего не получится. И это зерно, микроскопическая песчинка мешает всей вашей безграничной Силе — Сила без Воли есть ничто. Третий Закон Хаоса.

[1] Неш — Воля, проявление осознанного, овеществленного стремления (хаоский).

Глава 29. Розовое и абсурдное. Аэль

Нравится мне эта еврейская поговорка: «если ты такой умный, почему ты такой бедный?».

Я знаю ответы почти на все вопросы, спасибо тебе Набиле'Тхач. Более того — я знаю, в чем моя главная проблема, прости меня Змея. И все же я продолжаю игнорировать Дракона и всю его Мудрость, я так долго заставляла его молчать, что теперь, когда хочу услышать его, шипение Разума заглушает шепот Чувств. Не в этом ли проблема многих? Мы привыкли думать, просчитывать варианты, взвешивать последствия и затраченные усилия. Нас так долго и муторно учат анализировать, что мы забываем буддистскую истину: простой человек, который знает — мудрец, мудрец, который понимает — просто человек. Не стоит все усложнять и «множить Сущности», иногда достаточно просто дышать и наслаждаться каждой секундой бытия.

Недаром говорят, что у круглого дурака есть одно неоспоримое преимущество — он по жизни катится легко...

Словно солнце за море, жизнь моя катится.

Тишина звоном стелется...

Непривычная, гулкая тишина царила под сводами Храма, пологом укрывала черный мрамор плит, путалась в ветвях Незабудок и Орхидей. Тишина и пустота несвойственны Храму, но последствия наших поступков затрагивают Нити Полотна в разной степени, а иногда даже способны распустить дивный узор.

Предательство. Смешение страха-трусости и хитрости-подлости, коктейль, обильно сдобренный кровью и слезами того, кто посмел наивно верить в незыблемость чувств. А чувства так переменчивы... и чем они сильнее, тем сумбурнее. Бежать от чувств бесполезно и даже опасно. Еще опаснее дать им волю, особенно если раньше этого никогда не делал.

Я хорошо помню все предательства, из злобы, из скуки, на спор, но только это было совершено во имя «великой цели». Сегодня мне не понять, как подобные бредовые мысли смогли меня подвигнуть на столь мерзкое и гнусное деяние. Молчи Набиле'Тхач — раз уж тогда сделал вид, что тебя нет, то и теперь не смей подавать голос. Соле'Маан я понимаю, что это твои проделки, но все же не могу злиться — ты в своем праве — слишком долго я забывала, что советников у Тана'Реш должно быть двое. Равновесие сыграло со мной в свою любимую игру — «опрокинь весы» и теперь мне предстоит разгрести последствия собственных ошибок.

За все надо платить, за предательство приходится платить двойную цену — за жизнь и за трусость.

О да, я его испугалась, первый раз в своей долгой жизни-не-жизни я по-настоящему смогла плотннуть этого чувства. И захлебнуться. Я дважды всадила в него кинжал, обрывая стук каждое из сердец по очереди. Дважды он просил меня остановиться, шептал, что я все не так поняла, что это ошибка. И я верила, верила ему, но все равно проворачивала кинжал в ране, убеждаясь, что еще одно сердце замолкло. Ибо альтернатива его смерти страшила меня до онемения, до холодного пота и пустой головы. Проще заставить его замолчать, чем принять правду.

Но уже тогда, в затухающем костре зеленого безумия сгорали мои страхи, оседая

пеплом горя, превращаясь в ветер, в понимание того, что, несмотря на свою суть, он не враг мне и никогда им не был.

Не был, а теперь стал. Увидеть его сегодня на Арене было и чудом и катастрофой. Я надеюсь, ты доволен, Дракон, столько чувств разом мне еще никогда не доводилось испытывать... И вновь, самым острым был страх. Страх, замешанный на понимании того, что на этот раз мне есть чего бояться, теперь уже это не паранойя, а разящая действительность...

А трава у Храма отчего-то начала ржаветь. Наверное, в предчувствии нашей крови. Он, они верят в свою правду, а значит, действовать будут решительно и возможно у них все получится. Он и раньше знал Путь к Храму, а теперь он проведет все их войско, но не этого я боюсь, трепет вызывает необходимость взглянуть ему в глаза, прочитать в Бездне свой приговор, устыдиться своего глупого, безвольного отражения...

В глубине зрачков страх, обман прячется

Как буран, как метелица...

Уже, в который раз, метелью проносятся мысли, воспоминания, огрызки былых переживаний, но никак не желают складываться в последовательную и связную картинку. А былых ли? Или меня опять ведет отголосок прошлой глупости? А может, наоборот, я вновь тону в болоте пустых рефлексий? Бездна и все саа'ле, похоже, мне пора надеть розовое с черным, выстричь челку и, с полным правом, косить под современных «рыцарей печального образа», раз ни на что другое я, похоже, не годна.

Впрочем, вновь поступлю, как незабвенная Скарлет О'Хара, и подумаю об этом «завтра». Как там? Масштаб личности человека определяется размером проблем, на которые ему наплевать. Пока не смогу разобраться в прошлом, буду жить настоящим, а в настоящем у нас что? Правильно — Регалии. Осталось всего ничего — отобрать Призму у Коф, Хлыст у Цаде.

О да, я теперь точно помню, знаю, у кого какие Регалии и что каждая из них может. Ирония ситуации невольно заставляет ухмыльнуться. Смешно, ибо я сама, фиг знает с какого перепугу, раскидала «безделушки» по разным Домам, а теперь мне же самой их и доставать, всеми правдами и неправдами. Мрачно, ибо в душе не знаю, как это повернуть без лишнего шума и крови. Угу, в кой-то веки я решила обойтись без драмы и спецэффектов, а навыков Воров у меня и нет...

А что? Это идея.

— Ребяатаааа...

Где там этот "тройной одеколон", вытяжка из умершего рассудка? Пока я подвисала в дыму очередной самокрутки, честно скомунизденной у Бху, и своих, как обычно, бредовых умозаключений, хозяева сего милого места смылись в неизвестном направлении. А фигли, пойду искать — мне море по колено и горы по... розовый бантик. Какой, мать его, саа'ле, чтоб его перевернуло и подкинуло три раза, завязал мне розовый бантик на кончик хвоста??? Хвоста??? Когда это я перекинуться успела и главное во что?

Любить того саа'ле через уши с особой жестокостью. Розовым был не только бантик, розовой была я вся! В черную полоску... Айт'ле, чтоб его. А предупреждал меня Амара, что, задерживаясь тут, я рискую обосноваться на ПМЖ, не то, чтоб это было бы такой уж плохой перспективой, но место недостаточно надежное для полного забвения, найдут гады и тут, так что лучше уж я сама...

Ввиду присутствия факта отсутствия гостеприимного хозяина, страдающего острой формой шизофрении... Хотя, чего это я, мы тут все такие, так что старая добрая шиза уже и за отклонение не считается, так среднестатистическая особенность хаоской личности. Путь стоит поискать самостоятельно, Сандалии на мне или где? Или где, вместо Регалий на моих розовых лапах появились серебристые «носочки». Ну раз я теперь в некоторой степени моорн, то пойду поищу себе приключений на цветной зад.

Куда идем мы с Пятачком,
Большой-большой секрет,
И не расскажем мы о нем,
О нет, о нет, и... нет...

А че? Я теперь похожа на Тигру. Немного неформального Тигру из не менее неформального мультика, ну и мед с ним. Ммм, хотя вроде стишок бурчалкал и пыхтелкал Винни. А еще был Ослик, Кролик и мудрая Сова. Вот как сейчас помню. Ну Винни это Бху, чего уж там, Мри у нас однозначно Ослик, за Сову сойдет Амара. Осталось вычислить Пятачка и Кролика. Свинья она и в Африке свинья, и вообще, я жирное не ем. А вот у Кролика всегда есть сладенькое. Решено, прем в гости к Кролику, ну и что, что незваная? Он уже привык.

Выйти из избушки-дворца-норы Братьев оказалось делом нелегким. Мебель и стены сворачивались в извилистые улочки, потолок то нависал так, что под ним с трудом удавалось проползти, то вздымался на недостижимую высоту, что, впрочем, мне совершенно не мешало. Мешали мне всякие щебечущие сковородки и гавкающие кастрюли, первые отчаянно пытались меня заклевать ручкой, а вторые нагло покушались на мой бантик. Фиг вам, а не бантик! Под лапу вовремя попала поющая скалка, она сперва попыталась затянуть какой-то попсовый мотивчик, но мой серебряный коготь быстро улучшил ее музыкальные данные, и самую доставучую сковородку я отбила в дальнюю стену под первые скрипичные аккорды из Щелкунчика.

Кухонная утварь летала самозабвенно, столь же душевно врезалась в стены, оставляя следы и терпя урон разной степени, но все же рвалась вернуться в круг, чтоб продолжить танец под взмахи дирижёрской палочки. Вы когда-нибудь видели розового тигра в черную полосочку, с бантиком на хвосте, и в розовой же балетной пачке, изящно взвивающегося в *pas de ciseaux*? Нет? Радуйтесь, зрелище воистину страшное. Настолько страшное, что Обитель Сна решила, что, удерживая меня, окончательно потеряет связь с реальностью и милостиво отпустила, поддав напоследок массивным столом и звучно захлопнув за мной дверь, едва не прищемив мне кончик хвоста. Аж бантик развязался! Ну все! Я злая.

От расправы над хамовитой свалкой мусора меня отвлек вкрадчивый смешок, раздавшийся из кроны ближайшего дерева. Ну «дерево», это громко сказано, скорее огромный гриб, на верхушки которого попыхивала кальяном Улыбка. Вот так встреча!

— Здрасти.

Ответом мне стала еще одна ухмылка и проявившийся правый глаз.

— Уважаемый, Кот, как представитель одного с вами племени прошу вас об одолжении! Левый глаз заинтересованно подмигнул и, под легкое подёргивание левого же уха, меня лениво спросили:

— Пыхнуть хочешь?

Заманчиво, очень даже. Но боюсь, что после очередной порции дурмана, мне уже не вспомнить за каким моорном я сюда вообще пришла.

— Спасибо, но я не курю. Больше.

— А меньше?

— А меньше уже не получится...

Разросшуюся улыбку прикрыл полосатый хвост.

— И чего ты хочешь?

— Подскажите, пожалуйста, дорогу к Кролику на чай.

— К Кролику? На чай? А ты ничего не путаешь? На чаепитье ходят к Шляпнику.

Впрочем, Кролик там тоже бывает.

С этими словами Улыбка поднялась на все четыре лапы:

— С тобой я не пойду, в последнее время Шляпник совсем уж редкие сорта «чая» выращивает. А тебе нужно прямо, налево, налево, еще два раза налево, через мост, повернуть направо у большой сосны, три раза прыгнуть на белой плите, потом по ступенькам вниз, два раза направо, там будут две лестницы, правая тебе не нужна, а левая очень ветхая, так что ты лучше по стеночке, вон когти какие отрастила, потом как выйдешь в Сад не забудь, что Королева очень бережно относится к своим розам, так что напрямик через кусты не иди, дождись пока прибежит тропинка и дальше уж с ее помощью как-нибудь. Запомнила?

Я честно попыталась прокрутить инструкцию в голове, запуталась сразу после моста и утвердительно кивнула.

— Ну, раз запомнила, то я пошел.

С этими словами гриб качнулся, Кот мявкнул, кальяном пыхнул и окончательно исчез.

Вместе с изрядной частью полянки и леса.

Глава 30. В гостях хорошо, а дома...да ну его в Бездну этот Дом! Аэль

Спасибо Сандалиям, без них я бы к Шляпнику не вышла. Впрочем, я и так не вышла, а свалилась аккуратно в кресло, стоящее по правую руку от Кролика. Это я удачно споткнулась о веточку всеми четырьмя лапами.

Наркодиспансер на выезде был в сборе: Шляпник уже деловито наполнял мне кружку чаем, Кролик протягивал блюдечко с пирожными, а Соня привычно дремала, умильно сложив лапки на пузике, но стоит соблюсти вежливость:

— Позвольте представиться — Тигра.

— Не Кролик.

— Не Шляпник.

О как. Однако, личность моих со-чайников не особо имела значение, так как я, наконец, узрела цель своего путешествия — стол ломился от разнообразных тарелочек и вазочек, доверху наполненных восхитительной выпечкой всех форм и размеров.

В голове мелькнула робкая мысль, что я все же не за этим прыгала на одной лапе, петляя между колючими розами, да старательно отрачивала стрекозиные крылья, чтобы перелететь одну памятную стену. Кажется, именно с нее некогда свалился Шалтай-Болтай, но точно я уже не помню.

— Как там Волшебник? — вежливо поинтересовалась я у Шляпника.

— Какой Волшебник? Фокусник? На голубом вертолете, Гарри Поттер? — завалил меня вопросами обладатель причудливого головного убора.

На несколько минут я задумалась, пытаюсь отыскать в мутном сознании хоть крупицу информации о том, какой именно Волшебник мне нужен, но вместо этого почему-то опять всплыл образ огромного яйца.

— Тот, что собрал Шалтая-болтая.

Соня приоткрыла один глаза, красный в фиолетовую крапинку, а потом удрученно замахала головой:

— Все ты напутала. Шалтая-болтая собирала королевская конница и рать, а Волшебник дал мозги и сердце.

Правую и левую лапу что-то сжало, но я лишь отряхнулась и продолжила наш светский разговор:

— Шалтая-болтая собрали, дали мозги и сердце...

— Да, не ему! — истерично воскликнул Кролик, — не Шалтаю, тот так олухом бездушным и остался. Мозги дали Страшиле, а Сердце — Дровосеку.

— Но это им не помогло, — констатировала Соня, — Изумрудный Город потерпел поражение.

Изумруды. Что-то есть в этом такое... знакомое, сладкое, опасное.

— Ну не совсем поражение. Просто погрузился в Долгий Сон, — внес поправку Шляпник. — Но потом пришел Прекрасный Принц и разбудил Спящую Красавицу.

Синие, почти черные глаза, порочная улыбка и слегка вьющиеся волосы... Воронье карканье.

— А Волшебник? — этот вопрос все еще очень сильно меня волновал.

— А Волшебник пока еще не проснулся, — вновь встряла Соня. — Спит, и во сне

творит всякое. То Искру притянет и Договором одарит, то опасные артефакты в ушастые руки всунет, душу чужую себе заберет. В общем ускоряет события, как может.

— А может он многое, — поддакнул Кролик.

— Прямо Брюс Всемогущий, — кивнул Шляпник.

— Могучий Тор, — мечтательно прошептала Соня, и ее мышинные уши вдруг вытянулись, заострились, став подозрительно похожими на лисьи.

— Настолько могучий, что даже может создать коробочку, из которой не может выбраться, — подмигнул одним глазом Кот, частично проявившись на стуле возле меня.

— Ну а Враг? — почему-то спросила я.

— Бармаглот! — Кролик неосторожно взмахнул лапой, сбив тарелочку с тортиком.

Нечестная компания дружно проследила взглядом за полетом сладости, эпическим попаданием в ствол ближайшего дерева и вернулась к прерванной беседе.

— Бармаглот есть, но его как бы и нет, — философски вставила Соня.

— Это как? — попыталась я сфокусировать на ней взгляд, мышка в платье почему-то рыжела, обрастала несколькими хвостами, но стоило сморгнуть, как Соня опять была Соней.

— Вот так. Ты его видишь? — спросила она.

Я недоуменно огляделась, но никого кроме присутствующих не увидела.

— Нет, не вижу.

— И он тебя не видит, но ты же существуешь? Вот и он существует, — отметила мудрая Соня, — Но пока ты его не увидишь, его как бы нет для тебя. Хотя он и есть.

Откровения Сони окончательно запутали мои мысли, я все пыталась осознать этого Кота Шредингера[1], когда другой Кот вдруг проявился и услужливо спросил:

— Еще чаю?

А говорил, что не пойдет к Шляпнику...

— Будьте добры, — сладкое и без чая шло хорошо, но запить чем-то приторность уже давно хотелось.

Мы втроем чокнулись чашками, звякнули ложками и продолжили чаевничать молча, видимо, исчерпав запас слов, положенных на сегодняшний день. Пирожные таяли во рту, растворялись в душистом напитке и приятной тяжестью оседали в желудке. В блаженном поедании шоколадно-фруктового изобилия прошло немало времени, по крайней мере, места мы успели сменить несколько раз, прежде чем я почувствовала, что все, следующую вкуснятину мне придется буквально пропихивать лапой. Н-да, неслабо пробивает на еду травка Бху... А вот чай, вопреки комментариям Кота, похоже обладал совершенно противоположным эффектом — уже после пятой чашки в черепную коробку робко постучалась первая здравая мысль с момента моего превращения в розовое недоразумение: какого саа'ле я тут делаю???

Кролик на меня внимательно посмотрел сквозь пенсне:

— Ну, пожалуй, хватит.

Соня кивнула, спрыгнула со своего стула бросила на меня прощальный взгляд, подмигнула и растаяла в воздухе. Не успела даже спросить, чего именно «хватит» как из сказочной картинки стали пропадать цвета и персонажи, и самое печальное — стол с еще не уничтоженными пирожными так же распался на отдельные островки, а после и вовсе исчез в серой дымке.

Мне навстречу вышел огромный крылатый ежик, с клыков которого капал зеленоватый яд. Ежик постоял пару секунд в торжественной тишине и внезапно свалился в траву,

забившись в истеричном смехе.

— Чтоб тебя моорны покусали, Бах, ну какого саа'ле тебе все нейдет? Не надоели эти приколы за столько веков?

— Нееет!

Проблеяло из высокой травы нечто, захлебываясь хохотом.

Ну что с него возьмешь, каждый развлекается, как может. Чаще всего «может» за чужой счет. Мне не жалко, но все же стоит внести некоторую ясность.

— Я так понимаю, тебе удалось собрать все свои личности воедино?

Бах показался из кустов отряхивая несколько помятую кше от налипших веточек и букашек — неуважительное отношение Бахурупы ко всему, что было связано с законами и традициями успела войти в легенду, прежде чем он мне окончательно не надоел своей безалаберностью чрезмерной даже для нашего Дома.

— Не совсем.

Рассматривая Баха, я немного потеряла нить разговора:

— Что не совсем?

— Не совсем собрал, ага.

Тьфу ты. На месте утонченных черт прирожденного Реш, проявилась желтизна и грубые линии Бху.

— Ну что ты так недовольно зыркаешь? Ну, решили мы быть едиными в трех лицах, ну так нам по статусу положено, боги мы!

— Где положено, там и отнять можно. Впрочем, если тебе нравится, то и дальше оставайся зрителем этого зверинца, только открой мне хоть небольшой проход, не хочется тут блуждать еще несколько столетий.

Бах вновь обрел привычные черты.

— Ну что ты сразу обиделась. Тана, где ты успела растерять свое феерическое чувство юмора?

Феерическое? Скорее черное. Хотя сейчас мне действительно было совсем не смешно, в очередной раз попытка исправить положение не привела к нужному результату.

— Опять ты начинаешь? Сама же учила нас всегда смотреть шире, чем нам позволяют границы разума. Ты же знаешь, то, что мы видим, зависит от того, куда мы смотрим, вот и Соня тебе намекала-намекала, а ты все прослушала. Ты смотришь на Реш и видишь Хаос, так чем ты недовольна?

— А что видишь ты?

Бах в очередной раз усмехнулся, пожал плечами отчего татуировка на груди растянулась, видоизменилась, превращаясь в огрызок крыла — явная памятка от Мри.

— Я вижу свою Тана, которая от чего-то взвалила на себя все заботы этого мира. Разве все сущее зависит от твоей воли?

Неожиданно именно эта его фраза принесла спокойствие и облегчение. Действительно, с чего я решила, что знаю, что будет лучшим для одного из моих братьев? Он давно вышел из стен Храма, он вспомнил все свои воплощения, и раз именно это нравится ему больше всего, значит так и будет.

Бах мягко, понимающе улыбнулся и кивнул моим мыслям.

— А дорогу я тебе открою. Тебе как обычно прямо к Дворцу?

— Не, на этот раз я решила обойтись без особых разрушений. Хватит ржать! Я тихо войду, заберу Призму и так же тихо выйду.

Надеюсь.

— Вот-вот. Надейся, зная тебя, могу с уверенностью утверждать, что Коф опять придется менять интерьер, ввиду полного разрушения предыдущего...

[1] Кот Шредингера — Мысленный эксперимент, предложенный австрийским физиком-теоретиком, одним из создателей квантовой механики, Эрвином Шрёдингером, которым он хотел показать неполноту квантовой механики при переходе от субатомных систем к макроскопическим. Согласно предложенному примеру, кот одновременно и жив, и мертв, пока наблюдатель не откроет коробку. Соня же пытается объяснить Ваэль, что наличие или отсутствие Врага зависит только от того, кто его ищет, таким образом предостерегая от излишней бдительности.

Глава 31. Один на один. Лаит

— А я и не думал, что ты настолько хаосит.

Безднов Кхай стоял у открытого окна, опершись о каменный подоконник и разглядывал меня с легкой иронией.

— Ты о чем? — я был почти уверен, что он пытается меня подловить, лишь догадываясь о произошедшем.

— О «сбое» в порталах.

Нет, не поймаешь, я на такие трюки не поддаюсь.

— Думаешь, что моорнов привели намеренно?

— Уверен в этом, — Кхай ухмыльнулся и добавил веселым тоном, — Я могу видеть «коридоры».

Вот так новость... Он может видеть пути-между-мирами?! Кхай прочитав удивление на моем лице, кивнул и продолжил:

— Я вижу «коридоры». А еще, я вижу, когда в них вмешиваются.

— Это невозможно! Подобное могут только Старейшины!

— И? — Кхай вздернул бровь.

— Ты не можешь быть Тана Мейн! — подобная перспектива пугает до дрожи, действительно пугает.

— Почему это? — маска паяца вновь наползла на резкие черты этого чудовища, смягчая их, делая более «человеческими», — Разве ты не знаешь, что мы можем быть всеми, кем только пожелаем?

Вопрос прозвучал как шутка, подколка, ироничная аллюзия на наши ограниченные способности, но мне почему-то не было смешно. Его слова отдавали чем-то совсем не тем, вовсе не юмором, а очень черной и страшной правдой. Той, что знать совсем не хотелось, той, что знать не следовало. Той, что пульсировала чернильным пятном на одном из сердец, расплываясь уродливой паутиной фиолетовых прожилок...

Глаза Кхая сверкнули, он подался вперед, разглядывая меня еще более пристально.

— Даже так? — Ворон покачал головой, — Не советую тебе вступать на этот Путь.

Я отрицательно мотнул головой, хотя не имел ни малейшего понятия на что намекает Кхай. Или имел? Черно-фиолетовое сердце дрогнуло, сбилось с ритма, вызывая мимолетное головокружение и тут же пошло ровнее, словно ничего и не было.

— Кхай, я не понимаю твоих намеков. Если есть что сказать — говори, а нет, так хватит сотрясать попусту воздух.

Мой соперник еще какое-то время рассматривал во мне что-то одному ему видимое, а потом пожал плечами:

— Мое дело предупредить, я больше не Тана и приказывать тебе не буду.

— Больше?

— Да, да, Лаит, когда-то я был Тана Мейн, но это было давно и успело покрыться пылью времен. И все же способности мои остались, повторюсь, я вижу проложенные Пути и знаю, что ты вмешался в настройки порталов. Вопрос только один — зачем? Ты надеялся помешать мне? Не хотел, чтобы Аэль получила Регалии? Ты предал ее?!

Последний вопрос упал между нами целой глыбой льда, и я в полной мере осознал одну вещь — Кхаю плевать, если я пытался его убить, но вот за предательство по отношению к

Аэль он порвет меня на много мелких саа'ле.

— Нет, я знал, что ты выиграешь. Чутье... Аэль получила бы Сандалии, так или иначе.

— Ясно. Значит устранить ты хотел меня, — констатировал он спокойно, а потом предположил, попав точно в «яблочко», — Ревность?

В вопросе не было ожидаемой насмешки или язвительности. Да он и не спрашивал, а скорее констатировал, так что вместо ответа я спросил то, что меня мучило уже давно:

— Что вас связывает?

— Любовь, — а вот теперь в голосе была ирония, вот только я был не уверен, что смеется он именно надо мной.

— Что ты ее любишь, я уже понял, вопрос в том, что вас связывает?

— Тысячелетия совместной жизни.

Три слова перечеркнули все. Нет, это был не просто случайный секс, они жили вместе, а это значит только одно...

— Вы женаты? По обрядам Хаоса?

— Нет.

Это короткое, оборванное «нет» плеснуло горячим на угасшую было надежду, но угольки грозили потухнуть в любой момент.

— «Нет» не женаты, или не по законам Хаоса?

На этот раз Кхай промолчал, отвернулся к окну, не желая демонстрировать свои чувства. В том, что я его смог задеть, я уже не сомневался. Еще не все потерянно, она так и не признала его!

— Это неважно, — наконец сухо бросил он, поворачиваясь обратно, — Ты все равно посягнул на то, что принадлежит мне.

— Тебе? А Аэль согласна с этим? — настала моя очередь измываться над его чувствами.

Скулы обозначились точнее, а глаза угрожающе прищурились:

— Ты уверен, что хочешь бросить мне вызов?

Вызов? Кхай намекает на старую, добрую дуэль?!

— Тас Мейн Кшаар[1]!

Ритуальная фраза вырвалась помимо воли, почти инстинктивно. Желание обладать тем, что мне никогда не будет принадлежать, затмило разум, всколыхнуло дикого зверя, что всегда живет внутри каждого мужчины — соперник предлагает сразиться за самку? Значит будет бой, кровавый, жестокий, но по законам моего Дома. Или все же нашего?

Признаться, я все еще сомневался в том, что Кхай действительно Мейн, но победно сверкнувшие глаза и глумливая улыбочка подтвердили худшие опасения:

— Кир па Мейн[2]!

Слова, подтверждающие вызов, прозвучали ударом гонга, они требовали немедленного исполнения, но сражаться посреди жилой комнаты, той, в которой я еще совсем недавно отдыхал с Аэль после долгого перелета, было как-то... пошло, что ли?

— На крышу? — предложил я.

Кхай скупно кивнул и вышел первым.

На крыше, естественно, была парочка дозорных, но несколько скупых фраз и их нахмуренные рожи расцвели чуть ли не счастливыми улыбками. Ну как же, кто из Воинов откажется посмотреть на дуэль, где один из участников известный всем обладатель доспехов с мордой муйан'кашат.

— Дуалы? — спрашивает он меня.

— Дуалы.

«По законам Мейн» означает одно — никакой магии, только чистая сила воина, ловкость и владение оружием. Дуалы совсем необязательный атрибут, оружие может быть любое, но настоящие Мейн всегда выбирают дуалы, то ли данью времени Ученичества, то ли из желания еще разок покрасоваться в парном танце со Смертью.

Клинки, как любое другое оружие всегда с Мейн, всегда под рукой, еще один маленький подарок Отца, стоит только протянуть руку в пространственный карман и выхватить нужное из своего личного арсенала. Мои черные, вороненные, с легким голубоватым отливом, и, к моему великому удивлению, у него почти такие же, только вязь рун по кромке иная. А Кузнец уверял, что выполнил эксклюзивный заказ...

Никаких ритуальных расшаркиваний, поклонов, все уже сказано, все всем понятно. Дзайн выстроились в круг, четко обозначив границы нашей с Кхаем «арены», хотелось бы обойтись без зрителей, но отогнать Воинов от подобного зрелища все равно, что отбиваться от бродячих собак палкой колбасы.

Мой соперник держит клинки обратным хватом, почти заведя их за спину. Показушник. Или настолько уверен в себе? Я же встал в самую обычную стойку, скрестив дуалы перед собой, приглашая сделать первый выпад.

И он не заставил себя ждать. Стремительная атака, на самой грани восприятия и двойной удар с разворота, вроде бы метящий в центр скрещенных клинков, но я не поддаюсь обманке. Отскакиваю, разводя мечи в стороны. Да, опасно открываюсь, но контролирую, а не играя в чужую игру. Рывок, короткая мельница и моя куртка обзавелась новой прорехой. Как же он, тарх побери его, быстр! Дыхание все еще ровное, правильное, но первая искра сомнений в моей победе уже замерцала.

Контратака, нырок под занесенные мечи, но укол по корпусу не получается, Кхай успевает увернуться и почти сразу в ответном выпаде оставляет еще один росчерк. На этот раз на моей щеке.

Теперь это уже не искра. Теперь я точно понимаю, что Кхай намного превосходит меня и в технике, и в скорости. Теперь я верю, что когда-то он был Тана Мейн.

Еще один сдвоенный удар по неосторожно подставленным клинкам, в мышцах отдает глухой болью. Новая атака, и я делаю шаг назад, еще шаг, гомон Воинов становится громче, кто-то почти дышит мне в спину, отступать больше некуда.

Мне никак не удастся перехватить инициативу, вывести свой собственный узор танца, Кхай доминирует столь явно и полно, что следующую обманку мне уже не удастся разгадать, и его левый клинок пропахивает куртку в районе груди, вонзается в черно-фиолетовое сердце. Мир неотвратимо сереет, когда рядом раздается рык:

— Что за крэшшш[3] вы тут устроили! Прекратить!!!

В стремительно сокращающемся поле зрения мелькает гигантская фигура Ирэ и, сквозь гаснущее сознание, доносятся его приказы. Меня переключают на какие-то носилки, несут в лазарет, но я почти сразу отключаюсь, уже не видя и не слыша, как матюгаются надо мной лекари Дзайн, понукаемые грозным Тана...

Подо мной огонь, надо мной трава...

Тело мое легкое, почти невесомое, мягко покачивается на волнах Тьмы. Она такая нежная, так приятно ласкает разгоряченную кожу, нежнее губ самой искусной любовницы.

Но не нежнее Аэль. Ваэль. Моей тсани.

Все для и ради тебя. Все во имя глупой, неразделенной любви.

Черно-фиолетовое сердце больше не может биться, его разрубил черный клинок с серебристой вязью рун Мейн.

Оставшееся в одиночестве красное сердце едва справляется, оно гонит кровь по венам, но силы его не хватает, оно захлебывается, то спотыкается, то несется вскачь.

Оно бьется ради тебя тсани, но есть ли тебе до этого дело?

Ты спасла его ценой своей жизни. Стала бы ты спасать также и меня?

Перед глазами всплывает твой образ в лиловой дымке... Ты так красива... Так притягательна... Так холодна.

Любовь всего лишь обратная сторона ненависти. Я ненавижу его за силу, себя за слабость, а тебя... За трусость. Ты трусиха, тсани, ты сбежала от нас, от меня.

Твой образ разлетается миллионом жалящих пчел, что устремляются ко мне, впиваются в обласканную Тьмой кожу, рвут мое нутро на части, добираясь до мертвого сердца.

Боль пронзает насквозь, в груди словно разожгли печь, в которой сгорают моя надежда, моя суть, все лучшее, что есть во мне.

И второе сердце вновь идет ровнее, но теперь оно чисто лиловое.

Как побег дурман-травы вокруг Храма...

Во Вселенной ты, только ты одна.

— Просыпайся, спящая красавица!

Гулкий бас врывается в мой сон-на-Грани, развеивая обретенное было спокойствие, разрушая прекрасные фиолетовые узоры на обратной стороне век.

— Давай-давай, открывай глаза!

Немного усилий, и удастся-таки сфокусировать взгляд на нависшей надо мной скале. «Скалой», ожидаемо, оказался Ирэ. Мне позволили приподняться над тонкой подушкой и даже опереться о спинку койки в лазарете, прежде чем отвесить знатную оплеуху, от которой в ушах зазвенели похоронные колокольчики. Отпрянуть или отбиться я даже не пытался — Ирэ в своем праве, мы не должны были устраивать дуэль без его разрешения.

Но разве это имеет значение? Сейчас, когда я уже проиграл?

Лиловое сердце даже не дрогнуло, не сжалось. Пройдя горнило сна-на-Грани, его было уже не испугать такими мелочами. Оно теперь будет биться всегда. В одном ритме. Возможно, так будет лучше для нас всех.

— Ирэ, оставь мальчишку в покое. Дуэль моя инициатива, — Кхай непрошено решил заступиться за меня.

— Да?! А мне другое сказали. Вроде как Лаит бросил вызов.

— Я его подначил, спровоцировал.

Дзайн прищурился, смешно сморщил нос, но все же кивнул, принимая слова Кхая. Не нужна мне его защита, но если он сам вызвал огонь на себя, то это его проблемы.

— Ваэль в какой-то Бездне, а вы решили выяснить отношения... Идиоты.

— Идиоты, — послушно подтвердил Кхай. — Ты прав, старый друг, нам на другом нужно сосредоточиться.

— Ты сможешь ее найти? — с надеждой спросил Ирэ, и добавил ехидно, — раз ты, оказывается, Мейн.

— Пока она в Аит'Ле не смогу. Мир Моорнов полностью закрыт. Это же, по сути,

тюрьма.

— Тюрьма? И кого там держат? — оказывается во мне еще есть место удивлению, и это удивление прорвалось вопросом.

— Свихнувшихся богов, — ответил отрешенно Кхай.

— А разве не все они такие?

Моя неуместная ирония удостоилась пристальных взглядов от обоих хаоситов, но развивать тему никто не стал. Вместо этого Кхай предложил другое:

— На Ваэль сандалиии, они рано или поздно выведут ее на верный Путь, а значит, можно предугадать, где именно она появится.

— Коф?

Кхай кивнул.

— Значит идем к Коф.

— «Идем»? После дуэли вы решили пойти дальше вместе?! Мальчишки...

Мальчишки, все так, но я все еще ее Проводник, а Кхай, он все еще ее... Просто ее.

Лиловое сердце согласно сжалось, разнося по венам совсем не кровь.

[1] По законам Смерти (хаоский).

[2] До твоей Смерти (хаоский).

[3] Ругательство, крайне грубое (хаоский).

Глава 32. Кто ходит в гости по утрам... тот Ваэль

Вот как-то я не ожидала, что Коф своей средой обитания выберут тархов океан! Вернее, успела напрочь забыть, так что реальность ворвалась в легкие соленой водой, прежде чем я осознала, что, собственно, происходит. Пока мозг нещадно тормозил, тело на чистых рефлексах перекинулось в нечто рыбоподобное, что, впрочем, не помешало мне еще пару раз мысленно ругнуться.

Шестой Круг кардинально отличался от всех остальных областей Первозданного. Подводный мир поражал своими красками и обилием мелкой живности. Целые стайки рыбок всех окрасов и форм носились над коралловыми рифами, колыхая розовые актинии. Под одним из камней мелькнуло щупальце кирпичного цвета — это пугливый осьминог поспешил спрятаться от огромной меня. Превратилась я, естественно, в нечто гигантское и грозное, видимо у меня скрытая мегаломания. Или явная. Больше всего я походила на кита, только зубастого, что, впрочем, совсем неудивительно — в Первозданном нельзя без солидного оружия, нерентабельно быть мирным и хорошим.

Память наконец-то включилась, и услужливо подсказала, что Шестой Круг создавали не Коф, разумеется, но и изначально он был совсем другим. Тут поработали... Алеф. Настоящие творцы миров Упорядоченного, те, кто тысячелетие за тысячелетием, кропотливо выстраивали по молекулам, по частицам новые минералы, новые виды энергии, все усложняя и усложняя законы взаимодействия между ними. Вот уж кто точно мог и обитаемую планету завернуть вокруг трех солнц! Потом они увлеклись живностью, именно они сотворили разнообразие Веера Миров, а Коф лишь копировали Первозданный, не в силах создать ничего нового.

Алеф. Давно всеми забытые, те, что исчезли из анналов Хаоса среди первых, стертые в разрушительной войне между Домами. Было ли мне жаль утерянных знаний и возможностей? Когда-то я бы ответила, что да, очень жаль, и мне нужно приложить все усилия, чтобы исправить содеянное. Но теперь? Нет, даже если я сама была виновницей.

Всему свое время, время строить, и время разрушать.

Так что, «раз-два-три-четыре-пять, я иду искать». И уж точно — «кто не спрятался, я не виновата».

Кстати, о главном. Я не имела ни малейшего понятия в какую сторону плыть. Раньше, за собой меня вел Лаит, мой Проводник, мой... Да непонятно кто. На скудные осколки возвращающихся знаний было рано полагаться, они пестрели пробелами и несоответствиями, так что мне очень и очень бы пригодилась помощь. Вот только где ее взять посреди бескрайнего океана?

Мне нужен кто-то, способный учуять источник силы — где сила, там и Коф. Перебирая в уме bestiарий Шестого Круга, я пыталась прикинуть, кто из Зверей мне подойдет лучше всего. Морской Конек? Быстрый, но бестолковый. С другой стороны, медузы слишком медлительны. Кит, в которого я обернулась, конечно, та еще живучая и неубиваемая махина, но неповоротливаяаааа...

Внезапно рядом мелькнуло тонкое, отливающее золотом тело.

Ищущий да обрящет.

Хифлесс'Тхач[1]! Везет мне на опасных зверушек...

Реальность мигнула свечой и время замерло, зависло между двумя секундами. Змеедрак

вновь показался в поле зрения, чтобы тут же исчезнуть и опять блеснуть чешуей совсем с другой стороны. Он так быстр, или...? Или! Змеедраков двое! Охотничья пара! И, кажется, у них в меню сегодня китовое мясо.

Ну уж нет!

Короткая вспышка в сознании, и я уже извиваюсь молнией, настигая одного из золотой пары. Удар хвоста с острыми шипами, волна силы и мы свиваемся в клубок, к которому спустя мгновение присоединяется вторая змея. Тела трутся друг о друга, чешуя о чешую, царапая острыми шипами гребня, кольца сжимаются все сильнее, совсем близко блестят острые клыки широкой пасти, самка Хифлесс'Тхач почти успевает впиться мне в горло, когда вдруг замирает и мыслей касается осторожный вопрос-образ.

«Кто ты?»

Звери Хаоса разумны, в ограниченном понимании, но разумны. Поэтому способны понять очень многое, но общаться могут лишь образами, да короткими специфическими звуками. И как объяснить на столь скудном «языке», кто я? Как рассказать о Доме, о моем Пути, о поиске?

Раздвоенный язык коснулся моего носа, такое успокаивающее, мирное прикосновение. Кольца больше не сжимались, грозя выдавить жизнь, наоборот, в клубке стало неожиданно уютно и приятно.словно в объятьях брата или хорошего друга.

«Я друг. Партнер по охоте».

Образы пронеслись в моей голове, толкнулись в чужой разум, откуда сразу же пришел радостный отклик.

«Сильный партнер — это хорошо. Кто добыча?»

Как же все просто и понятно... Добыча и охотник, и никаких тебе сомнений, никаких полутонов.

Змеедраки каким-то образом и сами уловили картинку подводного города Коф, встрепенулись, распались и зависли рядом в темной воде.

«Опасно».

Еще как опасно! Три Зверя — это хорошо, но может оказаться слишком мало для такого задания.

«Месть. Стая.»

Да, только такая цель может собрать по своей сути одиночек в одну стаю. И пусть я обещала Бху, что на этот раз обойдусь без разрушений, но сейчас вырисовывался совсем другой план. Как там говорил Вор — «в парадную дверь и с ноги». Вот это вполне в моем стиле.

Хифлесс'Тхач знали толк в мести, но все же поинтересовались:

«Детеньш?»

Святая обязанность любого Зверя — охранять свое потомство. Выживание расы превыше всего, даже для индивидуалистов. Но я не мщу за ребенка, у меня нет детей... Или... Все же есть?

Почему-то перед глазами проявилась никогда не виденная мною картинка: светлый зал роскошного дворца, залитый солнечными лучами, причудливо преломляющимися в витражных окнах. На низком ложе, сплошь заваленном разноцветными подушками, извивались в пляске любви голые тела. Двое... Нет, трое юношей играли в извечную игру, столь знакомую и непостижимую, в которой каждый новый акт становился откровением

свыше, воспоминанием обо всех и ни одной прожитой жизни.

Трое были столь совершенны, что я не могла оторвать от них взгляда, хотя никогда и не увлекалась вуайеризмом, или, тем паче, гей-порно. Молочная кожа, золотая и шоколадная, целый всплеск эстетического удовольствия. Мягкие скольжения, страстные стоны, прерывистые вдохи...

Внезапно один из юношей оторвался от губ своего партнера, выпутался из захвата другого и уставился прямо на меня. Его белые волосы едва заметно колыхались, то возносясь, то опадая на смуглые тела рядом. Он смотрел на меня своими широко распахнутыми глазами, полными удивления и серебристых искорок.

И почему-то он показался мне таким знакомым...

Его любовники приподнялись с ложа, недоуменно оглянулись, но так и не увидели меня, спрятанную тенями времени и пространства, а юное божество беззвучно прошептало: — Киали?

Мать? Нет, я не была его матерью. Или была? Почему в нем чувствуется родная кровь? Кто он, это мальчик с невозможными глазами — доверчиво распахнутыми воротами в бескрайнюю бездну?

Хаос любит своих Детей. Когда-то младшие Реш называли меня Киали, ибо, будучи Аватарой Отца, я не могла быть ничем меньшим, чем их Матерью.

Я была их опорой, их путеводной звездой, а они моей тихой гаванью, моей надеждой и будущим.

Коф изменили все.

Истребление, охота на одиночек, засады, локальные и глобальные стычки. Их всех уничтожили по приказу долбанных Коф! Картинки воспоминаний пронзили мозг раскаленными прутьями. Крики погибающих Реш и Вауу... да, так их звали, зазвучали совсем близко, прямо в моей голове.

Левый браслет сжался на запястье астрального тела, вспыхнул грозным узором на золотой чешуе, и в кровь щедро плеснуло адреналина, а перед глазами соткалась алая пелена. Все благие намеренья тут же развеялись прахом.

Твари! Они посмели напасть на моих детей! Они посмели их уничтожить! Они травили их как лесное зверье, вылавливали по одному и безжалостно резали, как скот!

Убить! Разорвать! Стереть с лица Первозданного!

Вода вокруг меня вскипела, завертелась воронками, из которых один за одним появлялись все новые и новые змеедраки. Моя ярость, жажда мести и ненависть позвала их из самых дальних частей океана, из самых глубоких нор и лежек, и они все явились на зов крови Хаоса.

Хаос любит своих Детей.

И жестоко мстит за них.

К дворцу Коф мы выплыли огромным, грозным золотым облаком, золотыми же молниями упали на прозрачные крыши, разбивая их в хлам.

Крушить!

И стены крошатся, как песочное печенье, перед неукротимой стихией, под названием — стая Хифлесс'Тхач. Арки опадают, словно сделаны из картона. Стекла панорамных окон разлетаются миллиардами осколков, добавляя блеска и сверкания в бурлящие воды Впадины Созидающих. Все это было и не раз, может быть чуть иначе, может быть в другой форме...

Нет не чуть иначе, что-то совсем не так...

Я постоянно жду ответного удара, жду обороны, засады, хоть чего-то, но наша стая не встречает никакого сопротивления — и когда мы плывем над внешними садами, и когда в кольцевых галереях уничтожаем произведения искусства, столь лелеемые Созидающими... Коллекционеры хреновы! И когда врываемся во внутреннюю часть Жемчужного Дворца.

Где они! Где эти мрази!

Но их нет, никого нет! Только пустые коридоры, залы, по которым мы мчимся, оседлав волну соленой воды, заливающую их один за одним, срывая со стены картины, сворачивая ковры, ломая цветы и мебель. Анфилада залов, столь роскошных, что наша чешуя бледнеет на их фоне, где даже пол — это тархово произведение искусства, выложенное драгоценными камнями.

В Бездну! Смести! На кусочки!

И никто не мешает нам, никто не пытается защитить наследие стольких поколений Коф. Их сокровищницу, ту, что они кропотливо собирали по мирам, выискивая искры гениальности в каждой расе, в каждом народе.

В Бездну! Ничего не важно! Все грязь и мелочи!

С каждой новой пустой залой ярость вздымается еще выше, еще сильнее застилает глаза красное марево, месть, не находящая достойной цели, не утихает, не замолкает, а лишь сильнее разгорается.

«Подвал».

Картинка приходит от одного из разведчиков, и золотые змеи устремляются к потайным воротам в подземную часть Дворца.

Они там! Они должны быть там! Теперь они поплатятся, трусливые твари, что предпочли спрятаться, а не сражаться за свой дом.

Мысль о возможной ловушке даже не приходит в голову, да и не сможет ничто остановить стольких Зверей Хаоса, объединенных единым порывом священной мести. Всей мощи Созидающих не хватит для этого, и, кажется, хитрые Коф осознали это первыми, так как и подземные лаборатории удручающе пусты.

Первые несколько этажей мы заливаем не останавливаясь, и лишь где-то на третьем я внезапно осознаю, что вокруг меня, что-то совсем не то, не так. Будто уткнувшись в стену я останавливаюсь прямо посреди очередной лаборатории, напичканной... Самым совершенным оборудованием, которое я когда-либо видела. Ну, или бывшего таким, пока не повстречало нас.

Короткий мысленный приказ, и волна Хифлесс'Тхач отхлынула от перегородки, что вела к лифту на следующий уровень, позволяя мне уже в человеческой форме спуститься на этаж ниже.

Что за... Стерильные, светло-серые стены, белый свет с потолка, обилие бронированного стекла, рабочие места, переливающиеся не алмазами и рубинами, а голографическими экранами и сложными приборными панелями. Коф, как и многие хаоситы, никогда не жаловали технику, считая машины уродливыми проявлениями слабости. Тот, в ком Сила, не нуждается в костылях из металла и пластика. Ему не нужны вычисления и сложные формулы, чтобы изучать и понимать окружающий мир, нужны лишь собственные совершенные органы чувств, острый ум и умение управлять потоками Силы. Как же деградировали Коф, что были вынуждены прибегнуть к плодам технического прогресса самых отдаленных миров, и что они здесь изучали?

Скользкий по серо-белому пространству взгляд споткнулся о неуместное, в этом царстве порядка и чистоты, месиво из плоти и крови. В дальней части лаборатории пестрели разными тошнотворными цветами и формами изолированные боксы, с... образцами. Удушливая, бессильная злость схватила за горло, выдавливая обретенное было спокойствие и разумность. В боксах, за толстым стеклом хранились безжизненные части тел не только Зверей Хаоса, но и Реш! Некоторые были в человеческой форме, некоторые в Звериной, а кто-то застрял в середине оборота, когда очевидно были пойманы и расчленены заклиниванием или чем-то еще.

Что за ужасы здесь творили Коф?! Они что... Да как они посмели ставить опыты над Детьми Хаоса! До чего они пытались докопаться, выкормыши Пустоты?!

Дальнейшее мне не запомнилось, но в одном я была точно уверена — на этот раз я ничего от Коф не оставлю, я уничтожу само воспоминание об этих мразях, чтобы никто, никогда даже не подумал о том, чтобы повторить их злодеяния. Моя мягкость и нерешительность сыграла дурную шутку с этим миром. Со всеми мирами. Я начала и не закончила важное дело, и судьба жестоко отплатила — я не только похоронила почти весь свой Дом, но обрекла тысячи бессмертных на участь, намного худшую, чем смерть. Смерть обратима, у Реш всегда есть шанс на возрождение на алтаре Храма, но все эти Звери и Метаморфы были лишены его! Пока их тела не вернуться в Бездну, не сможет восстать их дух, они заперты в этих чертовых колбах, боксах, пробирках и на разделочных столах.

Никакой жалости, никакой пощады, никакого милосердия! Коф будут уничтожены, и начнем мы с физического воплощения их Дома. Однозначный, не терпящий возражений приказ пронесся по моему золотому войску, встречая лишь одобрение и дружное согласие. Мои мысли были столь громкими и четкими, что они все и все поняли, прочитали прошлое и осознали, ЧТО именно здесь произошло. Это больше не была личная месть, в которой они участвуют из солидарности, это стало войной, джихадом, который поглотит весь Первозданный, любой уголок Веера Миров, куда Хаосу есть доступ.

Коф будут уничтожены.

Мысль била басами тяжелого рока, сопровождая наше безумие, локальный прорыв чистого Хаоса в полотно Упорядоченного. Языки Пустоты слизывали участки бывшего Жемчужного Дворца, унося в забвение целые пласты реальности. Вот так и только так.

Коф будут уничтожены, выродки, недостойные звания хаоситов, им не найдется спасения ни в одном из миров.

[1] Морской Змей (хаоский).

Глава 33. Встречи на перепутье. Кхай

И зачем мне понадобилась эта дуэль? Что толку от отстаивания своей чести, если Лаит во многом прав? Я понимаю мальчишку, понимаю его порывы, и сам поступил бы точно также на его месте. Ну так зачем я его спровоцировал? Из чистого, идиотского желания доказать, что я сильнее. Кому? Ему? Дзайн? Какое мне дело до них до всех, когда единственное, что имеет значение — это моя тсани, затерянная где-то в Аит'Ле. Я готов последовать за тобой хоть в Бездну, я последую за тобой и в Смерть, но в Тюрьму Богов мне нет хода. Есть только надежда, что Сандалии выведут тебя.

По каким тропам ты бродишь, встретимся ли мы у Коф?

Прежде, чем шагнуть в дымку перехода, настроенного на двоих, я еще раз посмотрел на Лаита. Бездна и все саа'ле, я все же толкнул его на этот Путь... В его груди билось лиловое сердце, и, пожалуй, только я знал, что это может означать и какими бедами всем нам грозит. Решил доказать, что сильнее, и на этот раз у меня получилось, но победа в одном бою еще не означает выигранную войну, особенно когда я сам сделал своего противника сильнее.

Ваэль, моя тсани, ты спустишь с меня шкуру и будешь права, ведь я разбудил Аватару, вот только кем ты станешь, Лаит Изгнанник? Можно ли тебя остановить, и нужно ли? Враг ты, или еще одно орудие Отца для борьбы с Врагом? Мне придется держаться поблизости, если я хочу это выяснить и вмешаться, когда придет время.

— Мы идем? Или ты так и будешь медитировать на мою повязку?

Холодный голос Проводника ворвался в тяжелые мысли, вернув в реальность. Повязка на его груди вновь окрасилась темно-красным, иллюзией крови. Пусть лиловое сердце и бьется без перебоев, но ткани грудины все же серьезно поранены, и их не так просто залечить после моего клинка. Конечно, не Пожиратель Душ, но тоже способен нанести немалый урон любому хаоситу.

— Ты уверен, что готов идти? Что достаточно здоров?

Лаит презрительно скривился и сквозь зубы процедил:

— Не твоя забота.

Оставалось лишь пожать плечами и шагнуть в портал, чтобы на выходе захлебнуться, нет, не водой, к ней тело Мейн приспособилось сразу, но ужасом и отчаяньем от открывающейся перед взором картины.

967005 год от Создания, Эпоха Полной Звезды.

Город горел в огне, выдыхал клубы дыма и пыли, сыпал искрами и камнями с крыш полуобрушенных зданий. Плавился асфальт, лопались стекла, языки пламени вырывались из развороченных входов и от нестерпимого жара редкие деревья в кадках вспыхивали словно спички. Среди хаоса и разрушений неслась Малая Охота, поджигая и круша то, чего пока не коснулся огонь.

И на этот раз Стая явилась в образе, описанном в легендах и сказаниях этого мира, прячась за ширмой местных верований. «Прекрасная дева верхом на Звере огненном, с пылающим мечом в правой руке, да со щитом божественным в левой, окруженная Всадниками своими, спустится в мир тварный, окуная его в гнев Господний, сея возмездие грешникам и даруя искупление праведникам».

Зверь был, дева, с оговорками, тоже была, были даже Всадники, ненормальные парочки

из хаоситов — один Реш в образе Зверя, второй в виде Всадника. Весь бестиарий Девятого Круга в сборе. Вместо пылающего меча, Кнут, облизанный черными всполохами, да Призма, сияющая серым щитом вокруг мчащейся Стаи. Вот только не было никакой праведности, никакого священного воздаяния. Лишь кровавое безумие битвы.

Ваэль, в очередной раз, в качестве цели выбрала один из самых развитых миров, и пусть Законом о Малой Охоте разрушения были ограничены, пусть Реш не могли полностью уничтожить несчастный мир, они не сдерживали свою силу и жажду крови — шли раскаленной лавой по столице самого большого города, стирая с лица планеты все достижения целой расы.

Прекрасные высотные здания, обманчиво легкие и воздушные, складывались словно карточные домики, погребая под собой широкие проспекты и узкие парки. От града осколков не могли увернуться даже шустрые летающие кары, то и дело в небе вспыхивал взрыв и на поломанный и оплавленный асфальт дождем падали ошметки очередной машины.

Ваэль ненавидела машины всей душой, считая их признаком слабости духа, отсутствием истинной Искры Жизни, не говоря уже об Искре Хаоса, она оправдывала свою ненависть необходимостью очистить Веер Миров от неуместного, от наносного, вернуть Отцу отнятую на создание «лишних» миров Силу. Она говорила, что это способно остановить наступление Бездны и обратить вспять деградацию хаоситов, вот только... Не слишком ли поздно? Разве мы уже не скатились ниже возможного, отыгрываясь на слабых, за их счет продлевая агонию Первозданного?

Стая Реш мчалась по пылающему городу, обращая в пепел все, что успели создать поколения и поколения разумных, но даже я понимал, что притока Силы от разрушения недостаточно, его ничтожно мало и он растворяется в прожорливой Бездне без следа и без видимых последствий. Но Малую Охоту не остановить, если Ваэль вошла в раж, то пока от города не останутся одни головешки, она не успокоится. И все же я попробую, попробую перехватить ее во Дворце, что возвышается над городом, памятником истории этого народа.

— Тсани!

— Кхай? Ты решил наконец-то присоединиться к Охоте? — в ее глазах сверкает сумасшедшая радость битвы, а мне почему-то становится противно и жутко.

— Нет, тсани, я все еще считаю это ошибкой.

— Но почему?! Почему ты не хочешь признать очевидное?!

Моя прекрасная воительница возмущена до глубины души, она действительно не понимает, почему я вдруг стал осуждать ее действия, почему я больше не сопровождаю ее во время Охот.

— Тсани, это сумасшествие! Все это лишено всякого смысла, ты же сама это видишь!

— Ты назвал меня безумной?!

Это все, что она слышит, все, что воспринимает, но разве это не сумасшествие — раз за разом повторять одни и те же действия, почему-то ожидая иного эффекта?

Моя тсани резко отворачивается от меня и стремительно уходит прочь, в ярости ударяя Кнутом по пока еще целым стенам, выплескивая свою злость и страх на ни в чем неповинный мир.

Я почти бегу за ней по широким коридорам разрушенного дворца, все еще надеясь образумить.

— Тсани, подожди, ты все не так поняла!

— Не так поняла?! Да, ты, должно быть, издеваешься!

Она стоит напротив меня, такая красивая, такая живая, с выбившимися из косы прядями, а перед глазами поля и города этого и других миров, заваленные трупами, смердящие кучи, некогда бывшие разумными.

— Тсани, разве ты сама не понимаешь? Не видишь, что происходит?

— А что, по-твоему, происходит?!

— Вы зашли слишком далеко, вы заигрались в... — обрывая себя на полуслове, потому что точно знаю, что Ваэль не понравится сказанное.

Она так зла на меня, лиловые глаза пылают яростью Бездны, щеки бледны, зато алого хватает на ее некогда сверкающем нагруднике. Она так любит светлые, серебристые тона, но почему-то почти всегда оказывается в красном и черном. От крови и копоты.

— В богов, ты хотел сказать? — Ваэль усмехается, — ты ничего не забыл, любовь моя? Например, то, что мы и есть боги? Отец наделил нас правом...

— Не Отец, вы сами! — выкрикиваю ей в лицо неприглядную правду. — Это вы вместе с Нун на Тана Домов Хаоса вдруг возомнили себя вправе решать судьбы миллиардов разумных.

— Это и есть наше право, Кхай! Да, они разумные, но мы хаоситы. Мы неизмеримо выше! Но дело даже не в этом, дело в том, что иного Пути нет!

— Нет, потому что ты даже не пытаешься его найти! Тебя так увлекло Разрушение, ты погрузилась в безумие...

— Вот! Опять ты называешь меня безумной!

— Ваэль, я не имею в виду, что ты сумасшедшая, нет. Я просто хочу сказать...

— Я знаю, что ты хочешь сказать, не утруждай себя! Ты почему-то вдруг решил заделаться Миссией и озаботиться судьбой разумных, напрочь забыв о том, зачем все это. Зачем вообще нужна Охота!

А потом были эти роковые слова:

— Мейн'Кхай, ты временно исключаяешься из Стаи. Вернешься, когда одумаешься, когда вспомнишь, кто мы и что мы.

— Ваэль...

— Нет, Мейн'Кхай, Нешамах Ваэль, и тебе не стоит об этом забывать.

— Тсани...

Моя попытка вернуть разговор в нормальное русло вновь провалилась, Ваэль предупредительно прищурилась, вскинула руку и своим неподражаемым, глубоким голосом сухо бросила:

— Я сказала. Не смей перечить Аватаре Хаоса!

Действительно, кто я, чтобы перечить Аватаре... От этих слов во мне что-то сломалось, одно из сердец болезненно замерло, стало не хватать воздуха, но Ваэль ничего этого не видела, она вернулась к своему любимому занятию, уничтожая уцелевшее, оставляя меня за своей спиной, стоящего на коленях, схватившегося за левую сторону груди.

Мое расколотое пополам сердце больше не могло качать кровь, больше не хотело биться, слишком часто его ранили, слишком глубоко, и финальный укол оборвал последние нити, уничтожив надежду на лучшее. В груди нестерпимо вспыхнуло болью, словно зажегся костер, а потом...

Я очнулся посреди темно-фиолетового ничто. Я купался в чем-то совершенно нематериальном, и в то же время отчетливо осязаемом. На секунду мелькнула ассоциация с

чревом матери, но откуда мне помнить его? Даже хаоситы не помнят своего рождения.

— Потому, что это слишком больно, — голос раздался отовсюду и из ниоткуда.

— Больно?

— Слишком больно покидать рай, поэтому я и забираю у всех рожденных их первые воспоминания.

— Кто ты? — самый глупый и очевидный вопрос.

— Ты знаешь ответ.

«Этого просто не может быть...»

— Все возможно, если очень сильно этого захотеть... Чего хочешь ты?

Вопрос из всех вопросов, и еще несколько дней назад я бы колебался, но сегодня ответ вырвался сам:

— Хочу стать Твоей Аватарой!

Смех Отца ознобом прошелся по коже, и второе сердце окончательно замерло. Время зависло в моменте между, фиолетовых завихрений вокруг меня стало в разы больше, они окружили меня, словно щупальца огромного осьминога, а потом призрачная «рука» прошла сквозь мою грудь, сдавила несчастный комок мышц и столь же резко отпустила.

Перед глазами вспыхнули миллиарды сверхновых, столкнулись и взорвались планеты и целые системы, закручиваясь в спирали, что породят новые галактики, а возможно, позднее, и жизнь. Я видел бескрайние зеленые долины, я видел невообразимой красоты водопады, низвергающиеся с высоченных гор. Я видел стада диких, свободных животных, мирно пасущихся на лугах, я видел появление первых поселений, неуклюжие дома, еще не до конца разумных людей, почему-то уже мнящих себя царями природы. Города разрастались, совершенствовались, вот только дух над ними витал все более и более тяжелый. Исчезала чистота и красота первичных форм, заменяемая полетом технической мысли. А потом пришел огонь...

— Если действительно хочешь — то станешь, — голос звучал тихо, без издевки или пафосного торжества, — Искру я в тебе разжег.

И верно, второе сердце билось ровно, четко, отмеряя секунды, вот только я знал, что оно больше не красное, а лиловое и насквозь пропитано хаосом. Слова давались с трудом, но я все же спросил:

— Я стану достоин ее?

Молчание было мне ответом, и, лишь спустя вечность, Он вновь заговорил:

— Ты начнешь свой Путь с самого начала, ты пройдешь все Девять Кругов, ты станешь своим в каждом из Домов, и только когда тебя признают Рещ, только тогда ты встанешь на одну ступень с моей дочерью.

Образы того, что мне предстоит сделать, замелькали перед глазами чередой цветных картинок. Подсказки Отца были исчерпывающими, но я все еще плохо представлял, что меня ожидает — предложенный Путь был одним сплошным парадоксом.

И опять этот смех, пробирающий до костей.

— Ты же знаешь любимую присказку хаоситов.

«Хаос любит парадоксы».

— Верно. В этом весь смысл и Истинное знание.

Я всей кожей чувствовал одобрение Отца, и это было столь странно и велико, словно я вдруг оказался в чужом теле.

— Ты хотел стать Аватарой? Ну так будь ей! Отныне ты Само-Сотворенная Аватара

Хаоса, но в полную силу войдешь лишь в Храме, заняв причитающееся тебе место — Нефеш[1], Мои Желания и Эмоции.

Лиловая волна подхватила меня, закружила, смяла как легкий листок, чтобы вынести в реальность разрушенного города. Оказалось, что меня не было всего долю секунды, спина моей тсани все еще виднелась среди обломков коридора, вот только смотрел я на нее уже совсем другими глазами.

Я смотрел на разгромленный Жемчужный Дворец и не мог поверить своим глазам. Нет, я не ожидал мирного решения вопроса, Коф давно перегнули палку в своем стремлении захватить власть, но почему Ваэль опять выбрала Путь Разрушения?! Неужели ее вновь одолело кровавое безумие?

Над Дворцом жуткой воронкой кружились тела Хифлесс'Тхач, золотые змеядраки мелькали в разбитых галереях, и Ваэль была где-то там, в глубине. Прежде чем я успел сориентироваться, еще одно золотое тело выплыло прямо рядом с нами и обернулось моей тсани.

В ее глазах плясали искры того самого безумия.

— Как же я рада вас видеть! — донеслись до меня мысли Ваэль.

Она бросилась в мои объятия и на миг мне показалось, что все хорошо, что я слишком мнителен, но потом Ваэль отстранилась, скупно кивнула Лаиту и потянула меня за руку в сторону Жемчужного.

— Пойдем, ты сам все посмотришь.

— Ваэль, — попытался я ее остановить, но моя тсани никак не отреагировала на мой призыв. — Ваэль! — громче прозвучала моя мысль.

— Да? — удивленно обернулась она.

— Что тут произошло? Коф не хотели отдавать?

— Прости, что? — недоуменно расширились ее фиолетовые глаза с красными искрами. — Ты о чем?

— Зачем вы... — бесполезно, не стоит ее об этом спрашивать. — Ты нашла Призму?

Ваэль замерла, нерешительно взглянула на Лаита, а потом тряхнула головой:

— Не до Призмы сейчас, ты должен это увидеть!

Я ошибся, прошлое все еще не до конца отпустило меня, мне так же страшно было смотреть на эти красные искры, как и когда-то. Почему-то показалось, что время и Отец насмеются надо мной, играют и с моим разумом, заставляя видеть то, чего на самом деле нет. Или было когда-то.

Deja vu[2].

— Ваэль, ты забыла зачем пришла к Коф? — ни проблеска понимания не мелькнуло в ее взгляде, и меня все же прорвало на очередные идиотские вопросы, которые не следовало задавать, — Что с тобой приключилось в Аит'Ле? Что нашептали тебе безумные боги?

Она замерла, недоверчиво прищурилась:

— Безумие?! Защищать Детей — это безумие?!

Ее волосы взвились щупальцами огромного серебристого осьминога, нет не такого, как тот, фиолетовый, но до дрожи похожего, очертания тела поплыли, грозя вот-вот стать чем-то совсем иным. Понимание ошибки накрыло с головой — все было не так. У Ваэль были причины, и тогда, и сейчас. Пусть я и был некогда не согласен, но теперь... Как до нее достучаться?

— Ваэль!

— Ты с ними заодно?! Говори!

Моя тсани пошла в разнос... Щупальце метнулось к горлу, сжало его до хруста позвонков, но меня не так просто убить, я прошел по Пути, я Нефеш. Нереальное усилие и мне удалось разжать смертельный хват, но это не успокоило мою тсани, наоборот, ярость зажглась еще сильнее.

— Убирайся!

— Ваэль...

— Прочь!!!

Акустическая волна прошла под водой, сминая ребра, вдавливая слова возражений обратно в глотку. Сейчас ее не вразумить, сам нарвался и пока она не выплеснет ярость, слушать не станет. Можно было только покорно склонить голову и уйти, мельком замечая блеснувшие злорадством глаза, молчавшего до сих пор Лаита.

[1] Неф и Эш — Желания и Эмоции (хаоский).

[2] Уже виденное, дежавю или дежа вю (французкий). Психическое состояние, при котором человек ощущает, что он когда-то уже был в подобной ситуации, подобном месте.

Глава 34. Бывших Цаде не бывает. Кхай

Пугающий образ Нешамах, Аватары Хаоса... Нет, уже не пугающий. Когда-то ее безграничная сила и, как мне казалось, полное отсутствие контроля испугали меня до предательства. Сейчас ужас лишь мазнул по краю сознания, больше беспокоила наша миссия, но тогда... Тогда я совершил кошмарную ошибку, стоившую мне всего.

1030566 год от Создания, Эпоха Полной Звезды

— Кхай, ты же понимаешь, что мы больше не можем ждать, пора действовать?

Я смотрел на Айна, золотоволосое видение, такое возвышенное и прямо сияющее добротой, что аж сводило скулы и отчетливо тянуло выблеваться. Но никто, ни разу еще, не смог уличить его во лжи, и я, действительно, стал сомневаться, позволил себе поверить, что может быть, только может быть, Киайт все же прав.

— Еще раз, что ты предлагаешь?

Айн тяжело вздохнул, удрученно покачал головой, словно уставший учитель, которому никак не удается донести свою мысль до нерадивого ученика.

— Мыотрежем тринадцать Миров от Веера, оборвем основные каналы, спрячем проходы через Междумирье. Таким образом мы изолируем достаточно Миров, чтобы укрыться от вездесущих Реш и их прихлебателей, — последнюю фразу Киайт почти выплюнул, он давно уже захлебывался ненавистью к Реш, она вот-вот грозила перелиться за границы разумного. — Мы избавимся от них, наконец-то избавимся...

Айн был фанатиком, самым настоящим, с горящими глазами и прекрасным лицом, превращающимся в гротескную маску, стоило ему только вспомнить о Реш. Я не знал доподлинно, что именно послужило первопричиной, с чего началась его ненависть, возможно, дело было в личном, а может он действительно радел за будущее Веера, наглядевшись на последствия Малых, а в особенности Больших Охот. Последнее я вполне мог понять, ведь тогда и мне казалось, что я вступил в «клуб заговорщиков» из ясных и правильных мотивов. Только позднее я нашел в себе силы признаться, что мною движет зависть и страх потерять мою тсани, а все остальное ширма.

— Кхай, мы должны обезопасить свои Дома, тебя беда обойдет стороной, а мы все подвержены риску, — едва слышно прошептал сидящий справа Алеф. — После Закона о Жертвоприношениях мы все не более чем мясо для алтарей Реш.

— Вы сами в этом виноваты, — резко оборвал его я.

Алеф опустил голову, а Айн отвернулся, чтобы скрыть промелькнувшее выражение лица, но в этом не было нужды, я и так знал о его чувствах — досада и сожаление. Нет, не о самом поступке, а о том, что у него ничего не получилось. Тархов нашси, уже тогда стоило его раздавить как назойливую муху, но я был слеп и глуп.

— Мы хотя бы попробовали, — пожал широкими плечами Каф.

Проповедник был одним из самых ярких сторонников свержения власти Нешамах, но даже он признал, что предыдущий план был ошибкой.

— И проиграли, — напомнил я им, — проиграли, потому что не учли главного: Реш — Дети Отца, они обласканы Его милостью.

— И за что он только дал этим тварям столько власти? — процедил сквозь зубы Айн. — Разве они заслужили?

— Они ближе всего к Нему.

— Они узурпировали власть! Втерлись в доверие и замкнули на себе все Его решения!

Интересная трактовка ситуации, но зерно разумности в словах Киайта было — только Реш были допущены к Отцу, только им Он еще являлся, так откуда всем остальным было знать о содержании этих пресловутых Бесед? После той встречи в фиолетовом ничто, Отец больше не отвечал на мои призывы, лишь иногда я ощущал Его присутствие рядом — во время ритуала принятия силы в очередном Доме, Он, как бы, давал добро на еще один шаг по Пути Нефеш.

Тана Внешних Домов я рассказал о своем Пути, и невольно стал центром их заговора — живым доказательством того, что Отец благоволит не только Реш. В прошлый раз они перегнули палку, так что на этот раз я не собирался так просто соглашаться.

— Айн, мне плевать на власть, меня это совершенно не интересует. Я хочу лишь обезопасить Внешние Дома от полного уничтожения, — напомнил я о главном беснующемуся Киайту.

Только позже я узнал, что как раз Айну на власть не было наплевать, он отчаянно к ней стремился — к безграничной власти хотя бы в отдельно взятом Мире, раз уж большее ему точно не светило.

— Кхай, закрыв тринадцать Миров мы не только Внешние Дома обезопасим, но и создадим надежное убежище для всех притесненных. Любой сможет спрятаться, уйти от преследования, раз уж свергнуть обезумевших Реш мы не можем.

Алеф всегда были самыми разумными их всех хаоситов, степенные, основательные, они умели рассчитывать столь сложные системы, выписывать такие комплексные законы мироздания, что их непродуманное покушение удивляло и настораживало.

О, да! Внешние Дома в первый раз объединились еще триста тысяч лет назад по летоисчислению Первозданного, они замыслили свергнуть Нешамах самым простым и, казалось бы, действенным способом — просто убить ее. Вот только эти идиоты не учли, что она на самом деле Аватара Хаоса, а свита ее — Пробужденные, те, что не подвластны Смерти. Внешние Дома совершили нападение на Стаю во время Большой Охоты, воспользовавшись уловками и особенностями Мира, куда удалось заманить Ваэль.

Стая была уничтожена, ну или так решили заговорщики. Если бы они меня спросили, я бы им объяснил сколь велико их заблуждение, но они не спросили, верно посчитав, что я не одобрю идиотскую затею. Пока Внешние Дома ликовали, а некоторые пытались подгрести побольше миров под себя, Реш возродились на алтарях Храма, а всплеск от их физической смерти разбудил Отца от сна. И Реш вновь возобновили Беседы с Ним, на время уйдя в Тень Храма.

О чем они ему поведали и дураку понятно, а Он внял их словам и кратко явился на Тана всех Домов, поддержав Закон о Жертвоприношениях — по сути смертный приговор Внешним Домам. С тех пор Реш были вольны ежегодно отбирать по десять представителей от каждого провинившегося Дома и закалывать их, словно овец, под сводами Храма. Ну или как они сами говорили — «возвращать в лоно Бездны». Естественно, Реш выбирали самых сильных, самых ярких хаоситов, отчего Дома с каждым годом хирели, вырождались. Отсроченная казнь, вот на что, на самом деле, были обречены все Внешние Дома. Последняя сотня тысяч лет служила прямым тому доказательством, так что новая попытка переворота давно назрела.

Я понимал их стремление выжить любой ценой, я и сам в их ситуации не посмотрел бы

на средства, но у них не было права на еще одну ошибку. У нас не было права. Никогда я не посмею поднять руку на мою тсани, но ее нужно остановить, так или иначе, пока она не свела в Бездну все Дома.

— Мы создадим серию тайных порталов, Лабиринтов, через которые смогут пройти только посвященные. Через них мы постепенно уйдем из Веера, навсегда покинув подвластные Реш миры, — Тал'Хефт, один из немногих представителей Внутренних Домов, присутствующий на встрече говорил тихо, размеренно, но очень веско. — Это будет самая сложная сеть артефактов, когда-либо разработанная нами, но это возможно. При определенных условиях.

На этот раз заговорщикам удалось перетянуть на свою сторону и два Внутренних Дома, ведь те прекрасно понимали, за кого примутся Реш, как только покончат с Внешними. Общая беда объединяет, даже если когда-то сидящие здесь были худшими врагами.

— Каких? — спросил Айн.

— Сила. Море Силы.

Все присутствующие посмотрели на меня, однозначно намекая на самый очевидный источник. Они почему-то решили, что мне это по плечу. Конечно, их доверие меня несказанно радовало, вот только я сам был далеко не так положительно настроен. Я прошел едва ли половину Пути, зависнув на Внутренних Домах, но мне скоро предстояло перейти как раз к Хефт, так что цепочка ладно складывалась. Слишком ладно, и в этом явно читался чей-то умысел, но и это я понял слишком поздно.

— Хорошо, мы сделаем это, мы создадим Закрытые Миры. Реш нужно остановить.

Несмотря на мои слова, давшие начало концу, я был далеко не так уверен в том, что предстояло сделать, но, как и сами заговорщики не видел иного выхода. Закрытые Миры казались отличным решением — бескровным, изящным, воплощающимся и главное — надежным. «Если хочешь рассмешить Хаос, расскажи ему о своих планах» — так гласит еще одна распространенная поговорка, но мы не были бы хаоситами, если бы на время не забывали о самых очевидных вещах.

Сначала все шло по плану. Один за одним мы незаметно, тайно ото всех отрывали выбранные миры от общего Веера, отсекая канал за каналом, тщательно следя за тем, чтобы ничего не отразилось в Первозданном. Реш и остальные Великие Дома ни о чем не догадывались, Жертвоприношения и Охоты продолжались, хаоситы исправно платили дань сильнейшим, а Ваэль и ее свита продолжали играть на местных верованиях, принося разрушения в самые прогрессивные миры.

Наконец дело дошло до крэшшевой сети Лабиринтов, и тут мы споткнулись, у нас с Хефт никак не получалось придумать принцип, по которому будет происходить прямая связь с Хаосом без лишнего шума и следов, а ведь это было обязательным условием, если мы не хотели оставить Закрытые Миры совсем без магии. Канал следовало сделать односторонним — сила Хаоса должна была вливаться в Лабиринт, но без обратной связи. Одному из Хефт пришла в голову гениальная мысль, что примерно так работают алтари в Центральном Зале Храма Девятого Круга. А Реш умеют не только управлять потоками силы, регулируя их направленность, но и пользуются ими для перемещения между мирами. Пробужденные никогда не нуждались в порталах — это факт, а значит, если изучить механизм Зала, то можно попробовать воссоздать его в Лабиринтах.

Но как попасть в Храм, если без разрешения Реш это невозможно? Оставалось только

одно.

Слово здесь, слово там, немного игр с отпущенной мне силой, и вот удалось начертать тот Путь, который позволил мне вновь столкнуться с моей тсани.

Мы встретились с Ваэль на очередном Маскараде Домов, куда я пришел в качестве Тана Мейн, которым по факту уже не являлся, но некому было уличить меня во лжи — те, кто знал правду, поклялись молчать. А тех, кто не поклялся... тогда я оправдывал свои методы высшей целью, совершенно не замечая того, что скатываюсь в ту самую Бездну, из которой так хотел вытащить Ваэль.

Ваэль клюнула на приманку, подкинутую ранее, сделала заказ на нужный ей артефакт, так что мне просто предстояло изящно его преподнести. Просто. Ничего простого в этом не было. Руки дрожали от желания прикоснуться к ней, пройти по всем изгибам сильного тела. Нутро выворачивало от дикой потребности схватить ее, запихнуть в портал, вывалившись в спальне и наконец-то... Вместо этого я с поклоном распрощался, ушел, чтобы через пару месяцев заявиться в Храм уже по приглашению.

Мне дали полный доступ, так как Мейн всегда были союзниками Реш, никогда не предавали и нам верили. Конечно же, зря. Чем мы лучше других хаоситов? Точно также готовы принести в жертву любого, если это служит нашей цели. Реш не опасались чужого интереса к своим секретам, так как вполне обосновано полагали, что ни одному из Домов их не разгадать — слишком обрывочные знания и способности у каждого. Вот только я был представителем не одного Дома, а уже доброго десятка, и хранил в своей памяти многое — и расчеты Алеф, и практику строительства Беф, и уловки Далет по созданию связей между мирами, я понимал даже откровения Йод, хоть это и казалось почти невозможным. Именно мой Путь Нефеш дал мне ключ к разгадке Зала Храма Реш.

Ваэль не вышла ко мне, пока я был в Центральном Зале, и от этого мне было легче сосредоточиться на своей задаче, но все вылетело из головы, стоило мне оказаться в Саду. Она стояла там, в окружении голубых орхидей, и я со всей ясностью осознал, что все мои потуги избавиться от наваждения любви ничто, прах, пыль под ногами моей богини. Ваэль не сделала ровно счетом ничего, чтобы соблазнить меня, я сам сорвался, сам порушил свои планы, не выдержал, сдался.

Та ночь обернула мое предательство против меня же. Ее губы обновили клеймо под моим красным сердцем, и поставили новое тавро на фиолетовое. Теперь и оно билось только ради нее. Цель больше не казалась достойной, я уже был не так уверен в своей правоте, но... Поворачивать вспять было поздно, все нужное заговорщики уже получили, я не мог их остановить, мог лишь возглавить.

В этот раз мы опять просчитались, опять недооценили Нешамах и ее нюх на неприятности. До сих пор не знаю, на чем я тогда прокололся, но Ваэль как-то догадалась о моем предательстве, собрала очень особенную Стаю и выследила меня до Зала Зарождения Мира Льдов. А я был вдвойне слеп, так как пропустил заговор внутри заговора — в Мире Льдов Стаю ждала засада. Внешние Дома стянули все лучшие силы, на немногочисленную свиту Ваэль обрушился весь их страх и ненависть. Несмотря на мои усилия, им удалось лишить жизни даже мою тсани, не говоря уже об остальных. Спаслась только Аллос, древнейшая из Реш, да еще двое, не иначе как чудом — Мейн'Дасат и Шин'Танокс. Вот только все трое прочно застряли в Мире Льдов, после того как Дверь с грохотом захлопнулась.

Естественно, Ваэль возродилась на алтаре Храма, как и одна из ее сестер по Дому —

Кицунэ, а вот остальная ее свита вернулась в облике Зверей, на них иссякающей силы Хаоса не хватило. Сказать, что моя тсани была в ярости, значит ничего не сказать. Мои оправдания ее совершенно не интересовали, я подтвердил делом свое предательство, да еще и невольно выдал секрет Закрытого Мира Льдов.

В приступе кровавого безумия, Ваэль собрала Тана Внутренних и Великих Домов, вернула себе титул Нешамах, и объявила Внешние Дома вне закона. Тысячу лет длилась война, впоследствии названная Первой Резней. В результате Резни Внутренние Дома были полностью уничтожены по всему Вееру Миров, жалким остаткам удалось спастись в Закрытых Мирах, о которых Ваэль по-прежнему ничего не знала, думая, что Мир Льдов единственный в своем роде.

Именно поэтому, после присяги Коф и Цаде, предавших союз Внешних Домов, Нешамах обратила всю свою разрушительную мощь на Мир Льдов, но мы славно потрудились с Хефт и Беф, Дверь выстояла, не впустила даже Аватару Хаоса, тем более, что с другой стороны подпирал ее лично я.

А потом...

1231001 год от Создания, Эпоха Полной Звезды.

— Ты все же пришел...

Ваэль стояла передо мной, такая необычайно спокойная, такая близкая и одновременно, такая далекая.

— Я не мог не прийти, тсани, ты позвала меня.

Ваэль едва заметно поморщилась, будто мои слова были ей неприятны, но все же сделала еще один шаг, приблизившись вплотную.

— Почему ты меня предал?

Этот вопрос не давал ей покоя давно, это было видно по чуть подрагивающей нижней губе, да по одинокой слезинке, неожиданно скатившейся по бледной щеке. Моя непробиваемая тсани плачет? Из-за меня?! Боль сдавила грудную клетку, эта капля стала последней, окончательно опрокинув весы, определяя единственно верный Путь — быть всегда рядом с ней.

— Потому что люблю.

Моя тсани хмыкнула, отвернула немного голову, чтобы не была заметна мокрая дорожка, и сухо спросила:

— Предал из любви? Не обманываешь ли ты себя, точно также, как обманул меня?

Взгляд фиолетовых глаз пронзил меня насквозь, и только тогда я заметил, что красных искр ничуть не меньше, наоборот, они почти затопили радужку. Это было деланое спокойствие, тот самый момент полного штиля перед началом разрушительной бури.

И грянул гром.

Нешамах рассмеялась каркающим, истерическим смехом. Тряхнула головой, словно силилась избавиться от какого-то навязчивого звука. Всего на миг я наивно поверил, что этим все и закончится, что тсани возьмет себя в руки, но вместо этого...

Боль ворвалась в фиолетовое сердце, прежде чем я разгадал ее движение. Вопреки всем законам, сердце тут же остановилось, словно кто-то дернул рубильник. Скопив взгляд на грудь, я понял причину — Пожиратель Душ, его рукоять торчала костяным памятником моей глупости. Неужели...

На этом Нешамах не остановилась. Она выдернула кинжал из левого бока и вонзила его

ближе к центру, пробивая и второе сердце. Сквозь зеленое марево Грани до меня донесся ее шепот:

— Теперь мы квиты...

Знала ли Ваэль, что я способен вернуться? Нет, думаю она была уверена в моей смерти, недаром она использовала именно Пожиратель, Девятую Регалию, единственное оружие, способное отправить за Грань любого хаосита, даже Перворожденного. Вот только я уже был Аватарой, пусть не вошедшей в полную силу, но тем ни менее — истинно бессмертным. Правда, возродился я не на алтаре Храма, а под сводами Дома Дзайн, видимо таким образом, Отец прозрачно намекнул, что ожидает от меня продолжения Пути, несмотря ни на что.

В Беседу он не вступил, и никак иначе не дал знать о Своей воле, так что я руководствовался собственными соображениями. Оказалось, что я был во Сне более пятидесяти тысяч лет, и за это время обстановка в Веере кардинально изменилась. Своей смертью я добился того, чего не получил при жизни — Ваэль вновь отреклась от титула Нешамах, перестала участвовать в Охотах и всячески пыталась стабилизировать ситуацию, но у нее мало что получалось. Со стороны казалось, что она потеряла свой стальной стержень, всю уверенность в себе. Меня Долгий Сон тоже немало изменил, в чем-то я стал жестче, в чем-то смелее, так что ненависть меня больше не сжигала, ведь ненависть — суть трусость, мы ненавидим то, чего боимся, то, что может причинить нам боль.

Ваэль убила меня собственной рукой, разве могла она причинить мне большую боль? Пожалуй, нет. Она порвала все связи со мной, искренне поверив в мою вину, она отвернулась от меня, ввергнув в самую пучину безысходности. Хуже быть не могло, а значит все, что бы я ни сделал, привело бы только к улучшению ситуации. Не самая стройная логическая цепочка, но на то я и Нефеш — Его Чувства и Эмоции, чтобы руководствоваться не доводами рассудка, а велением сердца.

Кстати, они оба забились с новой силой, и фиолетовое вполне себе исправно перекачивало потоки силы, точно также, как красное контролировало кровотоки. Точно так, как я собирался взять под контроль ситуацию в Веере, раз уж Ваэль отпустила бразды правления и назначила преемниками слабых Нун. Я должен был доказать, что ничуть не уступаю ей, что способен стать властителем всего Первозданного. Амбициозный план, и он, конечно же, с треском провалился. Вспоминать об этом не хотелось, я наделал столько ошибок, что их с лихвой хватило бы на целый Дом. Впрочем, в конечном итоге, Ваэль вернулась ко мне, вот только...

Нет, об этом точно думать не стоит, Отец почти пробудился, и ему эти мысли очень и очень не понравятся, так что лучше я подумаю о другом. Мы долгие сотни тысяч лет были вместе, но кажется, я все же заразил Ваэль своим человеколюбием, она более не стремилась наказывать непокорных, а наоборот, жила всепрощением и поклонением Жизни. Из крайности в крайность, в этом она вся. Естественно, все закончилось очередной ее смертью, но на этот раз добровольной, на алтаре Храма.

В тот миг я познал настоящее безумие, все, что было до этого, оказалось лишь слабой прелюдией. Мой Сумеречный Путь длился века, тысячелетия, пока я окончательно не растворился в потоках, и не возродился позже, обретя слабое подобие личности в образе Крылатого, Привратника Грани в Мире Льдов. Меня притянуло к себе место моей самой яркой смерти, что совсем не удивительно. Вот только я до сих пор не помню, что произошло

на той планете-артефакте...

Эоны лет прошли, прежде чем моя тсани опять возродилась, и ее новое рождение дало моей душе нужный толчок. Крылатому стало мало Грани, да и события Мира Льдов потревожили смертельный покой, выбили из привычного половинчатого состояния. В Мире Льдов кто-то умер, кто-то по мощи не уступавший старшим Реш и это противоречило всему, что я знал! В Мире Льдов не могло быть Реш! И между тем нечто до боли похожее на Искру Метаморфа проскользнула мимо меня-Крылатого и ринулось в сторону Первозданного. О, да! Остаточный след Искры сиял ярко, пусть и недолго. Почти уверен, что в Храме нас ждет кто-то из Реш.

Или Враг. Раз Отец поставил такое условие, то он не отступится.

И я не отступлюсь от Ваэль. Пусть разнесет в пыль хоть все Девять Кругов. Моя сумасшедшая любовь... Яростная, жгучая, непокорная и невообразимо прекрасная в гневе. Я преследую тебя, а ты преследуешь меня во снах. Чего мне стоило не сорваться в том пошлом техногенном мирке! Приходилось действовать скрытно, с минимальными возмущениями в нитях, все больше в образе Ворона. Как же сжимались сердца, когда я видел твой страх, ужас, перед теми кошмарами, в которые тебя погружал отторгающий мир! Мечтал помочь тебе, укрыть от всех бед и не мог. Не имел права, если хотел твоего возвращения.

Ты нужна мне. В этом вся суть. И я надеюсь, молюсь Отцу, что и я тебе нужен.

Иначе все это лишино смысла.

Что ж, осталось две Регалии. Призму скорее всего забрали с собой Коф, не просто так они покинули Жемчужный, а вот Хлыст... Его я, пожалуй, заберу сам от старых, недобрых знакомых.

Цаде. Квинтэссенция наемничества. Служат тому, кто сильнее, или кто может заплатить больше. Нет, не всегда деньгами, но властью, силой, будущим. Они столько раз меняли стороны и флаги, что никто уже не воспринимает всерьез союз с ними. «Верность Цаде» — давно уже стала присказкой, оксюмороном, лучше всего иллюстрирующем непостоянство и предательство. Когда мой Путь Нефеш прошел через их Дом, я многое узнал, многое понял. Не так уж они и плохи, в чем-то честнее самых надежных друзей. По крайней мере, от них всегда знаешь, чего ожидать.

Оказалось, что они ранимы и нежны, как те фиалки, именно они передали в миры болезнь привязки, наделив ею многие расы. По ним сильнее всего бьет отдача от безответной любви, или, того хуже, от ухода любимого. Они всегда, всегда сходят с ума в таких ситуациях. В древности их называли Лунным Домом, за романтичность, и вечную меланхолию, вот они и потрудились, наращивая непробиваемую броню, укрывая свои сердца слоями безразличия и холодности.

Еще один Дом, дошедший до крайности, в попытках обезопасить себя.

В свой бывший кабинет я переместился с некоторой опаской, а ну как защиту наконец-то научились делать толковую, но нет, она все также зияла дырами и прорехами. Хлыст я когда-то лично спрятал в этом кабинете, в стене, на которой сейчас висела картина Пикассо — «Менины», пятьдесят девятая версия, хотя все считали, что художник создал только пятьдесят восемь вариаций по Веласкесу. Новый владелец кабинета увлекается живописью?

— Мы тебя ждали.

Голос за спиной не был неожиданностью, я сразу же почувствовал чужое присутствие, но вот слова сильно удивили.

— Ждали? — переспросил я, не оборачиваясь, продолжая рассматривать розовую версию «Менины».

— Конечно, сразу же после уничтожения отряда, посланного за Картой Мейн.

— Того самого, что провалил задание? — не удержался я от ехидства. — Как там Нгун?

— Зализывает раны и сыплет проклятиями, но он сам виноват, полез туда, куда не следовало, повелся на наводку Коф.

Спокойный ответ моего собеседника все же заставил повернуться к нему. Один из Тана Цаде, однозначно. Светловолосый, с оливковой кожей и красными глазами. Не из самых древних, раз в нем проявляются черты их любимых дреу. Вооружен и очень опасен, мне не нужно знать его, чтобы чувствовать исходящую угрозу. Слабаки и не становятся Тана.

Мой визави вскинул руки, показывая, что нападать не намерен:

— Мейн'Кхай, мы не враги.

Бровь поползла вверх сама по себе, вот честное слово.

— Не удивляйся так, мы действительно никогда не враждовали. И я знаю кто ты.

Вот так новость... Впрочем, мы могли подумать о разном.

— Я знаю, что ты Аватара Хаоса.

Нет, не о разном. Мог бы догадаться и по Дому, к которому он меня отнес. Интересно, чего он ожидал в ответ на свои откровения? Что я раскрою цель визита? Подставлюсь?

— И я знаю зачем ты здесь.

— Вот как? — не выдержал я.

— Ты пришел за Хлыстом.

— И ты знаешь, где он?

— Конечно. За картиной, в потайном сейфе.

— И ты дашь мне его забрать?

— Да без проблем, — пожал плечами Цаде, — он никогда нам не принадлежал, и раз уж ты решил вернуть его владелице...

И об этом он знает.

— Весть разнеслась по Первозданному? — поинтересовался я.

— В этом не было нужды, — покачал головой мой собеседник, — Нгун, конечно, жадный идиот, но хороший «слушающий». Шепот Хаоса давно предсказал приход Нешамах.

— Она не Нешамах, — возразил я.

— Пока еще нет, но ты сам прекрасно понимаешь, что как только она соберет все Регалии, то захочет вернуть и титул.

— Возможно.

Цаде усмехнулся:

— Это не предположение, это факт.

— Хаос нашептал?

— А то как же, — подтвердил красноглазый, — все возвращается на круги своя. Все получают по заслугам.

— И ты решил подстраховаться, встать на сторону сильнейшего?

Цаде невозмутимо кивнул и развел руками:

— Выживание Дома превыше всего, ты же помнишь?

Неужели он настолько стар, что мы когда-то с ним пересеклись под сводами Дома Цаде?

— Пытаешься вспомнить? Не трудись, я тогда был младшим учеником, и видел тебя

лишь издалека, но хорошо запомнил, ведь ты был безумней всех нас вместе взятых.

Не в бровь, а в глаз. Точно не мне было обвинять Ваэль в сумасшествии, я и сам немало неадекватных поступков совершил, особенно когда Путь мой шел через Внутренние Дома. Не все пережили мое шествие по вехам Девяти Кругов, далеко не все.

Говорить нам особо было не о чем, Цаде сказал все, что собирался — они в очередной раз предадут союзников и переходят на нашу сторону, негласно, без особой поддержки, но все же. С его помощью я снял картину со стены, руной открыл тайник и бережно вынул завернутый в черный бархат Хлыст. Мне не нужно было откидывать ткань, чтобы увериться, что это именно он — воздух гудел и плавился от напряжения, нити силы словно взбесились, норовя свиться канатами и ударить побольнее. Это точно было оно — самое разрушительное оружие, когда-либо созданное Хефт. Говорят, над ним трудилось несколько поколений Кузнецов, они провели его через все мыслимые и немыслимые испытания делая неуничтожимым Разрушителем.

И я готовлюсь собственноручно вручить его моей тсани, даже с риском возвращения кровавого безумия. *Vae Victis!*[1] Ибо ждет Веер и Первозданный новая Резня.

На прощание Цаде бросил всего несколько фраз:

— Возможно, иногда важна не победа, но само противостояние Разума и Сердца. Пока они бьются между собой, миры вертятся, но стоит им прийти в равновесие, как замрет и мироздание, боясь потревожить. И вот это и будет конец всему.

Мудрый Цаде, настоящий «слушающий и слышащий», вот только кому сдалась твоя мудрость? Может быть раньше и был смысл в борьбе Нешамах и Нефеш, но то было до Врага. Настоящего, материального, того, кому суждено ввергнуть Упорядоченное в Бездну. Так что на этот раз мы просто обязаны найти равновесие, иначе нечему будет «замирать». И пусть пока никто не знает о Враге, но его приход неизбежен, так сказал Отец, и нет причин Ему не верить.

[1] Горе побежденным (латынь).

Глава 35. Все не то, чем кажется. Ваэль

Почему он так разозлился? От чего такие несправедливые обвинения? Он смотрел на меня, словно я действительно безумная, но разве это безумие — отомстить за причиненное зло? Вернуть долг крови? Один из главных законов всех миров и времен — долг крови священен, месть за своих должна свершиться.

— Что здесь произошло?

Вот почему Лаит, тот кто вроде как меня не сильно и жалует, удосужился спросить, а тот, кто называет меня «тсани» поспешил сделать собственные выводы? Недолго колебалась, но все же потянула за собой Проводника. Змеедраки, переполненные гневом, разнесли подземные этажи подчистую, но одну лабораторию я велела сохранить, как свидетельство преступлений Коф. Лаит долго разглядывал «образцы» под тонкой пленкой Стазиса, пока до меня не донеслась его мысль:

— Я понимаю тебя.

Три простых слова, нет, не тех, что о чувствах, избитых, тысячу раз лживых, а те, что о чем-то более важном. О доверии, о принятии, об осознании. «Я тебя вижу»[1], для меня он сказал именно это.

— Спасибо.

Лаит кивнул, а потом задал очевидный вопрос:

— В Жемчужном никого не было?

— Нет, Дворец был пуст.

— Они знали, что ты идешь.

— Знали, но им не хватило времени, они не успели замести следы.

— Или надеялись, что ты не сможешь попасть на нижние этажи.

— Серьезно?

Я скептически оглянулась на моего Проводника, а он усмехнулся, как-то удивительно... тепло.

— Это будет не первый раз, когда тебя недооценили.

Он смотрел на меня странным взглядом, будто увидел что-то новое, что-то незамеченное им ранее. Синие глаза казались бездонными, а чувственные губы дрожали в попытке не улыбнуться.

— С тобой все хорошо? — настороженно спросила я.

— Все отлично, — Лаит помедлил, а потом все же сказал, — я просто рад тебя видеть.

И вот опять, те слова, которые я бы хотела услышать от Кхая, от того, с кем меня связывает столько прожитых жизней. Ну почему, почему именно самые близкие несправедливы к нам? Сильнее всего придираются, ищут как бы побольше ужалить? Разве непонятно, что каждый из нас ищет «тихую гавань», того, кто поддержит в любой ситуации, вопреки всему, ведь критиков и советчиков нам и так хватает.

— Призмы здесь нет, — Проводник не спрашивал, он утверждал очевидное, — это еще одна причина, почему они не стали тратить время на нормальное сокрытие нижних этажей. Они думали, что ты сразу ринешься следом за Регалией.

— Если бы я еще знала, где она.

— Я знаю.

— И где же?

— По дороге к Храму мы ее найдем.

— Откуда такая уверенность?

Лаит помолчал, словно взвешивая — стоит или нет говорить следующие слова:

— Потому что там нас ждет засада.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Они стянули все свои силы, чтобы преградить тебе дорогу к Храму, поэтому и оборону Дворца оголили.

— И мы сунемся тигру в пасть?

— Да какой из них тигр, так, кошки облезлые.

Комок хаоса внутри меня шевельнулся.

— Не обижай кошек!

Лаит поднял руки, сдаваясь:

— Все, все никаких плохих слов в сторону кошачьего семейства.

Его синие глаза сверкнули смешинками... Вот какого дьявола я ловлю эти искры, почему они меня так волнуют? Почему замираю, в глупой надежде, что Лаит подойдет ближе, дыхание в дыхание, проведет рукой по шее, обхватит затылок и наконец-то поцелует, так, чтобы внутри все встрепенулось, а потом ухнуло в Бездну. Лаит делает шаг, и я судорожно вдыхаю, радуясь тому, что в лаборатории сохранился воздух, что она еще не затоплена. Его синие глаза прямо напротив, они полны невысказанных слов, но он молчит. Молчу и я. Его руки скользят на талию, почти незаметно, словно он боится спугнуть, он притягивает меня вплотную, обнимая крепко, и, наконец, выдыхает в шею:

— Все будет хорошо.

И еще три слова, которые мне нужно было услышать. Его поддержка была такой неожиданной, но настолько к месту, что я расслабилась и просто позволила себе быть.

— Лаит?

— Ммм...

Его губы были так близко к коже, что мурашки пробрались за шиворот и устроили там маленькую революцию, сбивая с мысли, но я все же продолжила, потому что не могла не сказать:

— Прости меня.

— За что? — он немного отстранился, чтобы заглянуть в глаза.

— За ту ночь. И утро. Я...

— Не нужно.

И хрупкий момент доверия разлетелся вдребезги. Проводник разжал объятья и даже сделал шаг в сторону, дистанцируясь от меня и от сказанного.

— Самех сыграли с нами милую шутку, только и всего.

Его голос звучал так ровно, так спокойно, что не мог не выдать отчаянной попытки взять себя в руки, обуздать эмоции и рвущиеся наружу слова. Мне ли не знать? Чем тише я говорю, тем хуже контролирую себя.

— Лаит...

— Не нужно. Правда, не нужно. Ты хочешь сказать, что вас с Кхаем многое связывает, что вы так давно вместе, что ты уже и не мыслишь себя с кем-то другим. По крайней мере та ты, которая прорывается из глубин памяти.

Он угадал заготовленную речь почти слово в слово, именно это я и собиралась сказать, так почему же из его уст все прозвучало так фальшиво, так пусто? Может быть, потому что

не было правдой, или по крайней мере не совсем правдой? Но в одном Лаит прав — сейчас точно не место и не время, чтобы выяснять отношения, тем более что я сама не уверена, есть ли что выяснять.

— Так мы полезем в засаду? — послушно перевела я тему.

— Конечно. Иного выхода нет. Пусть ты не получишь Призму и Хлыст, Диадема важнее.

Он был не прав, я осознала это внезапно — все так зациклились на Диадеме Всевластия, а дело было вовсе не в ней. В чем, я пока не знала, но была уверена, что Диадема не так важна, как всем кажется. Ее название обманчиво, Диадема не дарует власть сама по себе, не дарует силу, она... Что именно она делает я все не могла вспомнить, но знание маячило где-то рядом.

— А у нас нет подкрепления, — этот момент волновал меня гораздо больше, чем приз, спрятанный в Храме.

Да, вот так — мне обязательно нужно в Храм, но совершенно необязательно получить Диадему. Набиле'Тхач согласно сжал правое запястье, подтверждая верность моих выводов.

Лаит пожал плечами:

— Коф все еще официально сильнейшие. Мало кто рискнет выступить в открытую. В Первозданном всегда главенствовала сила и силой же решались все самые важные вопросы. Докажи, что ты сильнее и Первозданный подчинится, пока же ты Джокер. Неизвестная Карта.

Да, и я сама виновата в этом. Нешамах всем дала понять, что тому, в чьих руках сила, законы не писаны, они нужны только слабым, сильные сами все себе возьмут.

— Так или иначе, но в самое пекло мы, естественно, не сунемся. Коф ожидают, что ты пойдешь по главной дороге, ведь ты всегда так делала — с ноги и в центральные ворота.

Лаит прищурился, наблюдая за моей реакцией с легкой улыбкой, и черты совершенного лица смягчились, обозначившиеся морщинки в уголках глаз сделали его более реальным, более живым. Пришлось приложить титаническое усилие, чтобы не подойти и не попроситься обратно в его надежные, крепкие объятия, чтобы не потянуться к этим заманчивым, полным губам. Я ведь все еще помню их вкус...

— И на главной дороге будет основная группа?

— Я так думаю, все же это единственный общедоступный путь на Девятый Круг — через Перелесок Пхе и прямо к Тихой Равнине.

— Но есть и другие варианты?

Было глупо надеяться на чудо, но Проводник на то и дан, чтобы найти верную дорогу, и к моей радости Лаит утвердительно кивнул:

— Через Омут, он выведет в Лес Снов, а тот подходит вплотную к Храму.

Неприятный озноб прошелся вдоль позвоночника, Лес Снов доверия совершенно не внушал.

Мягко говоря.

Отвратительный, тяжелый запах разносился по всему Лесу, перебивая цветение дикого фиолетового вьюна. Навязчивая вонь забивалась в ноздри, скручивала кишки, спазмами сдавливала горло. Воздух почти не двигался, в густом лесу ветра не было, да и не дали бы ему появиться — запах тоже был частью маскировки.

Отряд давно уже лежал в засаде на тайной тропке к предместью Храма, но никаких

следов врага не было, а между тем разведка докладывала, что заговорщики намерены выбрать именно эту дорогу, надеясь пробиться к самому порогу, минуя наши основные посты. Над Равниной как раз зависло Око Бури, так что лучшего времени для нападения быть не могло, но, между тем, в Лесу было тихо.

Рядом завозился один из Мейн, но короткого взгляда хватило, чтобы будущий труп замер и не отсвечивал — даже едва слышный шум может выдать наше расположение и тогда весь план коту под хвост. При численном перевесе врага можно было надеяться только на тактику.

Да на Регалии.

Древко Хлыста удобно лежало в руке, даря спокойствие и уверенность в собственных силах, возможно, ложное, ведь на этот раз моим противникам удалось сколотить внушительную армию. И пусть мы намного сильнее, пусть каждый Пробужденный Реш стоит целой роты древних из других Домов, нас, к сожалению, не тысячи, мы едва наскребли по Вееру пару сотен, остатки некогда могучего Дома... Ненависть вспыхнула с новой силой, застилая глаза, но я привычно подавила ее, не время и не место выпускать ярость на волю. Я вновь стиснула Хлыст — готовность к битве, вот все, что имеет значение, все остальные мысли следует изгнать прочь.

Виски заломило, а в уши ударил пронзительный плач скрипки от сработавшего тайного оповещения с опушки.

Наконец-то!

Мысленный сигнал и залегший в засаде отряд запустил Ловчую Сеть, надеясь накрыть ею хотя бы часть атакующих. Но крэшшшева сеть не развернулась! Едва замерцали нити заклинания, как Лес качнулся в едином порыве и сожрал всю энергию из плетения, аж причмокнув от удовольствия. Прожорливая Бездна! Лес опять был на диете слишком долго и сейчас лакомился дармовой силой, а это означало только одно — заклинания применять нельзя, да и Оборот будет очень опасной затеей.

Все это лишало нас даже той небольшой надежды на победу, что еще теплилась в сердцах. Раз нет надежды, значит нет и сомнений. Бледный Мейн рядом со мной встал не таясь, нарочито медленно вынул парные клинки из ножен и встал в удобную позу, готовый принять любого атакующего. Верно, в засаде больше не было смысла — мы выдали свое расположение, ничего не добившись взамен, значит все решит старая добрая сталь и умение воинов.

Плечом к плечу с Мейн, рядом Пробужденный, за спиной еще две сотни Реш и столько же Мейн. Только этот Дом остался верен, ну еще Шин, но проку от них? Нам бы сейчас несколько взводов Дзайн, безбашенных Вауу, да еще с сотню Пробужденных и мы бы выстояли, а так... Дзайн переметнулись на сторону врага, Вауу исчезли, то ли предав, то ли потерявшись в Мире Льдов, а тех, кто остался в Первозданном, вырезали подлые Самех.

Мы одни, совершенно одни, рядом нет даже моего Кхая. Любимого-ненавистного Кхая, того, кто украл стук моих сердец, шелест моих мыслей и теплоту дыхания. Сама его отослала в надежде найти хоть часть ответов. На этот раз он остался мне верен, как и я ему. Но не поздно ли?

Прилетевшая черная стрела заставила отринуть лишние мысли и сосредоточиться на главном. За первой последовал целый дождь, но тут они прогадали — Призма все еще работала, из нее у Леса не получилось тянуть силу. Так что мерцающий щит закрыл нас от дальнобойного оружия, зато наши стрелки приготовились снять кровавый урожай. Реш из

отряда Летящих стреляли без промаха, без передышки, да так слаженно, что первая атака нападающих захлебнулась. Мы как дети обрадовались небольшой передышке, вот только что-то кольнуло в спину.

Я едва успела обернуться, едва успела подставить древко Хлыста под парные мечи еще секунду назад союзного Мейн. Что за...? Мне пришлось отскочить, так как мое оружие не подходит для столь близкого боя, но вот в нескольких шагах... Черно-фиолетовый жгут моментально обхватил горло предателя, выдавливая из него силу и жизнь.

— Прости, — прошептали бескровные губы.

Предательство нельзя простить, как и то, что за его спиной открывались все новые и новые порталы, через которых проходили бесчисленные враги Реш. Почему?! Почему предали Мейн?! Они же ненавидят Коф едва ли не сильнее нас, так в чем причина? Этого я не знала, зато мне было ведомо нечто иное.

Сегодня Храм падет, сегодня враги ворвутся в Зал, надеясь-таки захватить Диадему. Глупцы! Они не получают желаемого, лишь приблизят начало конца, но разве втолкуешь слепым, что зелень листвы говорит о жизни, а изумрудный — это цвет смерти? Разве глухой поймет, что трель флейты — это совсем не тоже самое, что бой барабана?

Храм падет, но получают они не власть, а смертный приговор. Отсроченный, небыстрый и незаметный в своем исполнении, но столь же неотвратимый, как... Бездна и гнев Отца.

Да, Лес Снов в комбинации с представителем Дома Мейн доверия совершенно не внушал. Единожды предавший, предаст вновь, но что делать если за время существования Первозданного Реш предавали все, абсолютно все? Ладно, я несправедлива. Шин никогда не становились на сторону врага, а Вауу...

Прекрасный, беловолосый бог...

Вауу не могли предать, просто не могли, а значит они заперты в Мире Льдов вместе с Аллос, так что и Дом Влюбленных не в счет.

Я одна в окружении врагов, но на этот раз рядом нет даже горстки надежных друзей. Что мне остается? Довериться Лаиту? Притягательно-опасному Проводнику с маньячным блеском в глазах? Есть ли хоть малейший шанс, что он не заодно с Коф и Цаде? Что он не ведет меня в ловушку, так же как его далекий предок завел наш отряд? Может быть он также помешан на идее обретения власти над Первозданным, как и заговорщики? А ведь они действительно верили, что Диадема — это ключ к управлению Хаосом, что именно она дарует силу и сущность Аватары. Мол, с ее помощью я и Кхая обратила... Если бы. Диадема всего лишь еще одна из Регалий.

Я вспомнила.

Правый браслет — Набиле'Тхач, Хитрая Змея, искушенность разума, мой верный советчик.

Левый браслет — Соле'Маан, Мудрый Дракон, чистота эмоций и интуитивная правильность чувств, ты почти всегда молчишь, и в этом мое горе и благо.

Ритуальное Кше — облачение, что всегда со мной, в любой форме, в любом мире.

Сандалии Пути — куда бы я не ступила, вы создадите дорогу, не всегда прямую, не всегда самую короткую, но все же.

Призма Равновесия — абсолютная защита от любой магии, универсальный щит, через

который может пройти только Хаос и Его частички.

Хлыст Разрушения — абсолютное оружие, способное, при определенных условиях, уничтожать целые планеты.

Диадема Всевластия...

Забавное название. В чем сила? В чем суть власти? Когда-то я посчитала, что в знаниях, поэтому и назвали хранилище полной памяти Рода Диадемой Всевластия. Да, она безусловно дарует великую силу, мощь всех поколений Реш, но только тому, кто и сам из Дома Ангелов. И никак иначе. Не бывает Реш-полукровок, не бывает частично Реш, не бывает Диадеме на голове не-Реш. Может быть именно это и пытались понять, преодолеть догадливые Коф, а может быть искали подтверждение какой-то другой идеи их извращенного разума. Так или иначе, даже если они получают Диадему, она не даст им того, что они ожидают, она вообще ничего им не даст.

А ведь они поэтому дали мне собрать остальные Регалии! О, несколько нападений не в счет, так, для создания нужного антуража. Если бы меня действительно хотели уничтожить, пленить, то сделать это было совсем нетрудно, особенно, пока я не вошла в полную силу. Но меня лишь умело подгоняли, направляя в нужную сторону, как стая гончих, что загоняют точно на охотников. Коф и Цаде вели меня к Храму, в надежде, что я помогу им обрести Диадему.

Ведь все так просто... Игра все еще проводится, они все еще соблюдают традицию, но доберись Коф до Диадемы, они бы воспользовались даже видимостью всевластия и обязательно постарались бы окончательно устранить конкурентов, да уничтожить любую угрозу их господства! Подлые, хитрые твари...

— Ну так что, мы идем в Лес?

— В Лес, все в Лес, — непонятно для Лаита пошутила я, а может быть и понятно, судя по кривой ухмылке.

[1] Фраза из фильма «Аватар», которой приветствовали друг друга аборигены. Означает, что говорящий осознает жизнь и ценность собеседника.

Глава 36. Танцы в тумане. Аэль

В Омуте было мирно, спокойно и немного сонно. Туман, вопреки обыкновению, не спешил забиться в ноздри, в каждую пору и мысль, создавая или воскрешая не самые приятные образы. Он просто был, были и мы с Лаитом.

Присутствие Проводника ощущалось как-то невообразимо остро, словно даже на расстоянии, пусть и небольшом, он касался меня, гладил, словно кошку, даря... уют. Скосив взгляд на Лаита, я поперхнулась туманом — синие глаза смотрели на меня в упор, но кроме тепла и нежности в них было что-то еще, что-то, чего не должно было быть, но между тем, именно это нечто и связывало нас.

— Ты что-то почувствовала? — насторожился Лаит.

— Да..., - непонятно какими рецепторами я действительно уловила необычные эманации, они исходили откуда-то из глубин Омута. — Там что-то есть.

— Засада?

— Нет, — я отрицательно помотала головой, — не Цаде и не Коф.

— А кто?

Если бы я только знала... Перед глазами всплыло видение яркой, белой Двери, но стоило сморгнуть, как неясная картинка расплылась, не оставив никаких следов, кроме мелкой зеленоватой мушки, мельтешащей на обратной стороне век.

Очередные причуды саа'ле?

Впрочем, на этот раз проход через Омут был не таким уж сложным для психики, по сути — вошли и вышли, без блуждания, без лишних рефлексий. В мире Моорнов что-то происходило, и это факт. Бха взялся за наведение порядка в своем царстве? Давно пора, а то Аит'Ле совсем другим задумывался, да, немного безумным, иллюзорным, подвергающим разум испытаниям, но уж точно не Диснеевским аттракционом вперемешку с комнатой ужасов. Аит'Ле был горнилом, которое должно было закалить юные умы, вывести их на новый уровень осознания реальности. Но случилось мое Кровавое Безумие, а потом и убийство Кхая... И вот именно осколки Кровавого Безумия и прошли Аит'Ле насквозь, порождая к жизни кошмары моего разума. Да-да, теперь я вспомнила, кто и что такое моорны.

Надеюсь, Баху удастся прибраться в своем доме после моих истерических выходов...

В Лесу стояла тишина. Полная, плотная, осязаемая. Можно было даже не сомневаться, что где-то за высокими кустами спрятан отряд Коф и Цаде, вопрос только в том, насколько он большой и где именно.

Мы решили попробовать прокрасться мимо возможной, хотя, чего это я — мимо однозначной засады, идя тихо, скрываясь, не пользуясь силой. Расчет был на то, что в густом Лесу, затянутом утренним туманом, нас будет не так просто разглядеть, а маячки, наверняка разбросанные по всей округе, могут и не сработать — Лес как-никак, вдруг голодный? Это с ним часто случается.

Ползти сквозь заросли было крайне неудобно, а Оборачиваться нельзя — во-первых всплеск самого Оборота, во-вторых Звери ощущаются ярче, не жили хаоситы. Ну и, опять-таки, Лес мог высосать силу, не дав ничего сделать. Эдакий уравниватель с высокой вероятностью срабатывания, самая неудобная ловушка, если у тебя нет численного перевеса. У них он был, у нас нет, а значит все, что оставалось — это ползти молча и не роптать.

Рядом тихо полз Лаит, и если бы я его не чувствовала на каком-то ином уровне, то никогда не смогла бы обнаружить. Я же подобным умением сливаться с местностью похвастаться не могла. Хорошо хоть кше ни за что не цеплялось, все-таки удобная вещь, ткань плотно обтянула тело, а на стратегических местах откуда ни возьмись появилась тонкая, но очень прочная броня.

Мы были вроде бы готовы к бою, но черная стрела, приземлившаяся прямо возле моего носа, все же оказалась неожиданностью.

— Твэрх наз рахмиз!

Ох ты, ничего себе, какие грязные словечки знает Лаит! Нет, конечно, Мейн были мастерами сквернословить, и обучили этому искусству и другие расы, даже дроу, которых не очень жаловали из-за их связи с Цаде, но прям такие глубинные познания...

Фьють — это еще одна стрела воткнулась точно в то место, где еще недавно лежала моя голова, но Лаит успел вздернуть меня на ноги, мы встали спина к спине, пытаюсь как можно быстрее вычислить, где именно засел враг.

Вжиик — это Лаит из ножен достал мечи, становясь в оборонительную стойку. Только я печально безоружна и практически также беспомощна. Как же мне все это надоело...

Бездна с ним, с Лесом, авось на этот раз он окажется на нашей стороне. В кого бы такого убойного превратиться, чтобы они тут все умылись кровавыми слезами? Пусть будет исконный обитатель Девятого Круга.

В теле аркх'саашат все чувства обострились, зрение и слух стали абсолютными, а уж нюх... Я чуюла всех и каждого на этой крэшшшевой поляне, но в первую очередь стоит разобраться со стрелками. Их всего трое, так что мне понадобилось едва ли минута, дабы отправить мразей за Грань, пусть там промаринуются пока им не придет время перерождаться, да еще и не факт, что в разумных. Развить успех мне не дали, почти сразу меня окружило с десятков Коф, странно, что Цаде что-то не видать, ну да ладно.

— Карта! Остановись, тебе не пройти! — вякнул пафосно старший среди Коф.

«Карта»? Они даже по имени не хотят меня назвать, хотя прекрасно его знают. В ответ я лишь рыкнула, низко припала к земле, готовясь вцепиться в чье-то горло.

Хрясь! По лапам стегнуло заклинанием, выбивая почву из-под ног, заставляя прокатиться по поляне. Едва я попыталась встать обратно, как сверху прилетело еще парочку увесистых затрецин, запредельной силы. Ах так! Кровавая пелена соткалась почти мгновенно, злобный рык и на месте угольной кошки вспыхнул маленький ядерный взрыв, именно в этом облике эмоции не стоило контролировать, как раз они и давали наибольшую мощь. Я могла стать сгустком плазмы на четырех лапах, воплощением стихии огня, и я им стала, вот только в этом была моя основная ошибка — я не учла Регалию, что хранили Созидающие.

Призма в руках главаря засверкала радужными гранями, разбрасывая солнечных зайчиков по всей поляне, и в секунду сформировалась пленка Универсального Щита.

Твою ж мать... В стихийной форме я не могу пройти сквозь Щит, ибо тот как раз такую магию и поглощает. В виде аркх'саашат я все же уязвима для заклинаний, которые могли бы быть неэффективными, если бы Лес был голоден, но, как назло, именно сегодня он не высасывал силу из плетений! Предчувствие не обмануло, не стоило соваться в Безднов Лес...

И откуда у них Призма? Почему именно у этого отряда? Я оглянулась на Проводника, мысленно спрашивая — «ты предатель»? Глупый вопрос, но я почему поверила, когда Лаит, отрицательно махнул головой, да и порталы не спешили вырисовываться за спиной Коф, а

всего пару десятков — это не их основные силы. Вполне возможно, что они разделились — в одном отряде существенное численное преимущество, а тут Призма.

Безднова Призма! В отличии от Диадемы, остальные Регалии могли работать и в руках других хаоситов, да и не только хаоситов — главное, чтобы была сила, и тогда артефакт был в полной боевой готовности. Наверное, все же не стоило отдавать Регалии на хранения в Дома... Когда-то это показалось неплохой идеей, ловким ходом, благодаря которому я могла быть уверена, что никто и никогда не соберет их вместе. Судя по всему, даже я. Восемь Регалий... Стоп. А почему, собственно, восемь? Разве их не должно быть девять? Разве не все подчиняется «правилу девяти»?

Девятая регалия. Вернее Восьмая, если учитывать их последовательность и связь с Кругами.

Тусклый всполох на темном лезвии, дикая боль...

Кровавый кинжал, Пожиратель Душ, оружие, способное убить даже хаосита, даже Пробужденного отправит на перерождение. Когда-то именно он оборвал и мое шествие по Вееру.

Все Дома Новой Звезды получили по Регалии, все кроме Мейн. Почему? Почему я не доверила кинжал Дому Смерти? Из-за того предательства? Так на Коф вообще клейма негде ставить, а между тем им я отдала Призму. Может быть Пожиратель все же у Мейн, но те почему-то решили его не отдавать?

И произошедшее на Арене. Да, я подозревала Лаита. Ведь только Мейн могли испортить порталы Мейн. Это или предательство всего Дома, или одного, отдельно взятого Проводника. Даже не знаю, что меня печалит сильнее. Впрочем, я еще раз бросила взгляд на Лаита — с его мотивами все ясно, он предавал не меня, он устранял соперника, но вполне возможно, через него Тана Мейн как раз и надумали убрать меня. Ни за что не поверю, что «видящие Пути» не узнали среди первых чья именно, Искра возродилась в теле Анастасии Железновой, а если знали, то почему дали одного Лаита и больше никого в подкрепление? Почему ни разу не вмешались в ход событий, почему не защищали свою Карту?

Вновь подозрения, вновь сомнения, вновь так не вовремя просыпающаяся память, отвлекающая от происходящего здесь и сейчас. Бездновы Коф продолжали теснить нас, отрезая от дороги к Храму, наседая и наседая. Куда они нас ведут? Короткий взгляд за спину все прояснил — там был очередной кусок разорванной ткани мироздания, через который отчетливо проглядывалась Бездна, полная чистого хаоса. Мне это грозит максимум перерождением на алтаре Храма, а вот Лаиту несдобровать, его тело и разум будут уничтожены в волнах первичной силы.

Безвыходное, совершенно идиотское положение. Самое время рояля в кустах — я была бы рада даже отряду Шин, хоть из них воины и никакие. Позвать на помощь Зверей не было возможности, для этого хоть один должен быть рядом, но Лес всегда славился своим негостеприимством к любым формам жизни, кроме простейших. С его периодическими вспышками голода, ни один нормальный Зверь не рисковал сунуться под сень вековых деревьев.

А может быть Мейн наконец явят себя, разрешив все сомнения? Было бы очень здорово, чудесно даже. Плевать на прошлое, важно настоящее и подкрепленные действием намерения, а не пустые заверения.

Мейн таки явились. Рядом засверкал контур портала, правда всего одного, но может у них там что-то особенное подготовлено?

Однозначно особенное. Из портала вышел Кхай, держа в руке мой Хлыст.

— Прости, — не только губы, но и глаза его молили о прощении, впрочем, отношения мы успеем выяснить позже, сейчас важно другое.

— Дай, — требовательно рявкнула я.

Кхай послушно протянул Регалию, вкладывая кнутовище в мою руку. Едва дерево коснулось ладони, как ток прошиб все тело, вызывая стон наслаждения — по венам заструилась сила, уверенность, и в голове вспыхнуло знание — на этот раз из Леса не выйдут Коф, они все лягут на долбанной поляне!

Первый же взмах Хлыста прошиб Универсальный Щит и зацепил одного из Коф, не до смерти, но левая рука повисла неподвижно. Растянем удовольствие? Я знаю, что по моему лицу растеклась та самая улыбка, что всегда пугала Кхая, да и не только его, но или он принимает меня такой, какая я есть, или катится в Бездну со своими идеалами и видением добра и зла. Нет никакого разделения на верно и ошибочно! Еще одна поговорка Хаоса ясно гласит — «Тот Путь, что может быть пройден, то не Истинный Путь. То Имя, что может быть названо, то не Вечное Имя». И глупец тот, кто мыслит, что познал законы Хаоса — это невозможно, ведь все их не знает даже Отец! В этом и смысл существования Домов — дополнять картину мироздания, познавать реальность через действие и созерцание.

Я позволила себе забыть в чем смысл всего, позволила задурить голову ложными догмами о всеобщем благе, о гуманизме, о важности жизни... Жизнь была нам дарована Отцом с единственной целью — познать через нас все грани бытия, и если есть Смерть, то будет Дом Мейн, изучающий все ее проявления. Если есть Любовь, то Вауу перепробуют все ее аспекты, щедро делясь с миром своими чувствами. Каждому Дому была дана своя область изучения, и подходящая сила, не больше, но и не меньше.

Внешние Дома должны были следить за обустройством Веера, как основного полигона для изучения жизни. Внутренние Дома познавали миры через действие, создавая законы во всех возможных областях, и следя за их применением. А Великие Дома, ну что же, нам досталось созерцание, пассивное участие в делах Веера. Реш же и вовсе, долгое время не покидали стен Храма, проводя эоны лет в Беседах с Отцом, обмениваясь впечатлениями о накопленных другими Домами знаниях.

И в этом была основная наша беда. Когда мы наконец вышли за пределы Храма, когда позволили и другим разумным смешать кровь с Пробужденными, теми, кто никогда не рождался, в этот миг мы запустили обратный отсчет. Нам была дарована сила столь великая, что она не могла уместиться в смертном теле, она звала и толкала на подвиги, на авантюры и свершения, которые все сильнее раскачивали равновесие Веера. Зависть рождалась в душах других хаоситов, а там, где зависть, там и глупость. Нам пытались подражать, нас пытались уничтожить бесчисленное количество раз, не понимая одного — Отец велел нам выйти из Храма! Он знал и желал этих последствий!

Алеф совместно с Беф слишком хорошо справились со своей задачей, они сотворили совершенные миры, в которых все было прекрасно, идеально, и абсолютно скучно. Отцу стало скучно! Он посчитал, что хаоситы застряли в бесконечном Созидании, и даже Цаде, чей удел был как раз вносить толику нужного Разрушения, даже они берегли этот стерильный рай. Поэтому Отец и решил встряхнуть Упорядоченное, внося новую-старую переменную в расчеты Алеф — Реш, ничем не ограниченные, ничем не связанные. Никаких

законов, правил, моральных норм. Наша этика проста, если можешь — делай, последствия тоже на тебе, какими бы они ни были.

В начале мы были осторожны, и очень «нежно» обращались с творениями Внутренних Домов, но с каждым новым поколением Реш, наши игры со смертными становились все более и более... своеобразными. И это тоже было в замысле Отца, вот только он не учел, что и остальные Дома успели накопить немало знаний и силы, что именно они правили Веером, пока Реш вели свои неспешные Беседы. А власть многое меняет, вытаскивая наружу истинную сущность каждого. Еще сильнее черты характера проявляются, когда той самой власти угрожают, и Реш были всеобщей угрозой, против которой не раз и не два объединялись остальные Дома — все или только некоторые, в зависимости от общности интересов и сладкоречивости тогдашних лидеров.

Отец добился своего — Весы раскачивались все сильнее, все ярче горели жизни, все более могучие герои появлялись в результате, Равновесие было нарушено и никак не могло восстановиться. Вот только и сил все эти игрища вытягивали немерено, так много, что в какой-то момент задела и Сознание Отца. Он стал отдаляться, все реже появлялся на Беседах, все слабее был Его отклик на наши мольбы. И вот тогда-то Реш и решили, что наше истинное призвание в том, чтобы не позволить Отцу окончательно угаснуть.

Жертвоприношения, Охоты... Все суета сует, краткосрочные лекарства, лишь притупляющие симптомы, но не лечащие болезнь. Мы так заиклились на поиске средства, чтобы вернуть Отца, что сами не поняли, как потеряли изначальный смысл своего существования. Мы погрязли в идиотской гонке за утекающей силой, дали себя втянуть в игры за власть, и теперь нам не обрести спокойствия. Былое не вернуть, но и новой цели у нас нет.

Вот, что я поняла, со всей отчетливостью тогда. Вот, что заставило меня принять ряд судьбоносных решений.

Многие мысли, многие печали. Все что от меня требовалось — это жить и познавать во славу Отца, вместо этого я возомнила себя спасительницей Упорядоченного и Первозданного. Глупость и пустое чванство. Все намного проще, все намного естественнее.

Нет у меня настоящей ненависти к Коф, они точно такие же пешки в этой затянувшейся игре, но они стоят на моем Пути, а значит будут сметены, ведь я должна вернуться в Храм.

Еще один взмах Хлыстом, и Призма вылетела из рук главаря Коф, щелчок пальцев и она уже в левой руке, вертясь и сверкая гранями. Коф остались практически беззащитными, будто голыми, не только перед мной, но и перед всем Первозданным. Не знаю где их Карта, да и не хочу знать.

Кхай. Все верно, он обещал расчистить мне Путь, и свое слово он сдержал. Может быть, и остальные мои союзники выполнили свою часть, невидимую мне, но от этого не менее важную? Ведь сейчас здесь только горстка Коф, нет Цаде, нет других их союзников, нет их Карт.

За всей этой простотой скрывается кропотливая работа моих друзей. Да, все верно, Паруф, Саден, Ирэ и остальные — это мои друзья, и во всей бесконечности миров только они моя опора и поддержка. И еще те, что сейчас стоят по обе стороны от меня — мой Проводник и мой... Кхай.

— Вы глупцы, — Хлыст исходил угрожающими волнами, но я стояла перед строем Коф и смотрела на них почти с сожалением, — одураченные глупцы, которые и сами не знают, за что сражаются. Где ваша Карта?

— Не твое дело! — вскинулся один из молодых магов, но старший оборвал его, останавливая и сопротивление отряда.

— Не мое? Возможно, — я пожала плечами, — но вы готовы умереть за свою цель?

— Нет!

— Да!

Выкрики прозвучали одновременно, такие противоречивые, такие правдивые. Стало совершенно очевидно, что и в рядах Коф нет единства. Так может быть, действительно, не стоит карать весь Дом за ошибки его Тана?

— Тана...? — вопросительно взглянула на их старшего.

— Тана Йазир, — с поклоном представился главный, а я порадовалась, что среди них есть кто-то из Тана, возможно, не все еще потеряно.

— Тана Йазир, я знаю, что у вас приказ, и понимаю, что вы чтите свой Дом, но у вас есть и право принимать единоличные решения в экстренных случаях.

Йазир кивнул, молча подтверждая сказанное, а я продолжила:

— Хорошо. Вы признаете, что эта битва проиграна Коф?

Молодой Коф ярился, было видно, что он едва сдерживает громкие слова, но вот Йазир стоял неподвижной скалой. Вполне вероятно, что он достаточно стар, чтобы обрести мудрость и осторожность.

— Признаю.

Молодой дернулся, словно ему отвесили пощечину:

— Нет! Как вы смеете! Это предательство! Мы умрем, но не сдадимся этим тварям! Они уничтожили наш Дом!

Вот тут этот ребенок, конечно, прав. С Жемчужным Дворцом я не очень аккуратно поступила, но...

— На то были причины, — я посмотрела в голубые глаза паренька, — Тана Йазир подтвердит.

И вновь короткий кивок:

— Все так. Тана Аэль была в своем праве.

Он все еще называл меня Аэль, то ли не желая выдавать свою осведомленность, то ли, действительно, не зная главного. Однако, было не место и не время выяснять детали.

— Тана Йазир, готовы ли вы пропустить нас?

Старший смерил меня долгим взглядом, как-то странно покосился на Лаита, а потом глухо промолвил:

— Да. Вы вольны пройти дальше.

Это была победа, полная и безоговорочная. Не было смысла в уничтожении этих несчастных, даже фанатичного паренька — сколько их таких — молодых и неразумных? Отец благоволит юности и чистым порывам, даже если они глупы и ни к чему не приведут.

— Благодарю, Тана Йазир.

Отряд Коф расступился, пропуская нас к выходу из Леса. Мы не боялись удара в спину, но Призму я на всякий случай настроила. Хаоситы такие хаоситы...

Глава 37. Ненависть к Врагу. Кхай

Что можно сказать о Тихой Равнине? Она тихая. Бескрайняя. Блекло-зеленая. Смертельно-опасная для всех, кроме Реш. Это последний рубеж обороны Храма, лишь внешне похожий на кусочек упорядоченного, не самый приветливый и живописный, но все же. Один сплошной обман.

О Равнине ходит множество слухов. Кто-то может рассказать о внезапно разверзающихся пропастях под ногами, полных раскаленной лавы, или шипящей кислоты. От кого-то можно услышать про трещины в воздухе, куда засасывает все живое и не живое, эдакие прорехи в Бездну. Кто-то с серьезным лицом вещает о нашествии саа'ле, целой армии. Кто-то с круглыми от страха глазами шепотом описывает доселе невиданных Зверей, до которых моорнам еще кошмарить и кошмарить.

Как уже было сказано — сплошной обман.

Все дело в том, что вся Равнина поросла дурман-травой. За простым названием скрывается самый сильный наркотик всех миров, один вдох пыльцы дурман-травы и любой хаосит потеряется в видениях. Любой, но не Реш — у нас к этой травке иммунитет, для нас Храм припас другие наркотики. Да, естественно, травка цветет постоянно, мелкими такими, желтенькими цветочками. Пыльца, правда, в воздух поднимается не всегда, только во время Бури. А Бури тут случаются ежедневно, ежечасно, без всякого расписания и предупреждения. Вот и видится каждому разное, в меру его воображения и согласно затаенным страхам.

На самом же деле, Равнина — это просто бескрайнее море травы, граничащее со столь же бескрайним Стальным Морем, где нет вообще никакой живности, так как нет в нем и грамма силы, а где нет силы, жизни не может быть по определению. Стальное Море — это прямой путь в Бездну, а Равнина — к Храму.

Мы с Ваэль стояли на самом краю бледно-зеленой, шелестящей массы и даже не удивлялись полному отсутствию желтых цветочков. Храм ждал нас, именно нас, так что сейчас мы наблюдали феномен под названием «Око Бури» — участок Первозданного, где все нормально, абсолютно нормально. До зубовного скрежета.

— Как-то мне это не нравится, — Лаит смотрел на Равнину и черную точку Храма вдалеке с изрядной долей подозрения, — вам не кажется, что все это дурно пахнет?

— Разложение, вот что ты чувствуешь, — просветил я его, — Равнина очень жадная до свежего мяса. Одурманит, свалит с ног, а потом медленно пережевывает.

После сказанного оставалось только злорадно наблюдать, как и без того белокожий Проводник посерел лицом и обреченно промолвил:

— И мы сунемся прямо в пасть... этому?

— Да не бойся, все не так плохо, цветочки сейчас спят, а сама трава не столь опасна. Главное не попасть ей в корни.

Моя тсани, наоборот, была полна оптимизма и какого-то странного веселья. Она и так сильно удивила своим решением оставить Коф в живых, а тут еще эта лукавая улыбка и огонек в лиловых глазах. Что ты задумала, жизнь моя?

— А давай наперегонки! — и эта девчонка склонила голову набок, хитро прищурилась глазами.

Короткая вспышка силы и возле нас оказалась огромная аркх'саашат, ее любимая

форма, только почему-то не черная, как должно, а... розовая. Аэль заметила удивление на моем лице, огляделась, и до нас донеслось злое шипение, волна явного недовольства и несколько безуспешных попыток исправить окрас. Прodelки Аит'Ле, не иначе...

Было забавно наблюдать за розовым хвостом с аккуратным серебристым бантиком на конце, но немигающий взгляд моей тсани дал ясно понять, что сейчас не время для шуток, сколь тонкими бы они ни были.

Я понял, что задумала эта неугомонная, но...

— Тсани, а как быть с твоим Проводником?

Хвост опять недовольно дернулся, выражая весь спектр отрицательных эмоций, но до когтеприкладства не дал довести, как ни странно, Лаит:

— Я умею быстро бегать.

Ну раз он так думает... Волна Оборота, и я уже взирал на дурман-траву и мою тсани совсем иначе. Палитра запахов расширилась невероятно, гниль больше не казалась вонью, наоборот, она пахла сладко и довольно-таки приятно. Кошачье фырканье вздыбило иголки на загривке, реакция тела на сильного соперника, ничего личного, все же в форме Зверей иногда бразды правления отходят инстинктам, а аркх'сашат те еще одиночки. Лобастая морда оказалась рядом совершенно неожиданно, Ваэль всегда отлично справлялась с кошачьими, перенимая их повадки даже в форме человека, а уж подкрадываться она умела виртуозно. Длинный, шершавый язык прошелся по уху, еще один горячий фырк и тсани сорвалась с места без всякого сигнала и договоренности.

Трава мялась под лапами, но тут же восставала, словно никого и не было. Розовый хвост мелькал далеко впереди, его не так просто догнать, а уж тем более, обойти, но я старался, очень старался. К моему великому удивлению, Проводник держался рядом, его сердца отбивали ровный ритм. Или выносливый, или... О второй вероятности думать не хотелось, да и в форме Зверя это казалось не столь важным, я лишь на миг скосил глаза, не увидел ничего подозрительного и вновь сосредоточился на розовом безобразии с серебристым бантиком.

Неказистый ров мы перемахнули почти одновременно, но все же ее лапы первыми коснулись мраморных плит Храма.

— Я выиграла!

— Ты неисправима, — пожурил я с усмешкой и все же обнял мою любительницу соревнований уже в двуногой форме.

Лаит стоял рядом и выражение его лица было абсолютно нечитаемым, Аэль отстранилась, взглянула на Мейна и удивленно отметила:

— А ты быстр... Невероятно быстр.

Лаит молча склонил голову, но почти сразу выпрямился, смотря нам за спину, и хоть я сам ничего такого не услышал, но все же тут же обернулся, напряженно вглядываясь в темноту внешней части Храма. Лучи Солнца-которого-нет с трудом проникали сквозь узкие окна, украшенные черно-белыми витражами, давая столь мало света, что едва разгоняли сумрак и холод, царящий в обители Реш. Ангелам всегда было комфортней в таких условиях, но вот у других подобная атмосфера рождала неясное ощущение тревоги. Вот и по моему позвоночнику прошелся, словно когтями, непонятный страх.

— За нами наблюдают, — констатировал очевидное Лаит.

— Я не чувствую никаких посторонних запахов, да и на подходе к Храму ничего не было.

— Это не означает, что они не могли оказаться сразу внутри, — напомнил я моей тсани, — Они могли пробраться в Храм задолго до нашего феерического забега по Равнине, через совсем другое Око Бури.

Вместо ответа, Аэль решительно направилась к Саду и Внутреннему Храму, а когда я попытался ее остановить, предостеречь, ведь впереди могла ждать очередная ловушка, моя тсани лишь отмахнулась и гордо заявила:

— Никто не смеет без разрешения приходить в мой Дом. Никто!

В этом вся Нешамах — сколько бы раз она ни умирала, сколько бы раз ее не предавали, есть вещи, которые она считает непреложной истинной, даже если та оказывалась мифом не единожды. Храм не так непреступен, как хотелось бы Реш, и история это уже доказала, но Ваэль не смутить фактами, чтобы она ни говорила и ни думала — очень часто ее действиями управляют эмоции: гнев, радость, ненависть, любовь, страх, отвага. В ней намешано всего понемножку, и именно в этом ее сила и слабость, ужасающая красота полноценной личности.

Вопреки ожиданиям, в Саду никого не было, лишь цвели орхидеи на специальных сетках из мифрила, изогнутых причудливыми фигурами, да по стенам полз фиолетовый вьюн. Ровный некогда газон, выстриженный лабиринтом, зарос бурьяном, но даже он не смог задавить голубые орхидеи. В мирах есть немало копий Храма, но только в настоящем растут эти цветы, осколки Бездны, лучший и худший наркотик из возможных. Реш нипочем дурман-трава, но вот голубая орхидея... Как-то довелось надыхаться ее дыма...

Красное, черное, белое... Сплетение тел... Глубокие раны на спине, пронзающие плоть и душу когти. И безумные фиолетовые глаза, в которых утонули звезды всех вселенных.

— Он у Алтаря.

Голос Лаита вырвал из воспоминаний, заставил удивленно вскинуться:

— Откуда ты знаешь? — я имел в виду и то, что это именно «он», один, да еще и у Алтаря.

— Не сомневайся. Он там. — Мейн мотнул головой в сторону Внутреннего Храма. — Путь Аэль ведет именно туда и его нужно пройти.

В Центральный Зал мы входили во всеоружии — с клинками наперевес, Хлыстом в тонкой ручке моей тсани и гудящим щитом Призмы, вот только открывшаяся картинка заставила почувствовать себя глупо.

Да, в Храме был посторонний, но, как и сказал Лаит — всего один. Черноволосый юноша сидел на алтарном камне, упершись подбородком в колено и свесив небрежно вторую ногу. Черное кше легло волнами, ниспадающими до самых мраморных плит, оголяя, меж тем, тонкую лодыжку и узкую ступню. Фиолетовые глаза смотрели спокойно, а на оливковой коже не проступило ни единого знака волнения.

— Я вас ждался.

Голос его был мелодичен и звонок, он разрезал напряженную тишину Зала острым кинжалом.

— Кто ты? — с подозрением спросила Ваэль.

Черноволосый склонил голову набок, позволив косе сложнейшего плетения скользнуть по плечу, голому торсу, да слиться с блестящей чернотой кше. Я смотрел на него и не верил своим глазам, все во мне кричало, что перед нами Реш, да еще и Пробужденный, но этого

просто не могло быть, так как всех оставшихся Пробужденных я знал в лицо.

— А как ты думаешь? — снова этот молодой, чарующий голос.

— Ты не можешь быть тем, кем кажешься, — ответила ему Ваэль.

— Киали, ты не признаешь более своих детей?

— А вот и твоя ошибка, пришлый! Пробужденные никогда не называли меня Матерью! — Призма вновь загудела в руках моей тсани, а Хлыст угрожающе развернул свои кольца.

Но парень лишь усмехнулся, даже не сдвинувшись с места.

— Повторю вопрос, кто ты? — рычащие нотки вырывались из горла Ваэль, но она все еще держала себя в руках.

А вот я был уверен в том, кого именно вижу перед собой, мне не нужны были его лживые слова, мне нужно было время, чтобы незаметно стянуть достаточно сил для удара. Отец предупреждал нас, меня, и этот миг настал.

Черноволосый наконец встал с камня и оказался не таким уж мелким. Высокий, хорошо сложенный, жгуты мышц вырисовывались под кожей, но при этом он все же выглядел юнцом, почти ребенком, будто бы не до конца управляющим своим телом.

— Киали... стой! — протестующе вскинул он руку, — Не нужно! Я понял, не стоит называть тебя так, а злить такую славную киску мне бы не хотелось.

Губы растянулись в пошловатую улыбку, но наткнувшись на еще более холодную реакцию, парень закатил глаза и проговорил куда-то в высокий потолок:

— Что-то за эти месяцы я разучился нормально разговаривать..., - а потом уже серьезно, без тени неуместной иронии, — Тана, я прошу прощения за свое поведение, но я почти год никого не видел и ни с кем не общался, это немного подпортило мои манеры.

Он сделал несколько шагов к моей тсани, и я очень четко понял, что передо мной сильный, до Бездны сильный враг. Скользящая походка, мягкие, но такие уверенные движения. Он встал напротив Ваэль, и моя осторожная и умная девочка почему-то опустила Хлыст и Призму, а черноволосый только едва заметно улыбнулся и кивнул:

— Я знаю зачем вы здесь.

— Вот как? — спросила Ваэль.

— Вы пришли за неким призом, Диадемой Всевластия. Пафосное название, должен вам сказать, — черноволосый покачал головой, — но ее тут нет.

Вопреки ожиданиям, Ваэль ничуть не расстроило заявление странного гостя Храма, ее по-прежнему интересовало нечто иное:

— И в третий раз я повторяю свой вопрос, кто ты?

Пришлый тяжело вздохнул, вновь подошел к Алтарю, рассеянно провел по нему рукой, а потом обернулся к моей тсани и досадливо произнес:

— Вы же не отстанете, Тана, не так ли? — кивнул своим выводам, — Значит, придется рассказать.

Черноволосый взгромоздился на Алтарь, совершенно игнорируя его значение и святость, но как раз это было в духе Реш. Как-то я раз я даже видел, как они на камне разложили небольшой пикничок, да запивали чаем бутерброды с чем-то явно мясным. Тогда меня это шокировало, сейчас вызвало ностальгию по былым временам.

— Тана, я родился не под сводами Храма, это так. Мое происхождение... Я из Мира Льдов, если вам это о чем-то говорит.

Он вопросительно взглянул на Аэль, а та сквозь зубы прошипела:

— Закрытого Мира Льдов, — и оглянулась на меня с вполне понятным упреком, — знаю о таком.

— Хорошо. Меня зовут Иллири Вауу, ну или по крайней мере звали так, — поправился названный Иллири.

— Вауу? Ты потомок Великого Дома Любовников? — моему удивлению не было предела, я был почти уверен, что за эти тысячелетия от Вауу ничего не осталось.

— Более того, я его Глава. — Иллири на секунду задумался и добавил: — уже скорее всего бывший, вряд ли Раэль надолго затянет с официальным объявлением о моей смерти.[1]

Последнее черноволосый сказал сам себе, но и для нас это было интересной информацией. Кое-что начинало вырисовываться, и это кое-что еще сильнее убедило меня в моих подозрениях. Заклинание плелось медленно, до Бездны медленно, но нельзя было спешить.

— Но ты не Вауу, ты Реш, — возразила Ваэль, — я чувствую в тебе родную кровь.

Иллири пожал плечами:

— Теперь я Реш, это так. В том мире я умер как Вауу, в этом возродился как Реш. С Алтаря на Алтарь, меняя маски и миры.

— Тебя убили на Алтаре в Мире Льдов? — уточнила моя тсани.

— Да, но это долгая история, — попытался увернуться от расспросов Иллири.

— У нас есть время, — настояла Ваэль.

Да-да, нам нужно время, не уверен, понимала ли моя тсани, что я готовился атаковать, но паузу она нам выгадала знатную.

— Ладно, — сдался Иллири. — Я родился в Великом Доме Вауу, моим отцом был тогдашний Глава. Наш Дом правил Южным Пределом, почти четвертью Империи, надо сказать, самой богатой и красивой четвертью. Но мы никак не могли забыть свое прошлое, когда над нами не было никакого Императора. Отец положил свою жизнь ради независимости Юга, но мы проиграли. Папу казнили, всю верхушку отдали на потеху драконам, а молодняк сгинул на улицах южной столицы, Мерхнавила. Остатки нашего Дома изгнали на Север, где мы были обречены на медленную, но верную смерть. И тут вмешались Льды.

— Льды? — переспросила Ваэль.

— Древние силы, возможно, боги, а возможно нечто иное.

— Нет бога кроме Отца, — на автомате возразила моя тсани.

— Может быть в этом мире и нет, но у нас богов и божков хватает, — ухмыльнулся Иллири. — Так вы хотите узнать, что сделали Льды?

— Говори, — бросила Ваэль.

— Льды защитили остатки нашей семьи, напомнили нам о том, что значит быть Вауу, — с намеком произнес черноволосый.

Ваэль нахмурилась, пытаясь понять, что именно имеет в виду пришлый.

— Он об их способности питаться сексом, удовольствием партнера, — вмешался я. — Они инкубы и, соответственно, суккубы.

— Да, я уже вспомнила. Тебя убили за то, что ты выпил кого-то не того?

Иллири рассмеялся:

— Можно и так сказать. Дело в том, что на Севере у меня родился брат. Его рождение стоило жизни моей матери и долгое время я сторонился Младшего Герцога, но потом...

Фиолетовые глаза заволокла дымка воспоминаний, на губах расцвела до безумия

нежная улыбка, а тонкие, длинные пальцы буквально впились в черный камень Алтаря.

— Ты влюбился в собственного брата? — спросил я.

— Да, именно так, — с вызовом ответил Иллири. — Осуждаете?

— С чего бы это? Вы же Вауу, да и среди Реш нет ничего предосудительного в этом. Генетические отклонения нам не грозят, а мораль... Она обусловлена лишь нашей силой и возможностями.

Я говорил искренне, я действительно так считал — этой простой истине меня научило время, прожитое в бесчисленных мирах во время периода скитаний. Мораль и этика сильно отличаются от мира к миру, зависят от столь многих факторов, что мерить всех одной мерою было бы идиотизмом. Да и вообще, кто мы такие, чтобы мерить и судить кого-то? У Нешамах есть такое право, у остальных — не так чтобы очень.

— Вот и хорошо, потому что брат оказался не совсем братом, — тихо продолжил Иллири. — Упуская детали, скажу, что он двуипостасный. Знаете, что это означает?

— Он может менять пол по желанию, но разве ты сам так не можешь? У всех Вауу есть такая способность.

— Была. Мы утратили ее по прошествии тысячелетий, — ответил Иллири Ваэль. — Суть не в этом, а в том, что Раэль, мой брат-сестра не родной мне. Он вообще не из Мира Льдов! Его подкинули в нашу семью Льды с совершенно определенной целью.

— И какой? — поинтересовался молчавший до этого Лаит.

— Открыть Дверь.

Дверь? Как, Бездна меня забери, они узнали о Двери? Неужели...

— Ты знаком с Марак Ке Мейн?

— Нет, — ответ Иллири меня порадовал, но прежде, чем я успел облегченно выдохнуть, черноволосый продолжил: — Она преподавала в Академии, где учился Раэль, но о Двери нам сказала не она.

— А кто же?

Кажется, мы наконец подбираемся к главному. Это совершенно не мешало мне продолжать стягивать силы, но атаковать я не спешил — нужно было узнать все детали.

— Ллос, Паучья Богиня.

А вот это было уже совсем странно. То, что Аллос заперта в Мире Льдов мне было известно, как и то, что она все это время искала способ выбраться, но я не знал, что в своих поисках она зашла так далеко. Так вот почему сотрясалась Дверь... Теперь все становилось на свои места.

— Тебя закололи на Алтаре, чтобы открыть Дверь твоей смертью?

— Нет, моя смерть не была в планах, но что-то пошло не так и вместо сложного, но все же не смертельного ритуала, я истек кровью на руках брата.

— Дай угадаю — заколол тебя именно он? — ехидно спросила Ваэль, на что Иллири скупо кивнул. — В стиле Аллос. А дальше ты ничего не помнишь, фиолетовая темнота и пробуждение на Алтаре уже тут, в Первозданном.

— Да, все было именно так, — подтвердил черноволосый. — Но было еще кое-что, кроме фиолетовой тьмы. До нее был краткий разговор со Льдами. Они велели мне отыскать Регалию — Диадему и передать ее тебе. Я облазил весь Храм, но ничего похожего не обнаружил. Диадемы в Храме нет.

Как сказала бы Ваэль, «становится все страньше и страньше». То, о чем рассказал Иллири — это классический случай возрождения Реш. Где бы не погиб Ангел, он всегда мог

проснуться на Алтаре. Конечно, мог очнуться и в теле Зверя, в таком случае через какое-то время разум затухал и Реш растворялся в Сущности. А вот воскрешение на Алтаре означало полное восстановление, а иногда и изменение, в большую или меньшую сторону, как пожелает Хаос.

Однако, все это не отменяло того, что Иллири мог оказаться тем самым Врагом, о котором предупреждал Отец, так что сворачивать заклинание пока не стоило.

— Что еще тебе велели Льды? — между тем вновь подал голос Лаит, его почему-то заинтересовала тема их местного божества.

— Ждать Аватару Хаоса, Нешамах Ваэль.

— И все?

— Льды не отличаются лишней разговорчивостью, — усмехнулся Иллири.

— Неужели? И они ничего не сказали по поводу дальнейшего раскачивания границ Мира Льдов? — вмешался в перекрестный допрос я.

Сам того не зная, Лаит натолкнул меня на верную мысль — Иллири всего лишь пешка, а вот Льды... Что они такое? Что пытается прорваться из Закрытого Мира? Ведь там кроме Вауу и Ллос остался еще кое-кто. Старый знакомый — Айн Киайт, вдохновитель и лидер заговора Внешних Домов. Могут ли Льды быть его детищем? Очередной обманкой, призванной манипулировать юным Вауу? Вернее, уже Реш. Кстати...

— Почему ты стал Реш?

— А я знаю? — пожал плечами черноволосый. — Не на все вопросы у меня есть ответы, уж прости.

Он врал. Это я понял очень четко, так что это просек и враз напрягшийся Лаит, а вот Ваэль осталось спокойной, но может быть ее чутьё проснулось не до конца, в таком случае ей нужно помочь:

— Ты врешь.

— Я не...

— Врешь. Ты знаешь почему и как именно ты переродился в Реш, но не хочешь об этом говорить. К чему тайны, мы же тут все друзья и родственники?

Сарказма в моем голосе хватило бы на сотню подколов, но Иллири даже не поморщился, посмотрел на меня открыто:

— Катись в Бездну.

Тон и слова настолько не вязались друг с другом, что чувство опасности просто взвыло — что-то с этим пришлым было совсем не так, что-то сильно диссонировало, вызывая головную боль, и резь в глазах.

Рядом с тихим шелестом обнажил свои клинки Лаит, должно быть, почувствовав тоже самое.

— Что вы делаете? — недоуменно спросила Ваэль. — Нет!

Но ее крик запоздал, заклинание, наконец, закончилось формироваться — убийственная волна узко направленного Клинка Бездны понеслась точно в сердца черноволосого, я вложил все что у меня было в один единственный удар, очень хорошо понимая, что есть только эта попытка, второй не будет.

Каково же было мое разочарование, когда плетение разлетелось фиолетовыми искрами, не достигнув голой груди Иллири. Я не стал ждать ответного удара уже точно врага и прибегнул к последнему средству — к чистой силе хаоса, прогнав ее через свое фиолетовое сердце мгновенно и в огромном количестве.

Но этот нашси даже не дрогнул! Он все так же сидел на Алтаре и с легкой улыбкой наблюдал за моими попытками прикончить его!

— Да сдохни же ты!

На этот раз я зачерпнул слишком много сил, я понял это тут же, но отступить было поздно. Реальность дрогнула, пошла рябью.

— Твою мать, Кхай, что же ты творишь!

Ваэль была зла. Нет, не так, она была в ярости, но ничего уже нельзя было изменить — я вызвал волну возмущения и скоро она пройдет по всему Первозданному, корежа и ломая все на своем пути. Отголоски ее коснутся и Веера, порождая, одна Бездна ведает, какие катаклизмы. И все из-за этой черноволосой твари!

Хотя бы удостоверюсь, что он будет уничтожен, даже если такой ценой!

— Стой, Кхай, нет!!!

Чистая сила хаоса помчалась на Иллири, окружила фиолетовым туманом алтарную зону. Реальность уже не просто подрагивала, она откровенно корчилась в предсмертных конвульсиях, так что я был уже точно уверен, что это гребанный нашси стерт.

Какого же было мое изумление, когда туман рассеялся, а Иллири все так же сидел на Алтаре.

— Твэрх наз рахмиз!

— Фу, как грубо, — у этого ублюдка хватило наглости скалиться нам, притворно размахивая ручкой, словно отгоняя дурной запах. — Несдержанно, глупо, грубо, но действительно. Спасибо, ты таки выполнил волю Льдов.

О чем это он? И тут за спиной раздалась мерные хлопки в ладоши и до боли знакомый голос проговорил:

— Bravo, Кхай, ты как всегда — сначала бьешь, а потом думаешь.

За моей спиной стояла просто замечательная компания: старый друг Дасат, сестра по Дому Аллос, Некромантка, которую я заполнил по ее визиту на Грань, да еще один дроу и беловолосый то ли мальчишка, то ли девчонка.

— Лииириииии! — оглушающий почти визг раздался под сводами Храма, и беловолосый стрелой бросился к уже стоящему на ногах Иллири.

Тот подхватил маленькое стихийное бедствие, крепко сжал его в объятьях и уткнулся носом в серебристую макушку.

— Кажется, настала пора серьезно поговорить, — ответила Аллос на мой недоуменный взгляд.

[1] Здесь и далее отсылки к истории Дома Вауу — «Цитадель сомнений» и «Академия относительности».

Глава 38. Храмовые беседы. Взгляд со стороны

— Какие личности, и без охраны!

Кхай и Дасат обнялись, как старые друзья, что давно не виделись. По сути, так и было, и пусть в последнюю их встречу они были по разные стороны баррикад, это не отменяло многовековой дружбы. У всех случаются затмения разума.

— Я рад, что ты наконец смог вырваться.

— А уж как я рада, — хмыкнула Аллос. — Но я смотрю, у вас тут было весело. Что натворил Иллири, что ты чуть не лишил нашу Принцесску любимого?

— Принцесску? — вскинул бровь дроу.

— Ну ладно, Императрицу, — исправилась Паучиха.

Иллири на мгновение отстранил Раэля и заглянул ему в глаза:

— А ты времени зря не терял, так, малыш?

— Да ну их, с этой Империей и прочим бредом, достали уже, — пробурчал Раэль, и вновь уткнулся носом в шею старшего брата.

— Все прекрасно, но ты не ответил на вопрос, почему ты пытался убить Иллири, чем он заслужил столь пылкую «любовь»?

Настойчивость Аллос в вопросе недоубиения черноволосого сильно насторожила Кхай:

— С чего такая забота о Вауу?

— Ошибаешься, он Реш. В связи с чем и вопрос — с каких пор мы нападаем на своих?

Члены Дома неприкосновенны.

— С тех пор, как под личиной «своего» скрывается Враг! — сквозь зубы процедил Кхай.

— Враг? — переспросила Аллос. — Тот самый?

— Да! — рявкнул раздосадованный Нефеш.

— Ты ошибаешься, Иллири не может быть Врагом, — покачала головой Аллос, а потом с затаенной любовью взглянула на обнимающихся братьев. — Поверь, Иллири точно не Враг.

— Это еще почему?

— Он не Аватара.

— Вауу, возродившийся на Алтаре Храма? — с изрядной долей ехидства уточнил Кхай. — Ты ничего не забыла?

— Я ничего не забыла, — Аллос подошла ближе к Кхаю, — а вот ты, кажется, забываешься. Может быть ты и Нефеш, но я Пробужденная, древнейшая из ныне живущих. Аватару я способна вычислить.

Кхай не боялся Аллос, он вообще мало чего боялся, но зная ее нелюбовь к нему и богатую фантазию, стоило все же убавить тон:

— И как же?

— У Аватары не может быть иных родителей, кроме Хаоса, — открыла одну из тайн Первозданного Аллос.

Кхай замер на полуслове, осознавая сказанное.

— Так просто?

Аллос кивнула.

— А ведь ты права... — задумчиво протянул Кхай. — Мои родители были давно мертвы, прежде чем я встал на Путь Самосотворенной Аватары.

— Но мои живы! — возразила Аэль.

— Разве? — переспросила Аллос. — Если ты о биологических родителях, что дали жизнь твоему изначальному телу, в том отсталом мире, то они не в счет. Да и не они породили твою душу, вот что важно. Ты же вообще никогда не рождалась, забыла? Настоящая ты — Пробужденная, как и все мы. Ты однажды просто проснулась на Алтаре, сотворенная Хаосом из чистой Бездны, так что Путь Аватары был открыт для тебя с самого начала.

— Стой, даже если ты права по поводу отличия Аватары, то Иллири сам рассказал, что его родители погибли!

Аллос помолчала, вновь посмотрела на двоих братьев, а потом все же решилась сказать правду:

— Не совсем так.

Раэль удивленно вскинулся:

— Мать выжила?

— Она никогда и не умирала, — ответила Аллос. — Вот только та, которую ты зовешь матерью, ею не была. Как и в случае Ваэль, она лишь исторгла из себя твою временную телесную оболочку. Твоя душа, твоя Искра была порождена совсем другой Сущностью.

— Ты хочешь сказать, что и они Пробужденные? — уточнил Кхай.

— Нет, они все же не Пробужденные. — Аллос на секунду прервалась, а потом продолжила: — Они мои дети.

Новость обрушилась на собравшихся подобно снегу посреди июля, в принципе, в Первозданном все возможно, но не такое же! Только один из присутствующих не округлил удивленно глаза — Иллири все так же крепко обнимал свое сокровище, даже не шелохнувшись. Неладное первым заметил Раэль:

— Ты знал?

— Я узнал недавно. Мне Льды намекнули, да и я потом получил весомое подтверждение.

— Подтверждение? — переспросил Раэль.

Иллири тяжело вздохнул, вопросительно взглянул на Аллос, и получив едва заметный утвердительный кивок, выпустил из своих объятий Раэля, на что тот недовольно побурчал, но послушно отошел в сторону.

Келлин почуял неладное сразу. Дроу учат ощущать угрозу с малых лет, а мальчишки, вообще, обладают врожденной чуйкой на неприятности. Желтоглазого и без того сильно напрягало соседство его Богини, Великой Ллос, но с этой... неприятностью он как-то научился мириться. Возрождение третьего члена их с Раэлем триумvirата тоже радовало, не могло не радовать, может быть его тсани наконец растает и вернется в их общую постель. Пусть заклинание все еще притупляло чувства, туманило эмоции и не давало разъедающей боли, некогда порванной связи, уничтожить остатки его разума, новые обстоятельства постепенно вытесняли холод и кристальную ясность, обретенную с помощью... Кстати, а где эти две заразы? Дроу украдкой огляделся, но так и не смог уловить две тени, что последнее время постоянно вертелись рядом, думая, что их никто не видит. «Точно готовят очередной...».

Но думать о двух вредных сущностях и об их проказах было не время и не место. То, что он сделал, то, что они вместе с Ллос провернули, ему еще аукнется, он это знал точно. Как и то, что сейчас произойдет очередной крэшшш.

Волна изменений была какой-то... изящной, но вот результат... Келлин, как и все дроумужчины, страдал тяжелой формой арахнофобии, Паутина и возможность попасть в кокон была одним из самых страшных кошмаров любого темного, так что все, что имеет больше четырех лап вызывало чисто инстинктивную реакцию — бежать подальше и побыстрее.

— Лири... — пораженно выдохнул Раэль, — Ты... ты...

— Ну я, — кивнул головой Иллири, вот только смотрел он на свое сокровище совершенно с другого ракурса. — Удобно, если живешь среди такого количества колонн, — кивок на возвышающиеся по всему Залу столбы, увитые плющом и цветами.

Он стоял возле Алтаря, все тот же соблазнительный инкуб до пояса, вот только хорошо прорисованные кубики пресса переходили не в косые мышцы, а в уродливый, кошмарный, блестящий и гладкий торс огромного паука. Восемь мерзких, длинных, суставчатых лап слегка пружинили при любом движении, от чего казалось, что тело монстра покачивается взад-вперед, словно он не может решиться — нападать или нет.

Келлин сглотнул вязкую слюну и вновь искоса глянул на Аллос. На лице богини проступила несказанная гордость за свое чадо, а дроу внезапно осенило — Раэль тоже обладает такой милой формой?

— А почему я так не могу? — словно прочитав его мысли воскликнуло чудовище с серебристыми волосами.

— Потому что ты еще не умирал, — назидательно ответила Аллос. — Вот умрешь, на Алтаре возродишься и получишь в свое распоряжение восемь лап.

Раэль на секунду задумался, а потом решительно заявил:

— Пока обойдусь.

Дроу наконец смог выдохнуть — быть связанным с арахнидом очень не хотелось. Хотя... Келлин вдруг осознал, что даже это ничуть не уменьшило бы его любви, а скорее заставило бы увлечься членистоногими. Еще один косой взгляд на Аллос и внутренний протест — «не всеми».

— Я тоже твой сын... эм, дочь... ну вообще твое дитя? — переспросил Раэль.

— Да. Ты дважды мое дитя, — мягко улыбнулась Паучиха.

— Дважды?

— Да, родной. Дело в том, что сперва я дала жизнь Иллири, Жрица вовсе не была его матерью, а лишь воспитала моего сына. Да, Иллири, твой отец настоящий, и в этом основная проблема. Гены Вауу настолько сильны, что мне показалось, что они возобладали даже над моим наследием. В тебе, мой первенец, не было ничего от Реш, только и исключительно Вауу. Более того, ты вообще был почти пуст в плане магии, и это удручало сильнее всего. Я решила, что во мне осталось слишком мало от Изначальной Бездны, чтобы я могла породить настоящего хаосита. Тогда я прибегла к другому методу.

Аллос подошла ближе к Алтарю, встала между своими детьми, и только тут все остальные заметили капли сходства. Похожий разрез глаз, характерный наклон головы, форма рта, абрис лица. Во всех троих было что-то неуловимое, объединяющее их — да, они были родственниками, в этом ни у кого сомнений не осталось.

— Что ты сделала? — напряженно спросил Раэль.

— О, ничего катастрофического, — небрежно взмахнула рукой Аллос, и Иллири поймал себя на том, что прекрасно знаком с этим жестом, — всего лишь притянула из-за Грани Искру одной из своих дочерей.

— Эм...? — недоумение отразилось не только на лице Раэля, но только он посмел так

неэлегантно вякнуть.

— Вот любит она воду мутить, нет чтобы просто все рассказать... — раздалось совсем рядом с Келлином, но тот предпочел сделать вид, что ничего не услышал.

Этим двум пакостям все сойдет с когтистых лап, а ему может стоять и кокона. Пусть теперь она его... А кто ему теперь Паучиха? Келлин поежился, ну его в Бездну, думать о таком, лучше послушать дальше про сомнительную родословную его Принцесски. Простите, Императрицы.

— Ну что тут непонятного? Когда-то давным-давно у меня была дочь, умница, красавица, чистокровная Реш, Первороденная. Вот только ее убили, а из-за общего оттока сил Хаоса, на Алтаре она толком не Возродилась. Была целая череда воплощений в виде Зверей, но в какой-то момент я потеряла нить ее судьбы, и она растворилась в Веере. Я все еще чувствовала, что часть ее личность где-то сохранилась, но отследить не могла. Зато в нужный момент смогла притянуть к себе. Да, Раэля родила Жрица, вроде как. Вот только душу я притянула из совершенного другого мира, и она изменила тело под себя. У моей дочери когда-то было очень сильное Семя Хаоса, и оно только и ждало возможности возродиться в правильном теле.

— Не могла сразу найти девочку, наворотила... — тот же шипящий, вредный голосок продолжал комментировать.

— Цыц, мелочь, не мешайте! — Аллос топнула тонкой ножкой и две тени тут же поспешили затеряться между колонн.

— Это ты кому? — с подозрением спросил Дасат.

Паучиха пожала плечами:

— Да так, не обращай внимания, мелкие саа'ле. На чем я там остановилась? Ах да, Искра моей дочери в теле сына Дома Вауу.

— Но я все же не Реш? — еще раз уточнил Раэль.

— А Бездна знает, кто ты, — легкомысленно отмахнулась Аллос. — Сердца бьются, значит хаосит, чистокровный. Двупостасный, с женской и мужской формой, значит истинный Вауу. В тебе сильное Семя Хаоса, с отчетливым привкусом Реш, да и рядом с Алтарем бродишь, как у себя дома. Значит... Все Дома когда-то произошли от Реш, может ты новый вид, новый гибрид?

Раэль на несколько минут задумался, повернулся к Алтарю, поскреб его ногтем, пнул, добился легкого отклика в виде слабого свечения и хмыкнул:

— Ну гибрид, так гибрид. Какая теперь разница?

Аккуратно обогнул Аллос и встал напротив Иллири:

— Ты, конечно, красавчик, но обниматься в такой форме неудобно.

— Это кто сказал? — пошевелил в воздухе парой передних конечностей Иллири.

— Да ну тебя, я арахнофилией не страдаю. От слова «совсем».

— Скучный ты.

К облегчению Келлина, Иллири плавно стек обратно в свой первоначальный вид, и тут же сграбастал Раэля. Ревность, конечно же, шевельнулась в груди дроу, но то ли под влиянием заклинания заморозки чувств, то ли еще по какой причине, особого дискомфорта не принесла, так, отметилась и ушла.

— Ну, чего стоишь? Иди к ним! — опять прошипела тень рядом, но дроу остался стоять на месте.

Раэль пока не знает главного, а как узнает, так опять вызверится, пошлет его куда

подальше. Они ведь так толком и не поговорили — то Раэль неудачно заходит в спальни, то он сам открывает двери, которые лучше было бы не трогать. Подходящий для разговора момент все никак не наступает, а время идет, и кто знает, что там себе надумал его тсани. Пусть он изрядно повзрослел, пусть его поступки все более и более взвешенные, но предугадать его реакции все еще крайне трудно. А Келлину не хотелось терять ту хрупкую надежду на счастье, что он обрел лишь недавно. Ну как обрел. Осознал головой, но вот сердце еще не до конца разморозилось, так что чувствовал он все таким образом, как будто и не с ним это происходит.

— Болван, тормоз отморожжжее... — зло прошипела тень, но вторая не дала ей завершить высказывание, утянула за хвост в темень одной из ниш.

И очень вовремя, так как Аллос нахмурилась и уже готовилась приструнить зарвавшихся кошмариков, пока они окончательно себя не обнаружили.

И все же, кое-кто их заметил.

— Это то, что я думаю? — спросил Кхай.

Аллос надменно фыркнула:

— Откуда я знаю, что ты думаешь, Предатель?

Да, теперь было ясно, что Аллос все также злилась на него, даже с учетом Последнего Жертвоприношения. А может быть, как раз из-за него в большей степени.

— Ладно, проехали, — Кхаю очень не хотелось выяснять отношения с Аллос перед его тсани, фиолетовые глаза и так слишком пристально следили за их перепалкой.

Зато Раэль вновь отстранился от Иллири, и посмотрел на Паучиху:

— Значит, Льды — это ты?

Аллос отрицательно покачала головой:

— Нет. Льды, скорее всего, отголосок Сознания Отца. Он давно впал в Долгий Сон, но к этому времени Мир Льдов уже был Закрыт, так что, возможно, и часть его личности оказалась заперта вместе с нами.

— Льды — это Хаос? — уточнил Иллири. — Тогда все становится понятней.

— Я так думаю, — подтвердила Аллос. — Часть Отца была в Мире Льдов, и ей удалось вырваться вместе с нами. А значит Его полное пробуждение все ближе.

В ответ на ее слова, Алтарь за их спинами вспыхнул ярче.

— Так, детки, отошли-ка от камушка.

Иллири тут же оттянул Раэля подальше, а Аллос переместилась ближе к Аэль, отчего та едва заметно нахмурилась.

— Однако, — наконец отмерла и Мара, хотя, по отношению к признанному гению некромантии слово «отмерла» вряд ли подходит. — Оказывается, у нас тут прямо семейная драма.

— Кто бы говорил, — хмыкнула Аллос. — В ваших семейных переплетениях даже Хаос не разберется. И вообще, разве хаоситы не одна дружная семья?

Конечно, все присутствующие оценили шутку — кто смешком, кто улыбкой, кто ехидно заломленной бровью.

Антас, он же Дасат новостью был не сильно удивлен, он вообще разучился удивляться за столь долгую жизнь, а уж то, что у Аллос припасено множество сюрпризов, так-то и, вовсе, моорну понятно. Нет, чудесное возрождение и превращение Иллири его интересовало мало, а вот стоящая чуть в стороне... Кто? Он смотрел на нее и не мог определиться — похожа или нет? Вроде бы те же платиновые волосы, фиолетовые глаза и совершенное лицо,

но вот только все вместе складывалось в не очень знакомый образ. Что-то было в нем чужое, что-то, чего он раньше или не замечал, или забыл, или оно все же изменилось.

— Нешамах? — для пробы позвал он.

Девушка тут же обернулась, а вместе с ней и давний друг Кхай.

— Я, кажется, помню тебя, — тихо промолвила знакомая незнакомка. — Ты был в моей Стае.

Был, когда-то давно он был ее любимой Гончей, которую она пускала по следу, когда нужно было отыскать чью-то душу, даже если за Гранью. По ее приказу он выследил своего лучшего друга Кхая, он обрек его на смерть, он бы даже мать родную выследил, если бы она поставила такую задачу. Нешамах была смыслом его жизнь столь долгое время, что иного он уже и не помнил. Нет, он не был влюблен в нее, вовсе нет, он не называл ее тсани, он никогда не грезил о ее теле или поцелуях. Его интересовало нечто иное — воплощенная Богиня, достойный идол для поклонения. А Дасат был фанатиком, самым настоящим, истинно верующим, и когда его служение прервалось, он разом потерял все и вся. Поэтому едва осознав, что это все же его госпожа, он мгновенно оказался рядом со ней и опустился на одно колено, склоняя голову:

— Нешамах, примешь ли ты меня обратно?

Ваэль закусил нижнюю губу, не зная, что ответить толком, а потом честно спросила:

— А разве ты когда-то уходил из Стаи?

Гончая отрицательно мотнула головой.

— Ну, значит ты и так со мной.

Дасат поднялся, встал за спиной своей Нешамах и довольно ухмыльнулся — его дело сделано, он дождался, теперь можно не возвращаться в тот унылый, маленький мирок. Вот только... Мара, его дочь, да оставшийся в Мире Льдов сын. Нет, хаосит не испытывал особой привязанности к своим детям, ну может быть только к Маре, да и то, не из-за кровного родства, а из-за того, кем и чем она стала — его истинным продолжением.

От мыслей о дочери его отвлек сильный подземный толчок, а потом рябь пошла и по многочисленным колоннам, от чего вьюн скинул часть лепестков на мраморные плиты.

— Тааак... — настороженно протянул Кхай, — что-то мне не очень нравится происходящее.

Кхай быстро отыскал глазами свою тсани, но та смотрела вовсе не на него, она разглядывала Аллос, которая как-то очень напряженно стояла перед ней.

— Ты убила меня, — едва слышно прошептала Аэль, — ты воткнула в мою грудь кинжал.

Храм бился в конвульсиях, он отчаянно не хотел происходящего, но ничего поделать не мог, большая часть Его Сознания была где-то в другом месте, занятая чем-то важным, чего Храм не помнил. Он вообще в последнее время плохо ориентировался в событиях, все большее теряя себя, но присутствие своей любимой девочки он еще был способен ощутить.

И вот теперь она лежала на Алтаре! На холодном, жестком камне, где ей совершенно не место!

Стены опять дрогнули, новая волна ряби прошла по искрящейся паутине, что заполнила почти все пространство между колоннами. Над серебристой фигурой склонилась другая, черноволосая, древняя и жуткая. В воздухе мелькнул темный кинжал, но в последний момент рука дрогнула.

— Ну же! Не смей останавливаться! Ты должна! — отчаянно прокричала та, что лежала на Алтаре.

Кто-то придушенно всхлипнул, кто-то близкий и родной, еще одна сестра, рыжеволосая, что не желала быть здесь, но все же исполняла свой долг, как того потребовала Нешамах. Черноволосая вновь занесла кинжал над жертвой, что-то тихо прошептала, то ли молясь, то ли прося прощения, и уверенным движением дважды вонзила клинок в грудь несопротивляющейся девушки.

— Наконец-то, — едва заметно дернулись стремительно бледнеющие губы. — Скажи ему, скажи, что я его...

Аллос знала, что пыталась донести та, что стала спасением всех тех, кто ее же предал, но ничего передавать не собиралась. Пусть помучается, также, как мучается сейчас она. Пусть его сердца также разобьются, с тем же громким звоном. Пусть слезы точно также заполнят его глаза, мешая видеть четко...

— Нееееет!

И все же, он почти успел, почти смог предотвратить неизбежное. Аллос усмехнулась, «почти — не считается». Кинжал выпал из тонких пальцев, гулко звякнул о мраморный пол. Крылатый завыл раненным зверем, но ничего уже не могло спасти его тсани.

— Ты убила меня, — повторила Аэль, — заколола на этом самом Алтаре. За что?

Аллос попыталась подойти ближе, но девушка отступила, тогда Паучиха замерла и как можно мягче проговорила:

— Ты сама мне велела.

— Я?

— Да. Ты сказала, что так нужно.

Аэль прикрыла глаза, вспоминая.

— Нет, я не стану этого делать!

— Сестра, пойми, иного выхода нет!

— Всегда есть выход, тебе ли не знать!

Аллос была, как обычно, невыносима, это ее топанье ножкой за версту отдавало театральностью, но уже настолько въелось, что стало неотъемлемой частью образа.

— Аллос, мы говорили с Отцом, он согласен.

— Не верю!

— Ты хочешь сказать, что я вру? — приподняла бровь Ваэль, надевая в свою очередь маску Нешамах.

Аллос вздрогнула:

— Нет, я не думаю, что ты сознательно врешь, Тана. Но может быть ты не так поняла Его волю?

— Я есть Его Воля! — почти рыкнула Ваэль. — Я — Аватара! Я — Тана! Мое слово закон!

Паучиха тяжело выдохнула — каким бы бредовым ей не казался приказ, это был приказ ее Тана. Хуже того, это был приказ Аватары. И если «преклонный возраст» и позволял ей иногда перечить Тана, то вот Аватаре она отказать не могла.

Аллос склонила голову, и не поднимая глаз сухо проговорила:

— Будет исполнено, Нешамах.

— Да, я так сказала, — кивнула Аэль. — Последнее Жертвоприношение. Финальный аккорд в затянувшейся симфонии. Я хотела дать всем еще один шанс.

— И как, получилось? — не смогла сдержать ехидства Аллос.

— Судя по тому, что моя тсани вернулась, получилось не очень.

— Что ты хочешь сказать? — уточнила Аэль.

— Отец пообещал, что ты вернешься, как только в тебе вновь возникнет потребность. Как только Дома окончательно преступят грань дозволенного. Ты здесь, а это значит, что Дома обречены. Или ты накажешь их, или всех нас уничтожит Враг.

— Да, кто такой этот Враг?! — уже громче спросил Лаит.

Кхаю очень не хотелось отвечать, это был именно тот вопрос, который в этой «семье» освещать совершенно не стоило, но он знал этот взгляд, и знал этот тон. Ваэль интересовал ответ, а не отговорки.

— У меня была Беседа с Отцом. После твоей смерти.

Глава 39. Сказ о Враге. Взгляд со стороны

«Мне не больно!! Мне не больно. Мне больше не больно» — стучало в висках того, кого Кхай назвал стихийным бедствием, и древний хаосит еще не понял, насколько был прав... Раэль повис на Лири подобно обезьянке саймири, с самыми цепкими во всех мирах пальцами, мял немнущуюся, в принципе, ткань кше и продолжал повторять свою мантру.

«Мне не больно...».

Он бы и зубами впился в шею вновь обретенной любви, и подобно вампиру пил и пил его кровь... Долго, бесконечно долго... захлебываясь от жажды, любви, тоски и желания.

Его не было рядом... Сколько? Несколько месяцев? Лет? Веков? Солнечных систем и галактик? Раэль точно не помнил, все, что произошло в Мире Льдов теперь казалось сном, длинным, тягучим и неинтересным.

И Лин, Лин был рядом вопреки всему. Вопреки его холодности, вопреки его выходкам, вопреки тому, что он... Нет, о последних событиях думать не хотелось. В порыве безрассудства и глупого упрямства он совершил такое, что Келлин ему никогда не простит. Его глаза никогда не приобретут тот же янтарный, завораживающий, сводящий с ума блеск. Они навсегда останутся осколками едва золотящегося льда.

И это Иллири еще не знает о главном.

Раэль все пытался не задохнуться и не упасть в позорный обморок от переполняющего счастья, напополам с диким страхом — что с ним сделает его тсани, когда узнает?

«Отшлепает, как минимум» — знакомый голосок одного из его личных кошмариков прозвучал, как обычно, прямо в голове, — «но ты не отвлекайся, обнимай свою воскресшую любовь, вдруг опять надумает сбежать».

Хвостатая тень мелькнула где-то на краю зрения, но Раэль даже не вздрогнул. К этим двум порождениям сна разума он давно привык.

«Мне не больно! Мне не больно... Мне больше не больно... Я не могу без них. Без них обоих».

Уже неизвестно в который раз, Раэль едва слышно прошептал:

— Лири — это правда ты?! Я же чуть не умер, я же совсем потерял надежду...

Вместо ответа теплое дыхание в шею, от которого мурашки вновь устроили смотровой парад по всему телу и тихое:

— Малышшшшш — ДЫШИ! Ты от меня так просто не отделаешься. Я весь твой, со всеми своими решевскими ныне потрохами. Люблю тебя, солнце мое и свет, моя ночь и мой день. Только теперь я стал понимать, что такое «тсани»...

И последние слова стали триггером, искрой, что моментально зажгла кровь. Томная волна еще больше затуманила взор Раэля, заставила Иллири крепче сжать объятья, а Келлина выдохнуть сквозь сжатые зубы ругательство.

«Эмм, а может все же не сейчас? Я не против хлеба и зрелищ, но старшие могут не понять» — все тот же мурчащий голосок заставил немного прийти в себя. В унисон с назойливым глюком, в ухо горячо зашептал Иллири:

— Малышшшш, что ты творишь... Не сейчас, чуть позже, все позже... И не здесь.

Едва заметный кивок на Алтарь за спиной очень живо напомнил, чем именно закончилась похожая сцена совсем недавно. Или бесконечно давно? Раэль с огромным трудом подавил просыпающийся голод, втянул обратно щупальца инкубской силы.

«Ну вот, такую пирушку обломалии» — заныл второй голос его персональной шизы.

Две кошкообразные тени вылезли было за край Алтаря, но наткнулись на острый взгляд и вздернутую бровь Аллос, и поспешили втянуться обратно.

«Чего это она? Как будто мы что-то не то сделали?»

«Да ну ее, что на уме у Ллос, знает только Ллос».

Дроуская мудрость из уст то ли глюка, то ли вполне реального мелкопакового существа, звучала по меньшей мере забавно, но Аллос было не до смеха. Она догадывалась, чьи, именно это, осколки разума, но только догадывалась, и, без подтверждения, была не готова открыто их признавать.

Келлин смотрел на сладкую парочку то ли инкубов, то ли, одна Бездна знает, кого, и силился справиться с острым приступом ревности. Чувства пробивались сквозь тонкую ледяную корочку неожиданно ярко и больно. Ревность вернулась первой, она рвала сердце на части, но дроу продолжал стоять и смотреть, пропуская через себя целые волны кипящих чувств, еще сильнее подтачивающие и без того покрытый трещинами панцирь заклинания. Да, вся его сущность буквально вопила о несправедливости и неправильности происходящего — он должен быть там, точно также обнимать несносного... несносную любовь свою, а вместо этого стоит в одиночестве и страдает, но, пока так, и только так. Пока придется держать себя в руках... и член в штанах.

— Да кто такой этот враг?

Вопрос черноволосого неожиданно задел какие-то нити заклинания, и дыра, через которую хлестали эмоции мгновенно затянулась, возвращая ясность и холодность разума.

— У меня была Беседа с Отцом. После твоей смерти.

Келлин до конца не разобрался, кто и сколько раз умирал, он многого не понимал, не мог осознать, но вот идею с врагом точно уловил — есть кто-то, еще не познанный, неясный, но кто угрожает им всем. Чем именно и почему? Вот об этом стоило послушать внимательней.

— Он откликнулся? — удивленно спросила Ваэль.

— Не сразу. Сперва пришлось долго... упрашивать.

Инкубы, да и дроу, будучи эмпаками поежились от волн отрицательных эмоций, что разошлась плотными кругами, отражаясь от черных, мраморных стен, вновь и вновь выплескивая на присутствующих невероятную боль, отчаяние, нечеловеческую тоску, сжирающую Кхая. А ведь время уже успело сгладить самые острые пики, покрыть легкой пылью самые яркие воспоминания, что же чувствовал он, этот странный хаосит, тогда, тысячелетия назад? Как не сошел с ума, как не присоединился к Баху в Аит'Ле?

Аллос кивнула:

— Пришлось восстанавливать Храм почти из руин.

— И все же, Он ответил, — продолжил Кхай, — И был до Бездны зол.

Тот-что-был-богом передернул плечами:

— Он знал, тсани, Он все знал. О наших планах, о Регалиях, обо всем. Он все знал, поэтому и не остановил тебя. Это не мы Его отвлекли, это Он позволил себя отвлечь.

Золотистая кожа едва заметно побледнела, а зрачки расширились от осознания услышанного, но Ваэль никак не прокомментировала слова Кхая, лишь крепче сжала зубы, готовясь к очередной каверзе, подстроенной Отцом. О, в том, что Он опять играет ими, она ничуть не сомневалась!

— Я упрашивал Его вернуть тебя, моя тсани, валялся на коленях, унижался, клял и

клялся, но Отец был непреклонен, мол, раз ты так решила, значит — быть твоей смерти, недаром ты Его «Воля». Да и зачем тебя возвращать, если ты не выполнила свою миссию?

— Миссию? — вопрос был задан безучастным тоном, но не нужно было быть чтецом душ, чтобы почувствовать напряжение, охватившее Ваэль.

— Он не вдавался в подробности, сказал, что ты и сама знаешь. Знаешь ведь?

Нешамах отвернулась, сиюсь скрыть выражение глаз, но Кхай слишком хорошо ее знал — госпожа его сердец и души была виновна, и осознавала это.

— Когда-нибудь ты найдешь в себе силу сказать правду вслух, — кивнул своим мыслям Крылатый. — В общем, Отец отказался тебя вернуть. Тогда я попросил забрать и меня, погрузить в долгий Сон. Но Отец и в этом был суров, это и было моим наказанием за наш с тобой заговор — остаться Вечным Странником в тварном мире, когда тебя в нем нет и не будет.

Несмотря ни на что, даже на крайне отвлекающую мягкость и гладкость кожи Иллири, Раэль чутко прислушивался к словам древнего, и последнее признание заставило сглотнуть горький ком — лишь на секунду представив, что он сам бы почувствовал окажись на месте Кхая, Раэль чуть было не задушил своего едва воскресшего «братца».

— Эй, малыш, полегче, я никуда не денусь. Больше — никогда.

Раэль судорожно вздохнул и чуть ослабил объятия, но всего на капельку, ему все еще было безумно страшно выпустить из рук свое сокровище. Беспокоил еще Келлин, от которого нет-нет да прорывались странные эмоции, с ними еще предстоит разобраться, как и с тем заклинанием, что висит на дреу, но это будет потом. Чуть позже.

— И все же ты Его уговорил, — вмешалась Аллос.

Кхай отрицательно мотнул головой:

— Нет, у меня не нашлось аргументов, хоть я и перепробовал все варианты.

— Тогда как...? — удивленно спросила Ваэль.

— Его Пути неисповедимы. Когда я наконец замолк, исчерпав все слова и молитвы, Отец сам предложил условия. Он вернет Ваэль тогда, когда Дома окончательно утратят свое первоначальное значение и смысл, когда они отринут Истину, и встанут на Путь Апокалипсиса.

— Звучит до невозможности пафосно, — едко отметил Лаит.

— Не забывайся, ты говоришь об Отце в Его же Храме, — предостерегла Аллос, но Проводник лишь фыркнул в ответ.

— Мое Возрождение означает конец Домов? — сделала верный вывод Ваэль.

— Так или иначе, — подтвердил Кхай. — Одновременно с тобой был Пробужден и некий Враг, тот, чья миссия стереть Первозданный, да и весь Веер в Бездну.

— И я должна буду его остановить? — спросила Ваэль.

— Не обязательно. Он опять назвал тебя «Своей Волей» — ты свободна в выборе, на чью сторону встать. Ты можешь выступить против Врага, а можешь решить ему помочь. Остаться в стороне тебе не позволят, ты обязана будешь выбрать и тем самым решить судьбу всех живущих.

— Уничтожить одного единственного Врага, или все миры? Выбор очевиден! — воскликнула Мара.

Дасат тут же ее одернул:

— Ты никогда не имела дела с Отцом. Выбор не может быть столь простым.

— Он сделает Врагом кого-то, кто мне до безумия дорог, — едва слышно прошептала

Ваэль, но в гулкой тишине Храма слова разнеслись по всем углам.

Фиолетовый взгляд нашел по очереди Кхая, а потом Лаита, и она спросила громче:

— Кто-то из вас двоих?

Соперники переглянулись, и Кхай не смог не отметить торжествующих искорок в глазах Лаита. Тсани признала их обоих, невольно, не подумав, но дала надежду Проводнику и задела Нефеш. И все же Кхай ответил спокойно:

— Скорее всего, что да. Или я, или Лаит. А самое веселое, что мы можем и не знать о своей роли, действовать вслепую, но под властью невидимых ниточек Отца.

— Не факт, — задумчиво проговорила Аллос.

Кхай вопросительно уставился на нее, и Паучиха продолжила:

— Это слишком банально. Любовь против всеобщего блага. Отец уже давно пресытился этим спектаклем, да и нашу Ваэль он хорошо знает. Тут Мара права, ты при любом раскладе выберешь не свое личное счастье. Именно за эту твою жертвенность Он тебя и наказал, не в этом смысл твоего существования.

Кхай не был уверен, что его тсани вспомнила все, когда-то у них уже был подобный разговор, когда именно он и привел к непоправим последствиям. Следующие слова Ваэль подтвердили его опасения.

— Отец желает изменений. Качественных. Революции. Чего-то нового, еще неведанного. Поэтому, раз за разом, вводит в привычную формулу все новые и новые переменные. Я должна была стать катализатором этих изменений, и, какое-то время справлялась со своей ролью, а потом...

Тот-что-был-Богом сжал кулаки и закончил фразу:

— А потом случился я. Стал взывать к твоей совести, сбил тебя с Пути и все начинания Отца пошли прахом.

— Не совсем так. Думаю, что ты был еще одним Его экспериментом. Еще до тебя я попыталась восстановить Равновесие, не понимая, что как раз этого Он и не желает. Так что, наоборот, ты должен был встряхнуть меня, заставить вновь действовать. Войны, противостояния, союзы и предательства. Ему было интересно, — внезапно Ваэль запнулась, вздрогнула, посмотрела на Кхая: — мы уже когда-то об этом говорили.

Крылатый скупно кивнул, и все встало на свои места. Келлин внутренне расхохотался, складывая все кусочки головоломки. Игрушки Бога воспротивились Его замыслу и решили не следовать сценарию, вместо этого подвинув кукловода. Вот только кукловод просчитал их на раз-два-три и обломал идиотский порыв, наказав по заслугам.

— Восхитительно, — ухмыльнулся дроу, — вы решили убить Бога? Разве вам в детстве не объяснили, что невозможно?

Келлину ответила Аллос:

— Не все проходили должное обучение. Вижу, что сейчас ты благодарен полученным урокам?

Намек Паучики прошелся наждачной бумагой по оголенным нервам, заставляя панцирь заклинания трещать, но на этот раз от ярости. И все же уроки, действительно, были усвоены. Келлин склонился в полупоклоне, и почтительно промолвил:

— Да, Великая. Я знаю свое место.

— Поэтому тебе никогда и не стать чем-то большим.

Аллос играла с огнем и прекрасно это осознавала, но пора было выводить мальчишку из его затянувшейся заморозки. Мантикоры переборщили с силой, вложенной в заклинание, и

теперь его было непросто снять. Сперва следовало хорошенько расшатать опоры.

Оливковые скулы заострились, золотые глаза зажглись недобрым огнем, но, к досаде, Паучихи почти сразу потухли:

— Да, Госпожа.

Пусть Ваэль и не знала деталей, но суть противостояния сестры и желтоглазого дроу была ей понятна. Аллос славилась своей любовью к дрессировке мужчин, как и умением воспитывать очень и очень полезные личности. Слабых она ломала, сильных возвышала. Дасат был тому живым примером.

— Я не думаю, что это кто-то из вас, — вернулась к теме разговора Аллос. — Скорее Отец введет другую фигуру в расклад, кого-то совершенно иного, того, на кого мы никогда не подумаем. И да, действовать он будет неявно.

— Пойди туда, не знаю куда, найди того, не знаю кого... В духе Отца, — констатировал Дасат.

— Очень даже, — утвердительно кивнула Аллос.

— Просто шикарно! И с чего мы начнем? — спросил Лаит.

— Это ты нам скажи, ты же Проводник, — подначил его Кхай.

Лаит повелся было на подколку, но тут же нашел другого крайнего:

— Среди нас есть Проводники и постарше.

Дасат скривился, но подачу принял:

— Отец обычно оставляет подсказки, иначе не будет спортивного интереса, и интрига зачахнет на корню. Хлебные крошки уже разбросаны, нужно лишь поймать ключевой момент и отматывать оттуда.

Развить мысль старший Мейн не успел, Храм еще раз содрогнулся, на этот раз значительно сильнее, так что Иллири покачнулся, а Раэль был вынужден опереться ладонью об Алтарь, удерживая вес брата на себе. Черный мрамор тут же засветился серебром, нестерпимо вспыхнул, Храм еще раз качнуло и Алтарь стал медленно погружаться в пол.

Сбитый с ног Иллири тут же обернулся в паучью форму, подхватил свое стихийное бедствие и инстинктивно метнулся к Келлину. Вдвоем защитить их прелесть будет проще.

Лаит и Кхай, на таких же рефлексах достали мечи и заслонил собой Ваэль.

Дасат дернул Мару в сторону Аллос и перетек в боевую стойку.

Недвижимой осталась лишь Паучиха. Она и сама могла бы принять свой любимый и жуткий образ, но не видела в этом никакого смысла. Едва Алтарь исчез в мраморном полу, как Аллос велела:

— Успокойтесь, это не угроза, это намек. Отец четкое дает понять, что с этого момента Жертвоприношения отменяются, а значит все дело в них. А точнее в одном конкретном.

Ваэль догадалась первой:

— Последнее Жертвоприношение?

Аллос кивнула:

— Именно. Я только сейчас поняла одну странность — я не помню всего. Вернее, всех.

— Ты о чем это? — удивленно спросил Кхай.

— Сколько Реш присутствовало на Последнем Жертвоприношении?

— Согласно правилам — Добровольная Жертва, Палач и двое Свидетелей.

— Так. Ваэль, я, Лиса и...?

— Я. Я тоже был там, — напомнил Кхай.

— Нет! В том и дело, ты опоздал, ты появился позже, но начать без второго Свидетеля

мы не могли!

Кхай замер. Аллос была права. По давним правилам, добровольность Жертвы должны были подтвердить минимум двое Реш, но в момент убийства его не было в Храме, значит был кто-то другой, кто-то, кого они почему-то не запомнили.

— Кто-то стер наши воспоминания об еще одном участнике, — подытожила Аллос. — И мы все прекрасно понимаем, что это может означать.

— Она и есть Враг, — сделала очевидный вывод Ваэль.

— Она? — переспросила Аллос.

— Да, это я помню. Смутно. Нас действительно было четверо, четверо женщин. Энергия была одного типа, — подтвердила бывшая Жертва.

— Значит, мы знаем хотя бы пол, — удовлетворенно произнес Кхай, но его взгляд тут же уперся в Раэля, а потом он сам же себя и успокоил, — точно знаем. Вауу не мог быть Свидетелем, только Реш.

— Спросим Лису? — предложила Аллос.

— Когда ты последний раз ее видела? — ехидно уточнил Кхай.

Но Паучиха ничуть не смутилась:

— Давненько, но это не ничего не меняет. Мы ее найдем и спросим, она такая зараза, что могла избежать чистки мозгов.

Последняя фраза про мозги отозвалась гулом в голове Ваэль и ее внезапно осенило:

— Подождите! Есть еще один момент!

— Ты о чем? — настороженно спросил Кхай.

— Моорны! Где они? Мы же столько волн возмущения подняли в Первозданном! Да взять хотя бы мой уход в Аит'Ле, крушение Жемчужного Дворца, но я ничего не чувствую! Моорнов нет в Болоте, нет в Омуте, не было и в Аит'Ле. Я только сейчас поняла, что в Аит'Ле было непривычно пусто.

— Может их всех порешили на Арене? — предположил Лаит, намекая на подвиг Кхая.

Ваэль отрицательно покачала головой:

— Моорнов нельзя полностью уничтожить, они каждый раз возрождаются в Омуте, в этом вся соль.

— И их там нет, — задумчиво уточнил Лаит.

— Их там нет.

— Мир Льдов? Они могли пройти по каналу связи, — выдвинул свою версию Кхай, — такое уже было, каналы действуют как клапаны и сбрасывают лишнее напряжение.

Но тут вмешалась Аллос:

— Моорны не проходили к нам, я бы их засекла.

О двух крылато-хвостатых кошмариках Паучиха предпочла промолчать, к ним у нее будет особый, отдельный разговор. Теперь она была уверена в своих догадках, но от этого они становились только опаснее. Говорить о них точно преждевременно, можно все сильно усложнить, но вот самой разобраться стоит непременно.

— Значит, моорнов нет ни в Первозданном, ни в Аит'Ле, и ни в Мире Льдов. Куда они все делись?

— Они пошли в атаку, — высказал всеобщее опасение Иллири. — Концентрированной волной, на один-единственный мир.

Раэль содрогнулся, он видел пресловутых моорнов только в учебнике, и плохо представлял себе их силу и способности, но зато он точно знал, чем грозит

полномасштабный прорыв моорнов — видел последствия.

— Они его уничтожат... — прошептал Вауу.

— Подчистую, — кивнул Иллири и тут же предположил, — Инструмент Врага?

Идея ошарашила всех присутствующих, но так ладно легла на логику происходящего, что не вызвала никаких возражений.

— Нам придется разделиться, — озвучила назревающую мысль Ваэль.

— Мы пойдем по следу моорнов, — выдвинул свою кандидатуру Дасат. — Я и Марак.

— А я вернусь в Мир Льдов. Нужно все проверить с той стороны, — тут же ухватилась за возможность Аллос.

Ваэль же была другого мнения:

— Ты нужна мне здесь. Первозданный под угрозой, а я еще не вернула себе все.

Паучиха досадливо стукнула себя по лбу, и было в этом жесте столько непосредственности, несвойственной великой Аллос, что у Келлина глаза не то, что округлились, а приняли почти квадратную форму. Аллос тем временем мгновенно перетекла в паучью форму, щелкнула пальцами, начертила в воздухе несколько рун, и за пару секунд сплела небольшой кокон из липких, белесых нитей. Ваэль недоуменно приняла сверток от своей сестры, и тот сразу распался искрящейся пылью. В вытянутых руках Нешамах оказался ее Венец.

— Н-да, я мог бы и догадаться, что ты его прихватила, — буркнул Кхай, недовольный своим просчетом.

Аллос пожалала алебастровыми плечами:

— Не оставлять же его здесь, без присмотра. Идиоты Коф могли до него добраться.

Ваэль смотрела на главный трофей своего затянувшегося квеста по Первозданному и... ничего не чувствовала. Все мотивы, все цели, с которыми она покидала Землю, стали совершенно неважными. Приоритеты так сильно сместились, что ни Игра, ни Венец, уже не имели никакого значения. Именно тогда, когда в этой самой Игре она победила и держит свой законный приз. Она покрутила в руках тяжелый зубчатый обруч, переливающийся матовой платиной и алмазами, а потом со вздохом приняла его на свою голову. Во всех смыслах.

— Ты никогда не любила эту цацку, — усмехнулась Аллос.

— Она неудобная и колется, — пожаловалась Ваэль.

— Привыкнешь, так всегда было. Дай себе время.

Воспоминания и знания всех поколений Реш стучались в виски, пытались прорваться, затопить сознание, но Змея тут же встала на защиту подвергнувшегося атаке разума — «Позззжжжеее» — прошипело в мыслях Ваэль, и поток иссяк, так и не набрав силу. Она пока не была готова вспомнить все, знания нужно дозировать, иначе очень просто потерять себя в былом, утратить ощущение реальности.

— Мне все равно нужна твоя помощь, — настояла Ваэль.

Аллос недовольно скривилась, но не стала возражать. Как бы ей ни хотелось разобраться с двумя мантикорами и тем, откуда они появились, первоочередным был порядок в Первозданном. Ваэль действительно нужна поддержка, одной ей будет нелегко, если не невозможно вернуть себе власть.

— Хорошо, я останусь с тобой, — согласилась Паучиха. — Раэль, тебе придется вернуться в Элисвиэль и попробовать все решить на месте. С тобой и твоими якорями вернется Марак, вам нужен будет Проводник.

Некромантка никак не высказала своих эмоций от оказанного доверия — самостоятельно она еще не открывала Путь, но видела и запомнила достаточно. Ее отец, Дасат, был хорошим примером и очень требовательным наставником.

Раэль же не знал, как реагировать, с одной стороны ему было жутко интересно и хотелось побольше узнать о происходящем, с другой стороны... Он взгляделся в спину Келлина, который едва повернул голову в его сторону, все еще заслоняя от гипотетической опасности — с другой стороны ему нужно разобраться с якорями, тут он намек Аллос точно правильно понял. Да уж, прежде чем соваться в глобальную заварушку, стоило устаканить свои привязки. Раэль тоскливо вздохнул — это был полный крэшши и твэрх наз рахмиз, но что делать? Сам заварил кашу, самому теперь и расхлебывать.

— Значит по следу моорнов пойду я один, — уточнил Дасат.

— Ты справишься? — спросила Ваэль.

— Как всегда, — беззаботно пожал плечами старший Мейн, — я твоя Гончая, мне не привыкать.

Нешамах утвердительно кивнула, а Аллос подытожила:

— Тогда все решено. Мы с Ваэль, Кхаем и Лаитом остаемся в Первозданном. Марак, Келлин, Раэль и Иллири возвращаются в Мир Льдов. Дасат идет по следу моорнов.

— Что будем делать с поисками Лисы? — спросил Лаит.

Ваэль поморщилась:

— Придется немного отложить, Первозданный в приоритете, нужно обеспечить тылы.

Паучиха мысленно возрадовалась — у нее будет время самостоятельно разобраться с Бездновым Жертвоприношением, что очень кстати, что-то было явно не так и не укладывалось в голове, а значит требовало вдумчивого изучения. Ваэль же предпочитала действовать, и могла натворить дел, идя напролом. Фатальных дел. Пусть лучше отвлечется на интриги Домов, зарвавшихся хаоситов давно пора поставить на место, и в этом Нешамах всегда была хороша.

Венец на голове Ваэль подтверждающе сверкнул, на Первозданный надвигается буря, потряхнет Дома знатно, но так и должно было произойти, слишком сильно хаоситы уверились в своей исключительности, в своем праве вершить чужие судьбы, пора им было напомнить, что и над ними кто-то стоит. Та, что имеет право карать и миловать по своему хотению, та, для кого все они такие же пешки на доске, как и простые смертные для них.

Кармический круг замкнется, и это благо, благо для всех.

Перезапилот, недопролог. Пожиратель Душ

Несмотря на озвученные и подтвержденные планы, приступить к их выполнению сразу не получилось. Окрестности Храма все еще потряхивало от произошедших изменений, и Мейны вполне разумно отказались открывать Пути. Лучше было переждать день, а то и два, и не высовывать носа из небольшого островка стабильности, четко очерченного мраморными границами.

Ваэль попросила оставить ее на пару часов в одиночестве, ей нужно было хоть немного сладить с Венцом, чтобы начать дозированно получать нужную информацию, вместо сплошного, неструктурированного потока. Кхай нехотя покинул ее, им еще предстояло объясниться, но это могло и подождать. Тем более, что объявился старый друг, Дасат, который неведомо сколько времени был заперт в Мире Льдов. Крылатому было интересно, что же произошло с одним из Закрытых Миров, над которым он столько трудился. Марак присоединилась к их беседе, иногда дополняя рассказ.

Лаит... Лаит окончательно закрылся в себе. Обретший было надежду от невольного признания, он рухнул с высоты в тот момент, когда Ваэль надела Венец. Пропасть между ними стала непреодолимой — кто он и кто она? И все равно, что дышит он только ради нее, это не имеет никакого значения. Она Аватар, Кхай — Аватар, а он, Лаит, всего лишь Проводник, с трудом выполнивший свою миссию. Чудо, что Ваэль не отослала его, оставила рядом. И этим чудом он обязательно воспользуется. Со временем.

Раэль, собравшись с духом наконец выпустил из объятий Иллири, и хотел было выцепить Келлина и попробовать с ним поговорить, хоть как-то, но крэшшшев дроу ловко избежал нежелательной беседы, под выдуманным предлогом вызвав Лаита на тренировочную дуэль. Пришлось Принцесске, пардон, Императрице ошиваться поблизости. Ну как, «пришлось»... Поглазеть на полуголого Лина Раэль был всегда не прочь. Тем более, когда давно не было такой возможности.

А Иллири... Иллири воспользовался случаем задать давно мучавший его вопрос.

— Киали...

Алос вздрогнула, оторвалась от бессмысленного плетения паутины. Обычно это действие ее успокаивало, да позволяло выплеснуть лишние эмоции, но на этот раз лекарство от нервов явно не помогало. Гадские мантикоры куда-то запропастились, почувствовав своими хвостатыми задницами недобрые намеренья Паучихи, лишив ее последнего шанса быстро прояснить ситуацию с их хозяйкой.

— Киали, — вновь позвал Иллири.

— Не называй меня так, — поморщилась Алос.

— Почему?

— Мы, Пробужденные, так зовем иную Сущность.

— Кого?

— Нашу общую Мать.

— Мать? Есть еще кто-то кроме Отца? — удивленно спросил Иллири.

Паучиха рассмеялась:

— Конечно! Если есть Отец, то всегда будет и Мать.

— И кто она?

— Тьма Всеблагая, естественно.

Иллири замолчал, пытаясь переварить весть. Еще одна неизвестная в и без того сложном раскладе? Но Аллос успокоила своего сына:

— Тьма давно уснула, ушла из Веера и из Первозданного. Ей перестали поклоняться, Ее почти забыли, не взывают к Ней, не приносят Ей жертвы. Поэтому мы больше никого и не зовем древним именем. Мы, Пробужденные, все еще чтим Ее, но молча, отдавая дань уважения Ее решению.

— Нешамах знает?

— Знает, но Мать уснула еще до Ее Пробуждения. Ваэль никогда с Ней не Беседовала.

— А ты?

— А я была ее Жрицей... Но это было давно, еще на заре становления Домов, — Аллос вновь замолчала, перебирая обрывки воспоминаний словно скупец драгоценные камни. — Но ты не об этом хотел со мной поговорить, верно?

— Верно.

— Так о чем же?

Иллири помедлил, взвешивая все за и против — да, стоящая перед ним женщина вроде как его мать, но это еще ничего не значит, она столь стара и непостижима, что реакцию ее предугадать невозможно. И все же, новоиспеченный Реш задал свой вопрос:

— Ты ведь все знала? Тебе же ведомо все, так говорят о тебе дроу.

— Дроу многое говорят, иногда даже что-то разумное.

— Так ты знала?

— Что именно? — попыталась увильнуть Аллос, уже догадываясь о том, что хочет от нее Иллири.

— Ты знала, что за кинжал попал к Раэлю, — Иллири не был уверен в своих словах, но стоило их произнести, как по едва заметно изменившемуся лицу Паучихи он понял, что это было правдой. — Ты действительно знала!

Аллос поджала губы, любого другого за подобный тон она бы уже стерла с лица земли, но это ее сын. Одно из двух, родных по крови существ, все еще живущих. Да, все Реш родственники, и Ваэль ей сестра, но то другое родство.

— Не понимаю, о чем ты.

Иллири усмехнулся:

— Мамочка, — он специально так назвал грозную Богиню, но та даже не дернулась, еще раз подтвердив его мысли, — дорогая моя мамочка, я видел фрески.

— Фрески?

— Ага. Может быть ты забыла, но некоторые залы украшены чудными фресками, как я понимаю, историческими.

Аллос неопределенно махнула рукой:

— Ну и что?

— Драгоценная, я провел здесь в одиночестве намного больше времени, чем мне бы хотелось, и успел изучить все помещения Храма. Повторюсь, ВСЕ.

Паучиха прикрыла глаза и закончила за него:

— Ты нашел мою комнату.

— Ага. Знаешь почему я понял, что она именно твоя?

— На двери мое изображение.

— Точно! А знаешь, что у тебя там в руке?

— Сакэш.

— Вижу, что ты помнишь. Как наверняка помнишь и вид центрального лезвия, и узор на нем. Помнишь?

— Помню, — тихо подтвердила Аллос.

— Тогда ты знала! Ты знала, что это часть Регалии, Пожирателя Душ!

Паучиха несколько мгновений разглядывала своего сына, а потом внезапно нахмурилась:

— Постой, а откуда ты узнал про Пожирателя?

Иллири скривился:

— В одной из комнат когда-то жили чужаки, по всей видимости они проводили исследования Храма, так что подробно записывали свои находки. Куда они делись и почему оставили свои записи здесь я без понятия, возможно заблудились в подземном лабиринте, я и сам там чуть не сгинул, спасла только паутина. Впрочем, неважно. А вот записи их оказались крайне интересными, там было и про Регалии, про каждую из них. В том числе и про Пожиратель. Конечно, они видели его только в качестве сакэша, и описывали именно его, но центральное лезвие ни с чем не спутать — кинжал, которым меня убил Раэль именно Пожиратель, то во что он превратился. Ведь так?

Аллос тяжело вздохнула:

— Так, но ты не понимаешь всего.

— Ну так расскажи мне!

Паучиха еще раз смерила взглядом продолжение себя и согласно кивнула:

— Попробую, — Богине всех дроу понадобилось несколько секунд, чтобы собраться с силами, необходимыми для правды. — Я увидела его случайно, в облачении Раэль, когда она прибыла в Тилуририв-Ссин в первый раз. Я наблюдала за ее прибытием, тайно, скрытно. Любопытство, что поделать.

Эти ее вспышки непосредственности, резкие переходы от торжественности и пафоса к почти неуместной самоиронии, выбивали из колеи, к ним было трудно привыкнуть, но Иллири смог уловить закономерность — чем больше нервничала Аллос, тем резче были переходы.

— Я не была уверена в том, что это Пожиратель, потому что Регалия исчезла по завершению Последнего Жертвоприношения. Алтарь впитал ее вместе с телом Нешамах. Нет, уверенности у меня не было, была лишь догадка.

— И ты решила ее проверить на мне? — ехидно уточнил Иллири. — Ты меня совсем на расходный материал списала?

— О, сколько трагичности! — закатила глаза Аллос. — Глупец! Ты хоть понимаешь, каково это постоянно играть с Отцом? Вернее, быть игрушкой Его замыслов? Знаешь, почему я еще жива? Почему не сгинула в Бездне за все прошедшие эоны? Я научилась играть по Его правилам! А потом и нарушать их. Только так — сначала прими, подчинишься, а потом управляй. Вот главный секрет.

— Если Пожиратель объявился, значит он должен был исполнить свою роль... — задумчиво промолвил Иллири.

Аллос одобрительно закивала:

— Верно! Никто кроме Отца не мог вернуть Пожиратель в Веер после того, как он растворился в Алтаре. А если Регалия вернулась, пусть и в чуть измененном виде, значит таков был замысел Отца. Противится Ему явно опасно и безрезультатно, а вот понять и направить себе во благо... Тем более, что Дверь нужно было открыть, любой ценой.

— Ты решила подыграть, — закончил мысль Иллири. — Но и подстраховалась. Те знаки, что ты чертила...

— Да! Ты должен был Возродиться, они должны были удержать твою душу рядом.

— Но это все же оказался Пожиратель, и привязка не сработала...

— Сработала. Ты же Возродился, — хитро прищурилась Аллос.

И тут, наконец, Иллири понял:

— Он не убить меня хотел, а превратить в Реш!

— О! Вот и я пришла к этой мысли. Ему нужен был всплеск энергии от правильного, полноценного Жертвоприношения. Я подыграла, в ответ он вернул мне тебя. Всем нам вернул.

Иллири дополнил:

— Еще и выдал авансом новую силу и возможности.

Аллос кивнула:

— Да, Он создал руками Раэля еще одного полноценного Реш. По силе ты равен Перворожденным, а это мощь, безумная мощь по меркам выродившихся Домов. Ты еще не обрел ее полностью, тебе еще учиться и учиться, но твой потенциал... Это нечто.

Аллос была счастлива, Аллос была довольна, новорожденный Реш же был в замешательстве:

— И зачем? Еще один эксперимент? Дестабилизирующий фактор?

Паучиха пожала плечами:

— А вот это я пока не вычислила. Возможно, что ты создан в помощь Ваэль. Нам нужен кто-то, кому точно можно доверять. Врагом может оказаться любой, но не ты.

— Почему ты так в этом уверена?

— Разве ты не слышал того, что я рассказала всем? Ты никак не можешь быть Аватарой.

— Я слышал твои доводы, но мне показалось, или ты не поделилась всеми своими догадками?

Паучиха хмыкнула:

— А ты быстро учишься!

— Так почему я не могу быть Аватарой?

— Потому, что ты завязан на Раэле. Ты подчинен вашей привязке, и раз она не порвалась после Возрождения, значит ты не свободен в своей воле.

— Ты хочешь сказать...

— Да, — кивнула Аллос, — пока ты якорь Раэля, ты никак не можешь быть Аватарой. Ты все с ним делишь — и любовь, и ненависть, и силу. С ним и с Келлином. А значит вы или все трое Враги, или ни один из вас.

— Первое слишком абсурдно даже для Хаоса, значит остается второе.

— Значит остается второе.

Иллири помолчал, проворачивая в голове все факты, а потом выдал еще одну догадку:

— Поэтому ни Кхай, ни Лаит не могут быть Врагом. И дело вовсе не в пресыщенности Отца, а все в том же простом расчете — или они все трое, или ни один. Ваэль не может быть и Врагом, и его противовесом, значит — ни один из них.

Вместо ответа Аллос лишь кивнула, а потом достала из складок своего кше Пожиратель, тот самый, с которого начался весь разговор. Паучиха погладила черный алмаз в рукоятке, и кинжал вновь обрел свою первоначальную форму. Провернув сакэш на ладони, она протянула его своему сыну.

Иллири удивленно вскинул брови:

— Ты отдаешь его мне?

— Да. Он тебе пригодится. Теперь он тебе не страшен и будет послушен. Защити Раэля.

— От чего? — вмиг насторожился Иллири.

— Не знаю, пока не знаю. Но Хаос любит парадоксы, и все наши умозаключения могут ничего не значить. Все может изменить одна единственная деталь, которую мы пока не видим. Поэтому присмотри за Раэлем, — Аллос на мгновение замолчала, а потом решительно продолжила, — и за Цаде.

— Ты все еще не доверяешь Келлину?

— Отец уже один раз воспользовался им, может попытаться вновь прибрать к рукам послушную игрушку.

— Но ты оставила его рядом с Раэлем?

— С ним не все ясно, — Аллос даже своего сына не желала посвящать в тайну мантикор.

Хвостатые кошмарики благоволили Келлину и Раэлю, только им двоим, и это что-то значило, но что именно, Аллос пока не поняла, как не знала и роли хозяйки мантикор в намечающемся раскладе. То ли еще одна жертва, то ли ведущий...

Во всем предстояло разобраться, распутать клубок за клубком. Как всегда, как обычно. Но на этот раз с ней будет ее сын, ее первенец в этом витке вечности.

Конец.